ISSN 2072-8549

Вестник

Московского Государственного Областного Университета

Философские науки

№ 2 / 2009

Вестник

Московского государственного областного университета

Серия “Философские науки”

№ 2

Москва
Издательство МГОУ
2009

Вестник
Московского государственного
областного университета

Научный журнал основан в 1998 году

Редакционно-издательский совет:
Пасечник В.В. - председатель, доктор педагогических наук, профессор
Дембицкий С.Г. - зам. председателя, первый проректор, проректор по учебной работе, доктор экономических наук, профессор
Коничев А.С. - доктор химических наук, профессор
Лекант П.А. - доктор филологических наук, профессор
Макеев С.В. - директор издательства, доктор философских наук, доцент
Пусько В.С. - доктор философских наук, профессор
Трайтак С.Д. - кандидат физико-математических наук, доцент

Редакционная коллегия серии "Философские науки":
Дырин А.И. - доктор философских наук, профессор (ответственный редактор)
Ярославцева Г.В. - кандидат педагогических наук, доцент (ответственный секретарь)
Демина Л.А. - доктор философских наук, доцент
Загребин М.В. - кандидат философских наук, доцент
Карпова Н.П. - кандидат философских наук, доцент
Мюллер Р. – почетный профессор, г. Юберлинген (Германия)
Огородников Ю.А. - доктор философских наук, профессор
Песоцкий В.А. - кандидат философских наук, доцент
Чугунов В.М. - доктор философских наук, профессор

Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». - № 2. - 2009. Выпуск в серии № 15. - М.: Изд-во МГОУ. - 198 с.

Вестник МГОУ (все его серии) является рецензируемым и подписным изданием, предназначенным для публикации научных статей профессорско-преподавательского состава, а также докторантов, аспирантов и соискателей (См.: Бюллетень ВАК №4 за 2005 г., С.5) и решение Президиума ВАК России 6.07.2007 г. (См.: Список журналов на сайте ВАК, 12.07.2007 г. и в апреле 2008 г.). На сайте МГОУ информация о *статусе всех серий «Вестника МГОУ» и требованиях к публикациям для авторов статей* находится постоянно обновляясь с внесением необходимых изменений.

Подписной индекс серии «Философские науки» Вестника МГОУ - ***36759*** (см. Дополнение №1 к Каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» (2006) и Каталоги этого же Агентства на первое и второе полугодия 2008, 2009 и т.д. годов. Правила подготовки научных статей и условия (особенности) их опубликования в серии «Философские науки», публикуемые теперь (с 2009 г.) на последних страницах каждого номера журнала, могут быть также высланы редколлегией серии на электронный адресс авторов статей (по запросу). Журнальная статья «Колонка редактора», представляемая в каждом выпуске нашей серии, также должна быть известна потенциальным авторам.

© МГОУ, 2009
© Издательство МГОУ, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка редактора....5

РАЗДЕЛ 1.ВОПРОСЫ ОНТОЛОГИИ И ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

БАЙДАКОВА М.Ю. Свобода воли в контексте соотношения индивидуального и универсального (по оценкам западных философов)....9
БОНДАРЕВА Я.В. Генезис принципа трансцендентности как методологической основы русской религиозной философии....14

РАЗДЕЛ 2.ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И ФИЛОСОФСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

БАКУРАДЗЕ А.Б. Проблема человека в теориях управления социальной организацией: социально-философский анализ....25
БУРЫКИН А.Н. Тоталитарное управление как комплекс отчужденно-бюрократических методов...35
БУХТИЯРОВА С.А. Психолингвистические и философские аспекты изучения процессов целеполагания в связи с проблемами успешности иноязычного педагогического личностно-ориентированного общения....44
ВОЙТОВ И.В. Экономическая культура и пути ее формирования в России....53
ДЫРИН А.И. Безопасность? – Только с Россией!....59
ЕРОХИН С.В. Категории «эстетическое» и «художественное»: информационный подход....66
КАФТАН В.В. Интерпретация образов терроризма как гносеологическая проблема....75
КИРСАНОВ А.И. Концептуальные основания кризиса современной цивилизации и проблемы будущего....82
КИРСАНОВ А.И. Глобализация и проблема взаимоотношения западной цивилизации с остальным миром....86
КОРОЛЕВА М.Ю. Государство в условиях глобализации....90
ЛОБАЗОВА О.Ф. Противоречия и тенденции развития религиозности современного российского общества....97
МИХАЛКИН Н.В., МИХАЛКИН С.Н. Право как социальный феномен и его сущность, или: Правопонимание в свете эволюционного и ситуативно-деятельностного подходов....105
ОГУРЧИКОВ П.К. Современное общество потребления и мифологизация экранной культуры....115
ПОЛЯКОВА И.П. Красота повседневной жизни в искусстве....122
РОМАНОВА И.Н. Характер социальной трансформации....128
ТУГУШИ С.А. Гипертекстуальность и кинопритча....135
ЦИРКУНОВ И.Б. Новая научная парадигма и Арктическая доктрина России....142
ШЛЫКОВ Р.В. О стратегии обеспечения национальных интересов России....151

РАЗДЕЛ 3.ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ И ИСТОРИИ ДРУГИХ ФИЛОСОФСКИХ ДИСЦИПЛИН

БАРСУКОВ И.С. Диалектика труда как основа в определении существенной роли субъективности в процессе становления формообразований духа в произведениях Г.В.Ф.Гегеля йенского периода....158
БУГАЕВ А.Е. Хронологический аспект категории смысла в философии Иммануила Канта....164
БУЗУК Л.Г. Этапы эволюции философских воззрений Е.В. Де Роберти....170
ШИХАРДИН Н.В. Ислам в философской концепции и судьбе Роже Гароди....180

РАЗДЕЛ 4. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ
(кафедра философии МГОУ и докторский диссертационный философский совет при МГОУ)....187

НАШИ АВТОРЫ....191

Информация о Вестнике Московского государственного областного университета Правила для авторов статей и образец оформления первой страницы статей для серии «Философские науки» Вестника МГОУ....195

CONTENTS

Editor`s column.....5

SECTION 1. QUESTIONS OF ONTOLOGY AND THEORIES OF COGNITION

BAIDAKOWA M.Y. Die Freiheit des Willens im Kontext der Entsprechung des Individuellen und des Universallen.....9
BONDAREVA Y.V. Genesis of the transcendence principle as a methodological basis of Russian religious philosophy.....14

SECTION 2. QUESTIONS OF SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHICAL PROBLEMS OF THE SOCIAL-PHILOSOPHICAL SCIENCES

BAKURADZE A.B. Problem of Man in Theories of Directing of Social Organization: social-philosophical analyses.....25
BURYKIN A.N. Totalitarian Directioning as a complex of alienated-bureaucratic methods.....35
BUHTIYAROVA S.A. Psycho-Linguistic and Philosophic aspects of studying the Processes of aim-setting in connection with the problems of successfulness of foreign-language pedagogical personality-oriented communication.....44
VOYTOV I.V. Economical Culture and the ways of its establishment in Russia.....53
DYRIN A.I. Safety? – Only with Russia!.....59
YEROHIN S.V. Categories "Esthetic" and "Artistic": Informational Approach.....66
KAFTAN V. Interpretation of images of terrorism as gnosiological problem.....75
KIRSANOV A.I. Conceptual explanation of the crises of contemporary civilization and problems of the future.....82
KIRSANOV A.I. Globalization and the Problem of Mutual relations of Western Civilization and the rest of the World.....86
KOROLYOVA M.Y. State in Conditions of Globalization.....90
LOBAZOVA O.F. Contradictions and Tendencies of Development of Religious Contemporary Russian Society.....97
MIHALKIN N.V. MIHALKIN S.N. Law as a Social Phenomenon and its Essence, or: Law Understanding Regarding Evolutional and Situational-Active Approaches.....105
OGURCHIKOV P.K. Contemporary Consumption Society and Mythologization of "screen" Culture.....115
POLYAKOVA I. The beauty of everyday life in art.....122
ROMANOVA I.N. Nature of Social Transformation.....128
TUGUCHI S. Hypertextuality and film parable.....135
TSIRKUNOV I.B. New Science Paradigm and Arctical Doctrine of Russia.....142
SHLYKOV R.V. Strategy of Providing National Russian Interests Support.....151

SECTION 3.QUESTIONS OF PHILOSOPHY HISTORY AND OF THE OTHER PHILOSOPHIC DISCIPLINES

BARSUKOV I.S. Work dialectics as a basis in definition of an essential role of subjectivity in the course of formation spirit forming Iena period works by G.V.F. Hegel.....158
BUGAEV A.Y. Chronological aspect of the Purport Category in Immanuil Kant`s philosophy.....164
BUZUK L.G. Periods of evolution of philosophical attitude of E.V. De Roberty.....170
SHIHARDIN N.V. Islam in the Philosophical concept and Life of Roger Garaudy.....180

SECTION 4. SCIENTIFIC LIFE
(philosophy department of MGOU and doctoral dissertation philosophical council by MGOU).....187

OUR AUTHORS.....191

Information on Moscow State Regional University Bulletin.
Regulations for the authors and the example of the first page layout of the articles for the series "Philosophical Sciences" of MGOU bulletin.....195

УДК 655.26

Колонка редактора

Вестник МГОУ как научный журнал выходит, как известно, с 1998 года. С 2005 года он стал не только подписным и рецензируемым (ваковским), но и выходить стал ***десятью специализированными сериями***. В их числе – и серия *«Философские науки»*. Первый (пробный) выпуск Вестника в серии «ФН» был осуществлен во второй половине 2005 года. С 2006 года выпускается по четыре номера в год. ***Подписной индекс серии «ФН»*** Вестника МГОУ – ***36759 в Каталоге Агентства «Роспечать».*** Одним из условий приема *научных* статей для опубликования во всех сериях Вестника МГОУ является ***подписка*** (как минимум, на полугодие) на соответствующую серию (или на год и больше, если тот или иной автор собирается опубликовать несколько статей).

Правила подготовки научных статей и условия их опубликования в выпусках серий «Вестника МГОУ» помещены на сайте университета. Там же отмечены и характерные особенности, применительно к той или другой серии. В том числе и относительно серии «Философские науки». Кроме того, редакционная коллегия серии «ФН» *в каждом номере* повторяет эти правила и условия (теперь это будет блок из 4-5 стр. в конце журнала), но с внесением в них необходимых изменений (уточнений, разъяснений и т.п.). Эти «Правила…» мы также высылаем *по запросу* на электронный адрес вуза, кафедры, отдела, потенциального автора.

И все же редколлегия, ответственный редактор серии «ФН» считают необходимым (тем более, что вышло уже 14 книжек журнала нашей серии, в которых опубликовано более 215 статей) обратиться к потенциальным авторам с некоторыми пожеланиями, рекомендациями и т.п. Обращение это связано и с тем, что 29 апреля 2008 г. было принято Решение Ученого Совета МГОУ, рассмотревшего вопрос о выпуске серий Вестника.

В составе Информационно-издательского центра МГОУ (Издательство МГОУ) создан отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ» в интересах координации работы редколлегий и издательства по подготовке к выпуску серий журнала. ***Независимое рецензирование*** поступающих для публикации рукописей научных статей, как и раньше, *организуют* редакционные коллегии серии, ответственные редакторы. Но *организацией* независимого рецензирования будет заниматься и вновь созданный отдел.

Совет постановил, что важнейшей задачей отдела и ответственных редакторов серии должно быть соблюдение требований к авторам поступающих для публикации статей относительно их научности и оформления, полного и точного соблюдения «Правил…». В каждой серии «Вестника МГОУ» вводятся две новые, небольшие по объему - по 2, максимум, 3-4 страницы текста рубрики – «Колонка (страница) редактора» и «Научная жизнь» (последняя – для публикации информации о проводимых (проведенных и готовящихся) в МГОУ научных мероприятиях (конференции, семинары, защиты диссертаций, рецензии и аннотации на монографии и учебные пособия, юбилеи и памятные дни и пр.).

Решением Ученого совета МГОУ создан также Совет ответственных редакторов серий «Вестника МГОУ», который на своем первом же заседании 26 июня 2008 года *постановил*:

- практиковать проблемно-тематическую рубрикацию содержания серий «Вестника МГОУ»;
- аннотацию на русском и иностранном языках помещать в форме двух абзацев: в начале статьи на русском языке (под заголовком *Аннотация*:… (курсив, шрифт 14), и: Annotacion: (Abstract:)… (курсив, шрифт 14) – в конце статьи (английский текст);
- авторам и редакторам соблюдать соответствие информации сайта МГОУ с требованиями редколлегий серий. (Например, требование издательского ГОСТа при оформлении ссылок на источники и литературу (*Примечания* в конце статьи) – образец см.: сайт МГОУ; пример ссылки

в тексте: [16;123] [8;78];

• редакционным коллегиям серий и отделу ИИЦ университета по изданию «Вестника…» неукоснительно соблюдать требования к *содержанию и оформлению независимых рецензий* и к *качеству* доработки авторами своих статей по замечаниям рецензентов и требованиям ответственных редакторов (в случаях необходимости такой *доработки*) – образец см.: сайт МГОУ;

• объем каждого номера журнала (а в разных сериях их выходит от 2 до 6 в год), как правило, не должен превышать 150 страниц (500000 знаков с пробелами);

• постраничная тарификация статей для авторов, печатающихся за свой счет, определена сегодня в размере 500 р. за каждую страницу печатного текста, содержащую 1800 знаков (с пробелами);

• редакционные коллегии серий «Вестника…» и отдел ИИЦ обязаны неукоснительно *расширять подписку*, ибо ограниченная подписка может привести к утрате статуса журнала как научного издания, рекомендуемого ВАК России.

Кроме того именно отделу вменена обязанность обеспечивать: **а)** информацию о статьях, опубликованных в сериях Вестника, в российских реферативных журналах и базах данных ИНИОН и ВИНИТИ РАН; **б)** представление серий «Вестника МГОУ» в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ); **в)** размещение на сайте МГОУ *электронных версий* серий журнала, что даст возможность лицензировать их как *самостоятельные издания с ваковским статусом*.

Председателем Совета ответственных редакторов серии «Вестника МГОУ» стал Волобуев Олег Владимирович, доктор исторических наук, профессор. Он же является и руководителем нового отдела ИИЦ. Его: E-mail: center-press2004@mail.ru; контактные телефоны: 8-499-265-41-63 (или 62) и – для краткого сообщения – сот.: 8-910-475-10-63 (учитывайте нахождение абонентов в роуминге).

Контактные телефоны ответственного редактора серии «Философские науки»: 8-495-780-09-44 (доб. 14-82); 8-499-261-13-80; дом.: 8-495-931-82-00; сот.: 8-916-596-32-88; E-mail: Dyrin@mail.ru

А теперь по сути содержания собственно «*Колонки редактора*» как обращения ответственного редактора и редколлегии серии «ФН» к сегодняшним и будущим авторам статей, публикуемых в философской (плюс раздел по политологии и философии политики) серии Вестника МГОУ.

Во-первых, обращаюсь с просьбой к авторам: правила и условия подготовки *научных* статей надо знать и твердо им следовать. Эти правила мы по Вашему *запросу* на Вами указанный электронный адрес отправляем незамедлительно. Кроме того, правила эти обязательно публикуются в каждом номере серии «ФН». Есть они и на сайте МГОУ.

Следование этим правилам, в том числе по вопросам «технико-технологическим», библиографического оформления и описания произведений печати и в текстах статей, и в *Примечаниях*, и т.д. не только ускоряют и улучшают процесс рецензирования и редактирования, сокращают необходимость переписки и телефонных разъяснений того, что кое-кто из авторов, к сожалению, не знает, не знает в принципе и даже «гордится» этим незнанием.

Во-вторых, не надо торопиться, я бы сказал даже так: не надо с рвением, достойным лучшего применения, спешить для того, чтобы используя Интернет, отсылать свою статью «для рецензирования», для какого-то «просмотра», «проверки» и т.п. Ведь редколлегия «ФН» Ваши статьи не заказывала. Вы их предлагаете. Мы Ваши статьи принимаем и начинаем работу над ними лишь после того, как *Вы реализовали все правила и условия*. Они не являются секретными. Но они обязательны к осмыслению Вами и ответственному исполнению, в том числе при оформлении научно-философских статей.

Однако удивительные и странные просьбы и предложения приходится читать в письмах, присылаемых на мой адрес. Процитирую, или кратко перескажу, некоторые из них. Причем сразу же отмечу, что удивляют не только, и даже не столько «младое племя» аспирантов и соискателей, сколько докторанты, кандидаты и

доценты, и даже профессора. Ничего я здесь не преувеличиваю, но фамилии, конечно, не стану называть. «Авторы» себя узнают, а другим их имена знать не обязательно. Важно, чтобы «эти другие» таким же образом не «отличались».

Итак: Уважаемая (так в тексте, - А.Д.) Ан.Ив.! Меня зовут … Я аспирант … (Я ассистент …. Я доцент …) Для зашиты диссертации мне необходимы публикации в «ваковских журналах». Тема моей диссертации …. (эта информация необходима, жаль, что не все Вы сообщаете точное наименование темы и специальность, другие необходимые и желательные сведения о себе как авторе, не сообщаете контактные телефоны и электронный адрес). И далее: «Разрешите предложить *темы* материалов к публикации …» (следуют наименования тем); «если данные темы подходят вашему изданию, *буду рад* предоставить готовые статьи. *Уверен, что переписка* по электронной почте (*такая* переписка нисколько не предусмотрена, не входит в обязанности редактора, да и не нужна она, - А.Д.) позволит нам (нам!?) достаточно *быстро и просто* придти *к общему* мнению по поводу возможности публикации статей…».

Но ведь не темы статей редколлегия рассматривает (в этом был бы какой-никакой смысл, если бы статьи были заказными, если бы они заказывались редколлегией, но в нашем случае – научные статьи *предлагаются*, тема и содержание даются авторами, диссертантами. И все же правила были отправлены. Понятно, что по одним формулировкам статей (будь эти формулировки даже сверхточными) трудно судить ***о реальном философском содержании*** статей. Тем не менее одна тема была выделена: «пришлите именно ее, вторую … «на пределе смысла». И через неделю позвоните мне» (Сообщил телефоны).

Ни статьи, ни звонка. Зато пришло новое послание с *тем же* обращением (автор наш лишь писатель, он не читатель, в том числе своих собственных посланий): «Для того, чтобы *круг моих научных интересов стал более понятным*, высылаю вам аннотации к обоим статьям. Так же хотелось бы узнать …» Смысла перечислять вопросы нет, ибо всего лишь *две страницы* текста «правил и условий» *им не читаны.* Словом, автор ставит вопросы. Но ответы редколлегии ему не нужны, не важны. Или, быть может, он хочет чтобы ему все было разъяснено *лично* электронной перепиской? Ладно, хорошо, но читатель кто и где?

Пишу: Редколлегии серии журнала необходима Ваша научная статья, а не малопонятные темы и аннотации сами по себе (без статей), и тем более не «круг» Ваших научных интересов. Вы правила знаете? Нет не знаете. Ознакомьтесь с ними и полностью сделайте все в соответствии с их требованиями. И *тогда* статьи (или статья) будут приняты. *В редколлегию должно представлять научные статьи, готовые статьи,* а не темы только, не замысел даже, а *статьи*. Позвоните, я отвечу на все Ваши вопросы. Переписку «по электронке» с Вами я больше вести не буду, так как Вы ведете разговор не о статье, не о реальных условиях публикации, а какой-то «околостатейный разговор». На этом все, к счастью, и завершилось.

Но есть другие: «Я докторант из Петербурга. Хотел бы …. Меня интересуют в первую очередь, *сроки* публикации, а также правила *отправки* (!?) статей и т.д.» (а что за этим – «и т.д.»?). «Я занимаюсь изучением политической регионалистики, электоральных процессов, работаю над докторской.» (Далее: возможно ли опубликование, сроки, условия) Короче: этот докторант (из Астрахани) в *полном неведении*. Однако мой адрес на сайте МГОУ, там же и правила, и условия, и все-все, что надо. «Примите, пожалуйста, к рассмотрению мою статью. Нужно ли отправлять Вам по почте распечатанный вариант статьи?». «Если моя статья соответствует предъявленным требованиям, оплату отправлю по указанному на сайте адресу». Но и этот автор прекрасно знает, что статья выполнена им без учета правил и условий. Знает, что без оформления подписки (хотя бы на полугодие), без оплаты независимого, организуемого редколлегией, рецензирования, без оплаты издательских расходов никакая статья не может считаться принятой и работа редколлегии по такому тексту не производится.

Странно! Ну почему некоторые авторы считают, что редколлегия занимается рецензированием их статей как таковых, дорабатывая статьи таким образом. И даже присылают статьи лишь для рецензирования. Не для публикации. Нет и нет. Все правила и условия должны быть выполнены. В том числе и по оплате всех указанных позиций. Только в таком случае статья считается статьей в «портфеле редколлегии». И с ней проводится вся необходимая работа, в том числе экспертиза (рецензия) и редактирование. Да, иногда статьи авторами дорабатываются и в научно-теоретическом отношении. Так бывает. И все же больше высвечивается недостатков иного плана. На них я и обратил внимание потенциальных авторов в этой «Колонке редактора». О недостатках *предметно-содержательного* плана – в следующем материале (в №3-4-09 г.).

PS. Свежее письмо требует сделать добавление. Еще раз подчеркиваю: редколлегия серии (впрочем, и все другие) *организует рецензирование не всех и всяких,* в том числе и присланных электронной почтой статей, *а лишь принятых к публикации в серии «ФН» Вестника МГОУ.* И нет никакого пункта в правилах относительно той или иной оплаты «после рецензирования». Все одновременно (не буду повторять пункты правил и условий), в том числе и вся оплата должна быть проведена. Этот день и считается *днем приема статьи редколлегией* «для работы над ней». И если окажется (из рецензии и, тем более, после экспертного чтения ответственного редактора), что статья Ваша не годится, то деньги издательством возвращаются полностью. Впрочем, не могут быть возвращены две небольшие суммы – «за рецензирование» (оно выполнено и гонорар рецензенту выдан) и «за подписку» (она сделана Вами или издательством за Вас, но для Вас).

Словом, осмыслив и приняв требования – правила, условия, нормы, – следуйте им строго и точно. И статья Ваша *будет* опубликована, если (так как) она *научная и по философской проблематике*. Подтверждение? Оно у нас есть: редколлегия работает с текстами Вашими – смею утверждать – серьезно и ответственно: за 2006-2009 годы вышло 14 книжек журнала нашей серии. На доработку было направлено некоторое количество статей. Но большинство, где требовалась та или другая корректировка и редакция, были доработаны в редколлегии. И все поступившие статьи опубликованы. Сегодня уже идет подготовка двух последних номеров 2009 года. А первые два из них вы держите в руках.

РАЗДЕЛ 1.
ВОПРОСЫ ОНТОЛОГИИ И ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

УДК 159.947.2

Байдакова М.Ю.

СВОБОДА ВОЛИ В КОНТЕКСТЕ СООТНОШЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО И УНИВЕРСАЛЬНОГО (ПО ОЦЕНКАМ ЗАПАДНЫХ ФИЛОСОФОВ)*

Аннотация: Автор, отмечая многообразие философских концепций воли и акцентируя внимание на возможных кризисных составляющих, анализирует основные положения и гипотезы проблемы воли, свободы и свободы воли в западной философии, в частности в контексте соотношения индивидуального и универсального, что позволяет выявить целый ряд важных закономерностей, показать общие недостатки и ограничения имеющихся подходов, а также существенные особенности проблемы воли в западной философии.

Ключевые слова: свобода воли; западная философия; индивидуальное; универсальное.

Свобода воли рассматривается в западной философии и в контексте проблемы соотношения индивидуального и универсального или степени и способе зависимости частичного бытия от всецелого (1).

По мнению Немезия Эмесского, не согласного с фаталистическими воззрениями, выбор действий (добродетели и всякой душевной и умственной деятельности) и совещание относительно чего - либо «всегда во власти человека», но исход - не всегда (2).

Д. Бруно, говорит: «я признаю провидение и свободную волю, [что] несовместимо с признанием судьбы» (4). А. Шопенгауэр отмечает, что при осуществлении выбора, внутреннее содержание личности «наполняется выбранным», если не выбирает - «чахнет и гибнет» (3).

Эпикур считает, что человек самопроизволен и не подчинён судьбе и определению (5). Стоики воспринимают свободу человека как независимость духа от внешних случайностей и страстей, которые есть «неразумное противоестественное движение души, или чрезмерное влечение»; воля «противоположна вожделению, поскольку она разумное стремление» (6).

Цицерон, Плутарх и Александр Афродисийский, отстаивая свободу воли, стараются ограничить детерминизм (7). Плотин, Иерокл, признавая в Божественном Провидении первую и окончательную причинность человеческих поступков и всего совершающегося, допускают человеческую волю как вторичную и подчинённую причину.

В христианском детерминизме принцип свободы воли проявляется в личном единстве человека с Богом и Бога - в Личном единстве с человеком: здесь необходимость не есть неволя, свобода - не произвол, но сохраняется положение - всё зависит от Бога и нечто зависит от человека: соотношение абсолютности воли Бога и нравственного самоопределения человека; Божественного предопределения и Бо-

* © Байдакова М.Ю.

жественной благодати.

По мнению Пелагия, судьба человека определяется его собственной волей и Богом, хотя впоследствии абсолютизируется индивидуальный момент и преуменьшается значение Божественного начала. Августин отстаивает неотъемлемую естественную свободу воли человека, проявляющуюся в самостоятельности акта хотения и единстве общей конечной цели (8).

Б. Клервосский, различая естественное хотение и вольное согласие (рассудительное движение), настаивает на том, что только сознательной воле принадлежит свобода, которую человек (бессильную, пленённую грехом, но не утраченную) чувствует в себе: «Человек, имея волю, волен в себе, то есть свободен; имея разум, он сам себе судья. Свобода выбора делает нас волящими, милость Божия - благоволящими; отними свободу воли, и не будет спасаемого; отними благодать, и не будет спасающего» (9).

Готшальк учит о безусловном предопределении (по беспричинному выбору воли Бога) к добру или злу. Ф. Аквинский отмечает, что окончательная цель всех человеческих хотений и действий - благо, достигаемая различными способами и средствами, в выборе между которыми осуществляется свобода человеческой воли (10). Иоанн Дунс Скот постулирует безусловную свободу воли: ничто, кроме своей воли, не причиняет акта хотения в воле (11).

Виклеф учит, что все поступки человека происходят не по свободе воли, но по - необходимости. Э. Ротердамский, напротив, защищает свободу воли (12). М. Лютер утверждает, что «Бог ничего не предузнаёт случайным образом, но всё неизменной, вечной и безошибочной Волей предусматривает, предустановляет и исполняет»; человек действует по воле, определению Бога (высшей, абсолютной необходимости): «Он нас спасает без нашей заслуги, [...] и осуждает без нашей вины» (13).

Ж. Кальвин утверждает, что воля Бога есть «необходимость вещей»: «Бог Сам действует в нас, когда мы делаем добро; через орудие своё, сатану, когда мы делаем зло. Человек грешит по - необходимости, но грех не есть для него что - нибудь внешнее, а сама его воля» (14). Молина полагает, что условием исполнения или неисполнения воли Бога является «самоопределение человеческой воли», происходящее свободно со стороны человека, но предузнанное Богом как таковое».

Ф. Суарес, утверждает, что Бог, предвидя все будущие поступки, сообщает действенную благодать только при условии сохранения свободной воли человека (15).

Учение иезуитов не идентично взглядам томистов и августиниан, отстаивавших умеренный детерминизм. По мнению томистов, человек свободен, если Бог хочет, чтобы он был свободен.

Августиниане настаивают на том, что действенная благодать Бога не уничтожает свободы, так как разумная воля обсуждает и сообщается в себе, решиться ли ей на согласие или противодействие; но поскольку её решение предопределено действенной и достаточной благодатью, то возможна только отчётливая сознательность хотения и действия, но не свобода.

Янсен, затем и Паскаль, утверждая, что человек после грехопадения лишён свободы выбора между добром и злом и не может сопротивляться злой похоти, настаивают: всё, чего хочет или что делает падший человек, есть по - необходимости грех; человек свободен выбирать только между различными видами греха; поэтому единственный источник добра для человека - благодать Бога.

Молинос, затем и Ф. С. де ла М. Фенелон (16), признавая полную пассивность

человеческой души, говорит об окончательном уничтожении человеческой воли, что исключает даже акты воли, направленные к вечному Благу: даже если «человек вовсе не думал о Боге и вечной жизни», совершенство плоти «непрерывно сохраняется в высшей части души, нераздельно соединённой с Богом, тогда как низшая, совершенно обособленная, предаётся вполне всем движениям похоти».

И. Боссюэт, утверждая, что противоположные истины - свобода воли и всемогущество благодати Бога - имеют самостоятельные основания, отмечает, что человек, из - за непонимания возможности их соединения, не вправе жертвовать ни одной из них (17).

Немезий Эмесский подчёркивает, что «добровольное и выбор - не одно и то же»; произвольное гораздо шире: «всякий выбор произволен, но не всё произвольное [бывает] по выбору», который есть «некоторое совещание и обсуждение вместе с решением, хотя сам и не есть совещание» (18).

Современная западная философия, не обходя вниманием проблему свободы воли, утверждает, что человек, обладая свободой воли, из - за недостаточности знаний о «взаимосвязи между интеллектуальной оценкой, эмоциями и желаниями» для реализации свободного выбора «должен иметь приемлемую альтернативу» (19).

Р. Суинберн приходит к выводу об ограниченности свободы выбора и крайнего детерминизма, полагая, что человек всегда имеет свободу выбора, но это не полная свобода, так как на него воздействуют наследственность и окружающая среда (20). О. Платинга утверждает, что, обладая свободой воли, человек одновременно ответствен за неё: «реальность свободы воли» основана на свободе выбора.

Х. Мейнелл настаивает на том, что человек как «движущая сила является причиной собственных поступков и несёт ответственность за их выполнение или невыполнение». Р. Макинерни отмечает, что «сомнения в свободе воли можно довести до абсурда». Д. Лукас утверждает: «Каждый [человек] ощущает себя как движущую силу, как личность, способную принимать самостоятельные решения» и несёт «ответственность за свои поступки» (21). Однако «если бы мы всегда были свободны, мы были бы тем, что есть Бог», - пишет Вольтер (22).

Проблема воли в западной философии исследовалась и исследуется философами с разных мировоззренческих позиций, в связи с чем, имеет различное значение. Одной из возможных является следующая структура, интерпретация понятия. Воля в душевной жизни - это желания, хотения, стремления, влечения, природная и гномическая воля, способность, крепость, сила воли, терпение, свобода воли, самовластие. Воля и благодать - это свобода воли; добро и зло свободы; благодать и свобода; самовластие; воля и зло. Воля и выбор - это помыслы, природные желания и потребности (греховные или благие); намерения, решения, настойчивость, упорство, усилие. Воля и согласование воль - воля Бога и познание её; самоволие, своеволие; бессилие и раздвоение воли; согласование; Божественная сила в воле; совершенная воля; воля и спасение.

В философской мысли понятие свободы воли соотносится с ответственностью человека за свои деяния: утвердительный, отрицательный или ограничительный ответы на вопрос о возможности свободы воли определён выбором той или иной мировоззренческой системы (23).

В контексте рассмотрения проблемы важно сохранение тончайшего равновесия приоритетов: «Быть может, не существует вопроса более простого, чем вопрос о свободе воли; но нет и вопроса, по поводу которого люди бы больше путались. Затруднения, которыми [...] усеяли эту почву, и дерзость, с которой [...] постоян-

но стремились вырвать у Бога Его секрет и примирить Его провидение со свободой воли, стали причиной того, что идея этой свободы была затемнена именно в силу стараний её разъяснить» (24).

В заключение важно отметить, что философские концепции воли характеризуются многообразием существующих подходов к проблеме, критериев её оценки, трудностью определения понятия из - за неполноты обобщающих исследований. Итак, соглашаясь с замечанием Гёте, можно констатировать, что, действительно, «между двумя крайностями находится не истина, а проблема».

Итак на основании изучения философских трудов, обозначив многообразие философских концепций воли и акцентируя внимание на возможных кризисных составляющих, мы проанализировали основные положения и гипотезы проблемы воли, свободы и свободы воли в западной философии, выявили целый ряд важных закономерностей, показали общие недостатки и ограничения имеющихся подходов, а также существенные особенности сходства и различия, общность и противоречия проблемы воли в западной философии.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Философский словарь Владимира Соловьёва. - Ростов н. / Д., 1997. - С. 446 - 450.
2. Немезий Эмесский. О природе человека. / Перевод с греч. Ф. С. Владимирского. Сост., предисл., общ. ред. М. Л. Хорькова. - М. : Канон +, 1998. - С. 128 - 129. - (История христианской мысли в памятниках.).
3. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. / Перевод Ю. А. Айхенвальда. Т. 1. - М., 1900. - С. 230 - 231.
4. Бруно. / Перевод В. С. Рожицина. / / Вестник истории религии и атеизма. № 1. - М., 1950. С. 359 - 360.
5. Статьи, комментарии, фрагменты Эпикура и Эмпедокла. - М., 1947.
6. Антология мировой философии: В 4 - х т. Т. 1. - М., 1969. - 1971. - С. 499.
7. Цицерон. О судьбе. / / Философские трактаты. - М., 1985.
8. Блж. Августин и его значение на западе. / / Бриллиантов А. И. Влияние Восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Скота Эригены. - М. : Мартис, 1998.
9. Бернард Клервосский. О благодати и свободе воли. / / Средние века. Вып. 45. - М., 1982.
10. Фома Аквинский. Сумма теологии. - Изд. Савин С. А., 2006.
11. Можейко М. А. История философии. Энциклопедия. - Минск: Интерпрессервис, 2002.
12. Эразм Роттердамский. Философские сочинения. - М., 1986.
13. Лютер М. О рабстве воли. / / Эразм Роттердамский. Философские произведения. - М. : Наука, 1987.
14. Кальвин Ж. Наставления в христианской вере. - М. : Изд. РГГУ, 1997.
15. Суарес Ф. Метафизические рассуждения. / / Историко - философский ежегодник. - М., 1987.
16. История французской литературы. Т. 1. - Л. - М., 1946.
17. Боссюэт И. Разговор о всеобщей истории. - М., 1761 - 1762.
18. Немезий Эмесский. О природе человека. / Перевод с греч. Ф. С. Владимирского. Сост., предисл., общ. ред. М. Л. Хорькова. - М. : Канон +, 1998. - С. 277 - 278, 111 - 112.
19. Современная западная философия. Словарь. - М. : ИПЛ, 1991.
20. Суинсберн Р. Есть ли бог? - М. : Изд. Параксис, 2001.
21. Современная западная философия. Словарь. - М. : ИПЛ, 1991.
22. Вольтер. Философские сочинения. - М. : Изд. Наука, 1988. - С. 258 - 263.
23. Современный философский словарь. - М., 1996.
24. Вольтер. Философские сочинения. - М. : Изд. Наука, 1988. - С. 258 - 263; 518.

Baidakowa M.Y.

DIE FREIHEIT DES WILLENS IM KONTEXT DER ENTSPRECHUNG DES INDIVIDUELLEN UND DES UNIVERSALLEN.

Abstrakt (Annotierung): Die Autorin hebt die Vielfalt der philosophischen Konzepte des Willens hervor, richtet ihr Hauptaugenmerk auf mögliche Krisenkomponenten, analysiert

Grundsätze und Hypothesen des Problems des Willens in westlicher Philosophie, в частности в контексте соотношения индивидуального и универсального, was erlaubt, die ganze Reihe der wichtigen Gesetzmäßigkeiten zu offenbaren, allgemeine Nachteile und Beschränktheiten der vorhandenen Einstellungen, sowie bedeutende Besonderheiten des Problems des Willens in westlicher Philosophie zu zeigen.

Schlüsselwürter: die Freiheit des Willens; die westliche Philosophie; das Individuelle; das Universallen

УДК 1(=161.1)

Бондарева Я.В.

ГЕНЕЗИС ПРИНЦИПА ТРАНСЦЕНДЕНТНОСТИ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ*

Аннотация: В статье рассматривается генезис принципа трансцендентности как методологической основы русской религиозной философии, как базового принципа, имеющего не только онтологический, но и гносеологический, и антропологический аспекты. Анализируются идейные источники этого принципа, обнаруживающие себя в античной философии (понятия «иного», «сверхсущего», «перводвигателя», «творящего демиурга») и творчески переработанные христианской культурой (монотеизм, творение «ex nihil»). Учитывая генетическую связанность русской религиозной философии с восточно-христианской традицией, особое внимание уделяется рассмотрению святоотеческой мысли и ее пониманию «потусторонности» Бога миру, которое имело важное значение для русских религиозных философов в их поисках органичного единства трансцендентности и имманентности.

Ключевые слова: трансцендентность, имманентность, креационизм, апофадизм, энергетизм, софиология, принцип, методологическая основа.

Выявляя методологические основания русской религиозной философии, прослеживая генетический путь их становления и развития, необходимо исходить из тех задач, которые ставили перед собой русские религиозные мыслители. Эти задачи определялись незыблемостью веры, лежащей в основе отечественного религиозно-философского творчества и представляли собой, во-первых, выражение в системе понятий того, что открывается созерцанию веры, т.е. Богопознание, и, во-вторых, раскрытие и осмысление содержания веросознания. В процессе решения этих задач формировалась «христианская философия» (по определению В.В.Зеньковского), которая отличалась от догматики своим исхождением не только из данных Откровения, но «из всей совокупности интуиций, рождающихся из глубин веросознания» (7;102).

Анализ процесса становления и развития методологических основ русской религиозной философии с необходимостью предполагает выявление ее базовых элементов, а также исследование их истоков, которые обнаруживают себя в дохристианской культуре - в недрах античной философии. Диалектическое соотношение этих истоков с последующей культурой восточного христианства определило неоднозначность и противоречивость их восприятия русскими религиозными философами. Однако, эта противоречивость нисколько не умаляет того огромного методологического влияния, которое античная философия оказала на формирование христианского мировоззрения.

Речь в данном случае идёт прежде всего о *принципе трансцендентности*, который, не будучи явно сформулированным в античной мысли (для этого не было ни теоретических возможностей, ни мировоззренческой необходимости), тем не менее уже зарождался в понятии сверхсущего, а впоследствии стал базовым для христианства, трактующего Бога как трансцендентную личность, мгновенно творящую мир «из ничего».

Но еще задолго до Платона с его теорией идей и понятием сверхсущего Блага античная мысль породила понятие первоначала как «иного» по отношении к ма-

* © Бондарева Я.В.

терии: достаточно вспомнить Анаксагора с его концепцией ума как первотолчка и перводвигателя, независимого от материальных стихий. Ум находится вне вещей, т.к. «если бы он не был сам по себе, но был смешан с чем-то другим, он был бы причастен всем вещам [сразу], будь он смешан с чем-то [одним]... Примешанные [вещи] препятствовали бы ему, [не давая] править ни одной вещью так, как [он правит] в одиночку и сам по себе» (24; 533).

Анаксагор первым осознал необходимость отличения первоначала от того, по отношению к чему оно выступает в качестве первоначала, осуществив, таким образом, великое открытие в мировом историко-философском и в целом духовном процессе развития. Кроме того, и космос умозрения Парменида, и пифагорейское учение о числе, по причастности к которому существуют все вещи,- суть ранние этапы античной философии, предваряющие ее «идейный» этап, когда философская мысль пришла к осознанию своей специфической сферы познания, своего предмета и метода. «Предметом ее становится то, что находится за пределами чувственных вещей и является их основой, то, что зрится незамутненным ничем умом – сущность или идея; и методом ее является исключительно умозрение или видение умом или умное видение» (15; 84).

Толкование Платоном Блага как сверхсущего соответствовало идее трансцендентного Бога в христианстве. «Считай, что и познаваемые вещи могут познаваться лишь благодаря благу; оно же дает им и бытие, и существование, хотя само благо не есть существование, оно – за пределами существования, превышая его достоинством и силой» (17;510).

Аристотель, выходя в область метафизического знания, развертывает учение о перводвигателе: ум «мыслит самое божественное и самое достойное и не подвержен изменениям, ибо изменение его было бы изменением к худшему» (1; 1074b25). Следовательно, «ум мыслит сам себя, если он только превосходнейшее и мышление его есть мышление о мышлении», он есть божественное мышление, «которое направлено на само себя на протяжении всей вечности». Он «есть вечная, неподвижная и обособленная от чувственно воспринимаемых вещей сущность», и эта «первая суть бытия не имеет материи, ибо она есть полная осуществленность» (1; 1074a35). Здесь налицо все характеристики первопричины как божества, которым Аристотель именует свой перводвигатель: «Мы говорим..., что бог есть вечное, наилучшее живое существо, так что ему присущи жизнь и непрерывное и вечное существование, и именно это есть бог» (1; 1072b25-30).

Понимание бытия как иного по отношению к сущему неизбежно приводит к развитию демиурги, что выводит метафизику на совершенно иной уровень, где речь уже не идет о развитии и эволюции, но о творении. Так, Платон наряду с термином «демиург» (мастер) употребляет такие выражения как «устроитель», «соединитель», «складывающий», «связующий», «творец», «прилаживающий», «строитель», «чеканщик», «искусник», а также «отец», который характеризуется как «благой», «разумный» и «рассуждающий» (18; 435) и, наконец, «бог».

Таким образом, и Платон с учением о творящем демиурге, и Аристотель с учением о перводвигателе вплотную подошли к монотеизму, но к такому монотеизму, который не исключает ни политеизма, ни пантеизма. У античных философов отсутствовали теоретические возможности для создания монотеизма трансцендентного и персоналистического типа, который впоследствии был положен в основу христианского мировоззрения. Платоновский демиург не творит мир «из ничего», но благоустраивает его из уже существующей материи: «Бог, приступая к составле-

нию тела Вселенной, сотворил его из огня и земли при объединяющей силе пропорции» (18; 434). Рисуя феерическую картину становления мира в «Тимее», Платон использует термины «возникновение», «становление» («генезис»), и даже глагол «порождаю», который, по мнению А.Ф.Лосева связан с происхождением от отца. Это последнее положение является весьма существенным для становления *триадологического принципа* в первые века христианской веры. Но, тем не менее, А.Лосев справедливо отмечает пантеистический характер этого «порождения», т.к. «порождение из себя, из своей собственной сущности и означает присутствие некой общей сущности всего мира, а сам мир является лишь разнообразной иерархией этой сущности» (18; 435).

В христианстве два принципа – трансцендентности и триадологический – неразрывно связаны между собой: христианский Сын Божий составляет единую сущность с Богом-отцом и порождается последним не во времени, но в самой вечной сущности божества, «он отделен непроходимой пропастью от твари» (18; 435). Платон же, хотя и противопоставил идеальный мир чувственному, все же «не смог остаться при таком дуализме навсегда», идеальный мир оказался наполненным неподвижными первообразами, «вечно изливающимися в материальную действительность» (8; 48). Но, несмотря на противоречия в учении Платона о сверхсущем Благе, он в своем стремлении вывести мысль за пределы всего сущего ради обретения бытия, оказал неоценимую услугу всей христианской философии.

Русская религиозная философия, основываясь на принципе трансцендентного начала, видит своей задачей борьбу «против всякого обоготворения человека, народа, определенного социального строя..., вообще против абсолютизирования относительного бытия» (11; 287). Однако, осмысление русскими философами принципа трансцендентности осуществляется путем вскрытия его противоречивости: трансцендентность бессмысленна без имманентности. Это противоречие было заложено еще в античности в Благе Платона и Перводвигателе Аристотеля как двойственных понятиях: чтобы окинуть взглядом сущее, необходимо выйти за его пределы. Этот взгляд извне и порождает противоречие сверхсущего, т.к. оно должно иметь одновременно характеристики и трансцендентного, и имманентного начал.

С.Франк размышлял по этому поводу так: «понятие о безусловной и исключительной трансцендентности Бога миру, несовместимостью с его имманентностью, одинаково ложно и религиозно, и философски,- религиозно потому, что оно ведет, в конечном счете, к представлению об удаленности человека от Бога, к чувству покинутости мира Богом и психологически легко превращается в свою противоположность – чистый атеизм... философски же – потому что при этом понятии о Боге необъясним сам факт Богопознания и общения с Богом» (26; 498).

Тем не менее, русской философской мысли трудно было удержаться на узкой грани между трансцендентностью и имманентностью, что приводило к соскальзыванию в область пантеизма, причем не только через имманентизм, но и через крайний трансцендентизм: «уклон к пантеистическому монизму,- писал Н.Бердяев,- можно открыть у тех, которые более всего враждуют против пантеизма и утверждают крайние формы трансцендентного дуализма. Когда говорят, что Бог есть всё, человек же и мир есть ничто, жалкая и ничтожная тварь, тождественная с грехом, то это есть форма монофизитства и своеобразного пантеизма. Активен лишь Бог, свободен лишь Бог, повсюду обнаруживается лишь Божье всемогущество. Активность человека есть лишь грех, т.е. ничто, свободы у человека нет, творческой силы нет» (2; 436). Поэтому, несмотря на разорванность бытия «зиянием и бездною между абсолютным

и тварью», всё же эти два мира соединены между собою «причинностью через свободу» (22; 204).

Античность, находясь на подступах к понятию бытия как трансцендентного, открыло человеку новые горизонты метафизического познания, принося с собой, при этом, и массу методологических проблем, таких как необходимость соотнесения трансцендентного и имманентного, человека и Бога, мира и Бога, подготовив, таким образом, почву для создания христианской личностной теологии, когда Бог творит ex nihil (из ничего). Христианский *принцип креационизма* и *принцип трансцендентности* оказываются неразрывно связанными друг с другом отношениями взаимоопределения и взаимообусловленности, вложенности одного в другой. Именно в мгновение творения Бог обнаруживает свою потусторонность, иноприродность миру, сотворенному им «из ничего», лишь только по своей свободной воле. Потусторонность Бога и акт творения – равноценные для христианского мировоззрения методологические основания, на которых выстраивается вся онтологическая система христианства с его *триадологическим* и *эсхатологическим принципами*, а впоследствии – *принципами церковности* и *соборности*. Эти основания в равной степени важны как для христианской онтологии, так и для гносеологии, и для антропологии.

Русские религиозные философы, понимая творение как «вызывание мира к бытию», когда идея творения раскрывается «в отрицании тождественности мира и Бога, в утверждении отношений сущностного различия между ними» (20; 220), относились к проблемам творения как к позволяющим полнее выявить связи творящего с сотворенным (19; 16). Это стремление сохранить личностное понимание бытия лежит в основе персоналистической традиции русской религиозной философии, и, напротив, полностью отсутствует в традиции античной. Платоновский космос, хотя и есть живое существо, наделенное душой и умом по подобию демиурга, всё же не наделен личностными характеристиками. Шаг в сторону «теоцентрического персонализма», а именно так определяет христианское мировоззрение С.С.Хоружий (27; 16), был сделан в философии Плотина с его онтологическим понятием Единого как высшего Божества, логического и генетического начала всего сущего, абсолютного совершенства и блага, трансцендентного бытия.

Учение Плотина о Едином, Уме и Душе было созвучно христианскому учению о троичности лиц Божества. Христианская принципиальная база, как отмечает историк средневековой философии Г.Г.Майоров, выстраивалась через отказ от пантеизма Плотина, через «отрыв его онтологии от натурфилософии», через приведение «этой онтологии к форме чистой теологии, т.е. превращение плотинова учения о божественности бытия в учение о бытии божества» (12; 145). Эманация трансформировалась в «единосущное порождение», а восхождение к Единому – в концепцию обожения.

И все же, подойдя вплотную к понятию трансцендентного, неоплатоники не смогли вынести Единое как основу всей реальности – за пределы этой реальности. Как заметил С.Франк, ни одна из философских теорий эманации не может раскрыть характер отношений между Богом и миром, поскольку неправомерно рационализируется в них то, что трансрационально: «связь между Богом и миром не есть ни причинно-временная связь, ни связь вневременно-логическая (как между обычным «основанием» и «следствием»), она есть нечто сущностно-иное» (25; 518). Это «сущностно-иное» как принцип трансцендентности во всей своей полноте раскрывается в восточно-христианской патристике.

Рассматривая инобытие трансцендентного Бога через творение (креацио-

низм), Св.Афанасий Александрийский наделяет подлинным бытием только Бога, который сам есть Бытие и Сущий, «ибо он не произошел и безначален» (23; 31). Тварь же, поскольку произошла и возникла и, в следствие этого, в самой себе не имеет опоры и устоев для существования, приобретает твердую устойчивость и стройность через причастие Божественному слову. При этом св.Афанасий отмечает вторичность креационизма по отношению к вопросам Божественной сущности («для Бога созидать есть второе, а первое – рождать»), находящих свое разрешение в триадологическом принципе («бытие Сына предваряет творческое изволение о мире») и принципе трансцендентности (созидаемое «приходит в бытие, составляясь извне, и зиждется собственным от сущности Божией рождением»).

В понимании Божественной сущности как трансцендентной Троицы богословие приходит к единству, а не исходит из единства. Так, св. Василий Великий исходит от троичности, т.е. частного, индивидуального, конкретного, к единству. Так же и св.Григорий Богослов, говоря о диалектическом единстве Трех в Едином, приходит к понятию «Тройственная Единица»: «как три солнца, заключены одно в другом» (23; 108). Но, говоря о троичности Сущего, Григорий Богослов избегает каких-либо определений Божественной сущности, так как Бог выше сущности, всех категорий и определений. И самое имя «Бог» есть имя относительное, обозначающего Бога в отношении к твари.

Взаимообусловленность принципов трансцендентности и креационизма характерна и для философии св.Григория Нисского, по мысли которого Бог не только создал мир, но и сохраняет, содержит его своим вездеприсутствием, «ибо ничто не может пребывать в бытии, не пребывая в сущем» (23; 153). Бог пребывает в мире, не смешиваясь с ним, это «растворение силы» не нарушает существенной трансцендентности и неприступности божественного бытия. Да, тварь противоположна Богу, «созданное единство и Божественная сущность разделены и не имеют никакой связи по отличительным свойствам» (23; 153). Однако, всюду распространяется Божественная «неколичественная и неописуемая сила». На фоне бесспорной трансцендентности явно проступает *принцип имманентности* Бога миру, впоследствии развитый исихастской философией в концепции энергетизма, так же с энтузиазмом воспринятый русской религиозной философией.

Так, С.Франк, рассматривая проблему антиномии трансцендентности и имманентности Бога в отношении к миру и человеку, задается вопросом: как возможно раскрытие трансцендентного Бога в форме бытия «ты»? «Явление Божества как «моего Бога», как существа, которое встречается со мною, связано со мною отношением «ты» к «я»,- замечает С.Франк,- содержит глубокую проблематику» (25; 469). Принцип имманентности в данном случае представлен Откровением Бога как «ты» в результате трансцендирования вовнутрь, в глубину человеческого «я». Самораскрываясь перед Божеством, человек в то же время открывает Бога, вернее, Бог открывается ему.

Следующий ключевой аспект в генезисе принципа трансцендентности, синтезирующего античное сверхсущее начало и христианский теоцентрический персонализм, представлен *Ареопагитиками*. А.Ф.Лосев называет Ареопагитики «непревзойденным документом человеческой мысли вообще», так как «никакая буддийская литература, никакой греческий неоплатонизм, никакая западная мистика, средневековая или новая, не может сравниться с этим по интенсивности трансцендентных ощущений», ибо в них заключена «какая-то мистическая музыка, где уже не слышно отдельных слов, но только слышен прибой и отбой необъятного моря трансцен-

дентности» (9; 363). Трансцендентность Бога здесь утверждается тем, что «Он совершенно непричастен сущему», «запределен сущему», поскольку его превосходит. Он превосходит даже «отсутствие бытия» и всё сверхсущее.

Однако далее говорится, что «из недр невещественного и нераздельного Блага произошли светообразные (разумные) существа» (имеются ввиду лица Божественной Троицы) (5; 7), в то время как само Благо отождествляется с единоначальным и единотворящим Божеством, производящей причиной сущего, озаряющей своим сиянием «всех разумных существ, пребывающих... во вселенной, над вселенной или вокруг вселенной» (4; 39). Это позволило П.Минину сделать следующее заключение: «Поскольку Дионисий признаёт творение, он не может быть причастен к пантеистам в строгом смысле слова, но в виду того, что его творение означает не столько свободный творческий акт, сколько некоторый необходимый процесс мирообразования, нельзя не признать, что его космогония обнаруживает некоторый наклон в сторону того динамического пантеизма, который нашел себе столь яркое выражение в системе Плотина» (14; 351).

Трансцендентность Ареопагитик – явление не только метафизическое, но и гносеологическое, и этическое. Основываясь на гносеологическом *принципе апофатизма* (одновременно являющимся и методом богопознания), характерного для духовной традиции восточного христианства, автор Ареопагитиков отмечает, что «при славословии сверхъестественного отрицательные суждения предпочтительнее положительных, поскольку утверждая что-либо о Нем, мы тем самым от самых высших свойств Его постепенно нисходим к познанию самых низших, тогда как отрицая, мы восходим от самых низших к познанию самых изначальных», отказываясь тем самым от всего сущего ради полного ведения...сверхъестественного Мрака» (5; 7).

Понимая *трансцендентность* как методологическую основу восточно-христианской апофатической метафизики, русские религиозные философы были далеки от отождествления апофатизма с агностицизмом. Отрицая идеи несоединимости Бога и мира, непроницаемости мира для Божества как ложные, П.Флоренский утверждал, что «если транспортировать идею о несоединимости Бога и мира на философские понятия, то это есть именно агностицизм, признающий непроницаемость бытия для истины» (21; 324). Признавая абсолютный онтологический разрыв между Богом и миром, когда творение из ничего совершается свободно, Вл.Лосский вместе с тем признаёт факт непрерывности богопознания и богообщения, так как трансцендентное открывается в имманентном воплощении. И вновь крайний трансцендентизм сглаживается имманентизмом, что, впрочем не мешало Вл.Лосскому критиковать софиологию С.Булгакова за «гностическую» попытку провести онтологический мост между Богом и миром.

Высоко оценивая апофатический путь, Вл.Лосский пишет, что он приводит не к отсутствию и не к абсолютной пустоте, ибо непознаваемый Бог христиан – не безличный Бог философов. Однако, П.Минин, исследуя текст Ареопагитиков, усматривает в нем именно такую пустоту, когда голый апофатизм устраняет как благо, так и любовь, в результате чего мистика Ареопагитиков «носит некоторые следы влияния неоплатонической философии», а их учение о Боге как бескачественной монаде «носит скорее отвлеченно-метафизический характер, чем этический...Всё это такие черты, которые сближают мистику Дионисия с мистикой неоплатонизма» (14; 348). Но даже если признать отсутствие этического содержания в Благе Дионисия из-за его отождествления с Причиной и последней Целью всего сущего, всё же его понимание зла как убывающего и дробящегося блага, а грехопадения - как

метафизическое удаление от Бога - легло в основу антропологических и этических концепций русской религиозной философии, основанных на *принципах персонализма* и *панморализма*.

Дальнейшее развитие принцип трансцендентности, причем в его диалектических отношениях с принципом имманентности, получил в *традиции исихазма*, которая одновременно является (хотя зачастую в скрытом, не явном виде) традицией русской религиозно-философской мысли. Именно поэтому методологические основания исихазма получили существенную разработку в русской философии. С точки зрения исследователя исихастской традиции в русской религиозной философии И.И. Семаевой, для понимания исихастами трансцендентности характерно, во-первых, выделение в качестве основного тезиса, снимающего дуалистическое противопоставление Бога и мира, соотносимость тварного и нетварного. Из этого тезиса вытекает символическое понимание творения как отражения божественного творческого замысла. Во-вторых, антиномия трансцендентности и имманентности нетварного разрешается выделением в божественном бытии сущностного и энергийного модусов. Бог не сводим ни к одному из них, а имеет бытие и «в себе», и «вне себя». В-третьих (и это уже гносеологический аспект трансцендентности), реальность богопознания коренится в пронизанности тварного нетварным, божественными энергиями, что наиболее полно передается понятием «обожение» (20; 11). Осознание онтологической потусторонности Бога и одновременно его присущести миру через энергийное воздействие имеет также и антропологический аспект, выраженный в свободном сотрудничестве человека с Богом (синергии), которое включает в себя социальную, культурную сферу жизни, вводя исторический процесс в движение к конечной цели – обожению мира (20;11).

Несмотря на небольшую известность исихастской литературы в России, представленной переводами отдельных проповедей, бесед, кратких трактатов исихастских авторов – Симеона Нового Богослова, Никиты Стифата, Григория Синаита, Никиты Уединенника, Григория Паламы – связь русской философской мысли с этим явлением восточно-православной духовности является примером преемственности идей, передаваемых через большие промежутки времени, преемственности, обеспечивающей внутреннее единство философской традиции.

Трактовка философией исихазма, и прежде всего Григорием Паламой, принципа трансцендентности имела методологическое значение для построения софиологических концепций в русской философии (Вл. Соловьев, П. Флоренский, С. Булгаков). Григорий Палама сформулировал общефилософский вопрос: существует ли несозданная, вечная божественная энергия, которую Бог открывает людям, единая, но многообразная и многоликая, нераздельная, но разделяющая, или же Бог непосредственно открывается людям, употребляя для этого тварные, во времени созидаемые средства? Св. Григорий, отвечая на основной для его энергетизма вопрос, развил учение о трансцендентной сущности Бога («усия»), и раскрывающейся в мире божественной мощи («синамис»), и божественной действенности («энергия»), в которых Бог осуществляет себя как Бог (3; 123).

Софиология С. Булгакова основывается на этом же положении: Бог как Абсолютное трансцендентен миру, но как творец он открывается миру и, открываясь твари, Он проявляется в своем действии, в благодати или энергии. Здесь философ, как и Григорий Палама, отождествляет понятия «энергия», «благодать» и «действие». Божество в его внутрибожественной жизни остается трансцендентным для твари, однако его действия, откровения, сила, изливающаяся в творении, есть то же Бо-

жество, единое и неделимое. Энергия Бога понимается как Божественное действие, неотделимое от Бога, но являемое твари. В данном случае для С. Булгакова, как и для Паламы, трансцендентность, т.е. несообщаемость сущности «нисколько не препятствует тому, что через каждую энергию сообщается весь Бог» (3; 126). Но если св. Григорий, следуя триадологическому принципу, не понимает эту энергию как тварную или, напротив, как отдельную Божественную ипостась, так как она сама есть Бог, причем Бог в творении, то в концепции творения С. Булгакова София представляется как живое существо, имеющее лицо, т.е. отдельную ипостась, что сближает софиологические искания о.Сергия и о. Павла Флоренского, отмечавшего тварный, посреднический характер Софии.

Полемизируя с С. Булгаковым, Е.Н. Трубецкой отождествляет Софию с энергией Бога, настаивая на ее нетождественности миру, на различении божественного и естественного. Но, полемизируя, в софиологии он видит не новое учение, а оригинальную попытку приблизить к сознанию современности веру отцов церкви, христианское предание, которое есть и предание в русской религиозной философии. В отличие от Е.Н. Трубецкого В.В. Зеньковский увидел в софиологических исканиях Вл. Соловьева, П. Флоренского и С. Булгакова искажение учения отцов церкви о принципиальном различении двух форм бытия – нетварного и тварного. С его точки зрения, о. Сергий по сути отождествил сущность Бога и сущность мира в идее Софии.

Но каковы бы ни были итоги софиологических исканий русских философов, они оставались едины в исходном пункте своего понимания отношений Бога и мира: при их абсолютном сущностном различении они объединены концепцией энергетизма. В.В. Зеньковский особенно выделяет значение паламизма: «Это учение св. Григория Паламы, охраняющее апофатический момент в понятии Божества и в то же время уясняющее «вездеприсутствие» Бога в мире в божественных энергиях, не только важно для богословия, для чистоты учения о Боге, оно важно и для метафизики, для понимания мира» (6; 52). Энергии соединяют два бытийных плана – признание этого тезиса позволило преодолеть крайности чистого трансцендентизма в православной традиции и в метафизических концепциях философов, считает В.В.Зеньковский. Однако полностью развести учение о Софии и представления о творческой силе энергий невозможно. О. Василий, характеризуя идеальную сторону мира, корни которой в Боге, но действия проявляются в мире (учение о Божественной и тварной Софии), по существу отождествляет ее с энергетическими формами самооткровения Бога в мире: «Сфера ценностей сопринадлежит миру, как явления Божественных энергий, - они и трансцендентальны, т.е. даны нам в нашем сознании, но и трансцендентны, будучи выявлением Божественных энергий» (6; 82).

Для русской религиозной философии проблема софиологии и энергетизма оказывается центральной прежде всего в связи с ее постоянным обращением к историософии. Метафизическое обоснование историософских выводов включало принцип трансцендентности Бога миру и признание постоянного вхождения Бога в историю, иначе христианство следовало бы уподобить «бегству из истории, отказу от творчества в области искусства, от ответственности за жизнь человеческого общества» (13; 149), к чему неизбежно приводил предельно понятый трансцендентизм.

В дальнейшем процесс развития принципа трансцендентности идет по пути размывания, рассеивания понятия трансцендентного, когда исчезает его абсолютность, а творец и его творение оказываются лишь диалектическим самоположением одного и того же начала. Такова, например, немецкая средневековая мистика

(М.Экхарт, Я.Бёме, Ф.Баадер), которая, по словам А.Ф.Лосева «есть не что иное, как история освобождения логики от абсолютной трансцендентности и всё большее и большее приближение ее к человеческому имманентизму» (9;369). Сравнивая трактовку обожения в Ареопагитиках и у М.Экхарта, А.Ф.Лосев видит существенную разницу в понимании «абсолютного ничто»: у Дионисия погружение человека в глубины своего духа, когда теряется всякое различение в Божественном Ничто, не отождествляется с этим Ничто субстанционально, но есть только преисполнение его энергиями.

Это Ничто – Божество не по самой субстанции, но по причастности Божеству. Экхарт, напротив, субстанционально отождествляет их, «так что необходимо считать, что тут перед нами подлинный и абсолютный имманнентизм» (9;373). Если М.Экхарт отождествляет Бога и Ничто (Мрак, «Пустыню») как потенциальную возможность бытия, а природа рассматривается им как первое проявление божественной сущности, то Я.Бёме противопоставил Ничто Богу как его противоположность и фон, на котором происходит проявление и самораскрытие Бога. Трансцендентность затушевывается введением понятия свободы, которая видится Бёме атрибутом ангелов, «духовных индивидов», долженствующих исполнить божественное начало. Эта свобода приводит к отпадению от Бога части ангелов во главе с Люцифером, что и вызывает смятение в природе.

В русской религиозной философии *принцип свободы* как самостоятельного онтологического начала утверждается Н.Бердяевым, считавшим свободу первичнее Бога. Так как Бог всесилен над бытием, но не над свободой, то отсюда и решение проблемы теодицеи, когда с Бога снимается ответственность за совершаемое в мире зло.

Убывание свободы ведет к негативным последствиям: так, Ф.Баадер видит в материи омертвевший, т.е. потерявший свободу дух. Вслед за ним Н.Бердяев понимает процесс мирообразования как негативную трансформацию, объективацию духа в материю (2;57). Именно мир объектов и объективация, которые есть лишь символика мира духовного, мешают нашему «я», которое, с точки зрения Н.Бердяева, и есть место встречи с Богом, основа Богочеловечности, через которую возможно обожение человека без исчезновения человеческой природы в природе божественной. Этот акт и есть «преодоление тварности», преодоление «трансцендентной бездны между Богом и человеком» (2;115). Именно обожение, которое Н.Бердяев понимает не как простое моническое тождество с Богом и не как уничтожение человека и тварного мира, лежит в основании мистики христианского Востока. Видя будущее мира в Богочеловечности как основе обновленного, мистического христианства, Н.Бердяев, как и немецкие мистики, решает проблему антиномии трансцендентного и имманентного начал в антропологическом ключе: бездна между творцом и творением уничтожена, творец возникает вместе с творением, Бог возникает вместе с человеком.

Эти мысли, очевидно, были навеяны рассуждениями Бёме и Баадера о единстве творца и его творения: человек есть образ Бога в том смысле, что в нём Бог видит свое наиболее полное отражение, поэтому человек по природе есть не малый мир (микрокосм), а малый Бог (микротеос). Немецкие мистики возвысили религиозную миссию человека как «свободного агента воли Бога», его посланника, преодолевшего как низшую ступень послушного орудия Бога, так и ступень его соучастника. Так, с точки зрения А.Ф.Лосева, выстраивалась база для немецкого субъективизма, приведшего к тому, что «оказалось возможным рационально дедуцировать всё бы-

тие и мир так, как раньше он эманировал из глубин неведомой трансцендентности» (9; 374).

Традиция *антропологизировать трансцендентное* сохранилась и в философии И.Канта. Его открытие «правды нет и выше»(16;138) определило направление и тип западноевропейской мысли и гуманизма, когда вся правда, истина и мораль полагаются в самом человеке, в его разуме. Кант отказывает Богу в онтологических основаниях его бытия, в его объективном статусе, трансцендентность заменяется трансцендентальностью, когда трансцендентальные формы рассудка трактуются им как исключительное достояние человеческого субъекта. Фактически это приводит к уничтожению метафизики как учения о трансцендентном, что не могло не вызвать критической реакции со стороны русских религиозных философов, уверенных, что проблему трансцендентного вряд ли можно решить сведя столь сложные вопросы лишь к постулатам практического разума. С.А.Нижников замечает, что после Канта «западная философия занята самой трансценденцией более, чем трансцендентным. С тех пор она в своей основе, в отличии от религии, не занимается строительством трансцендентного мира, она говорит о трансценденции, а не о трансцендентном, для нее важен сам процесс трансцендирования, а не слияние с трансцендентным» (15; 179).

Под трансцендированием понимается, особенно в экзистенциализме, процесс выхода человека за свои пределы, преодоление самого себя (Ж.-П.Сартр).

Русская философия была связана с философией Канта сложными отношениями: его необходимо было «преодолеть» через ассимиляцию его идей на основании принципов, выраженных в русской философии, в непримиримой полемике с Кантом (В.И.Несмелов), считая его философию одним из вариантов христианской ереси (С.Булгаков), называя его трансцендентализм «печальным недоразумением» (Н.Грот), оценивая его критическую философию как «полицейскую науку» (С.Франк). Кант, как его критически оценивает С.Булгаков, раньше, чем начать изучение действительности, умертвил ее, превратив в интеллектуальную схему.

В силу метафизичности русской религиозной философии, ее направленности на обретение духовных оснований бытия, она представляет собой особого рода гносис, стремящийся изъяснить определенный опыт самосознания. В то время как философия Канта мыслит понятие трансцендентного как невозможное, в России возникает целое философское направление, исходящее и ориентирующееся на это понятие. И принцип трансцендентности становится стартовой площадкой для духовных и философских поисков, основой для религии, метафизики и духовной жизни.

Таким образом, *принцип трансцендентности* является краеугольным камнем всей христианской (в том числе и русско-православной) духовной культуры. Отказ от него ведет к искажению (и даже разрушению) системы христианской философии, соскальзыванию в область пантеизма, гилозоизма и т.д. Вместе с тем, крайний трансцендентизм может привести к устранению самой возможности богопознания и богообщения. Русская религиозная философия с трудом балансировала на узкой грани между трансцендентизмом и имманентизмом, создавая концепции энергетизма, учения о Софии, творчестве, любви и, наконец, объединяя их учением о всеединстве. И в этом смысле было бы ошибочно сводить действие этого принципа исключительно к области онтологии, так как принятие его за основу определило и гносеологические, и антропологические, и этические искания русских философов. На основе *принципа трансцендентности* формируются как *онтологические принци-*

пы русской религиозной философии (креационизма, триадологический, эсхатологический, принципы церковности и соборности), так и *гносеологические принципы* (апофатизма, символизма, синергизма и др.), так и *антропологические принципы* (христоцентризма, целостности, персонализма и др.), что и позволяет определить его как *методологическую основу* русской религиозной философии.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Аристотель. Соч. в 4-х тт. М., 1976-1984.
2. Бердяев Н.А. Дух и реальность // Философия свободного духа. М.,1994.
3. Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М., 1994.
4. Дионисий Ареопагит. Божественные имена // Мистическое богословие. Киев, 1991.
5. Дионисий Ареопагит. Мистическое богословие // Мистическое богословие. Киев, 1991.
6. Зеньковский В.В. Основы христианской философии. М.,1997.
7. Зеньковский В.В. История русской философии в 2-х тт. Т.2,ч.1. М.,1991.
8. Лосев А.Ф. Жизненный и творческий путь Платона // Платон. Собр.соч.в 4-х тт. Т.1. М., 1990.
9. Лосев А.Ф. Самое само // Миф-Число-Сущность. М.,1994.
10. Лосский Вл. Вера и богословие // Спор о Софии. М.,1996.
11. Лосский Н.О. Преемники Вл.Соловьева // Путь, кн.1. М., 1992.
12. Майоров Г.Г. Формирование средневековой философии. М., 1979.
13. Мейендорф И. Православие в современном мире. Минск, 1995.
14. Минин П. Главные направления древнецерковной мистики // Мистическое богословие. Киев, 1991.
15. Нижников С.А. Метафизика веры в русской философии. М ., 2001.
16. Нижников С.А. Философия Канта в отечественной мысли. М., 2005.
17. Платон. Собр.соч. в 4-х тт. Т.2. М., 1993.
18. Платон. Собр.соч. в 4-х тт. Т.3. М., 1994.
19. Семаева И.И. Поиск идентичности. Русская религиозная философия XX века и ее духовные основания. М., 2004.
20. Семаева И.И. Традиции исихазма в русской религиозной философии первой половины XX века. М.,1993.
21. Флоренский П. Имеславие. «Об имени Божием» // У водоразделов мысли. М.,1990.
22. Флоровский Г.В. В мире исканий и блужданий // Из прошлого русской мысли. М., 1998.
23. Флоровский Г.В. Восточные отцы IV-VIII веков. М., 1999.
24. Фрагменты ранних греческих философов. Ч.1. М., 1989.
25. Франк С.Л. Непостижимое. Соч., М., 1990.
26. Франк С.Л. Религия и наука в современном сознании // Путь, кн.1. М., 1992.
27. Хоружий С.С. Диптих безмолвия. М.,1991.

Y.V. Bondareva

GENESIS OF THE TRANSCENDENCE PRINCIPLE AS A METHODOLOGICAL BASIS OF RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY

Abstract: The article analyses the genesis of the principle of transcendence as the methodological bases of Russian religious philosophy as the main principle that has got not only ontological, but also gnoseological and anthropological aspects. Proceeding from this assertion the theoretical sources are analysed. This sources are revealed in the Antiquity (the concept of «another», «superexistence», «the first engine», «creating demiurge») and then they are constructively adapted for the needs of Christian culture (monotheism, creation «ex nihil»). Taking into consideration genetic connection of Russian religious philosophy with the Orient orthodox tradition, especial attention is granted to the Orient patristic philosophy and its interpretation of the transcendence of God, that had great importance for Russian philosophy in its search of fundamental unity of the transcendence and immanence.

Key words: Transcendence, immanence, krecizm, apifizm, energizm, sofilogi, a principle, a methodological basis.

РАЗДЕЛ 2.
ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И ФИЛОСОФСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 101.1:316.37

Бакурадзе А.Б.

ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА В ТЕОРИЯХ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ*

Аннотация: В статье дается характеристика подходов к управлению, которые отличаются признанием и непризнанием ценности человека как ведущей в системе ценностей управленческой деятельности, рассматриваются базирующиеся на них системы мотивации и обсуждается проблема удовлетворенности трудом. Автор обосновывает, что принятие ценности человека руководителем предполагает изучение потребностей работников, которые определяют их трудовую мотивацию, и создание условий для удовлетворения данных потребностей; а также выявление и усиление факторов, влияющих на уровень удовлетворенности трудом персонала, несмотря на наличие противоречия между ценностью человека и ценностью результативности деятельности организации.

Ключевые слова: человек как ценность, управление как деятельность, теория управления, социальная организация, анализ социально-философский, мотивация управленческой деятельности, удовлетворенность трудом.

Проблема человека является одной из ведущих как в теории, так и в практике управления социальной организацией. Ее решение определяет систему целей управленческой деятельности, подходы к мотивации труда персонала, предпочитаемые руководителем стили руководства и источники власти.

Подходы к управлению, при которых для менеджеров ценность работника не представляется ведущей ценностью их управленческой деятельности, описана Д.Макгрегором в теории «X». Исходя из нее цель менеджмента — это эффективное управление ресурсами организации — деньгами, материалами, оборудованием, людьми для решения организационных задач. [1] Тогда по отношению к работнику менеджмент — это процесс направления его работы, его мотивации, контроля его действий, изменения его поведения, если последнее требуют нужды организации. Согласно подходам, развиваемым теорией «X», без активного вмешательства со стороны руководителя работники были бы пассивны, и даже настроены против целей организации. Следовательно, их нужно убеждать, награждать, наказывать, контролировать. Иначе говоря, их деятельность должна направляться, что является основной задачей менеджмента.

Эта теория базируется на нескольких базовых представлениях о ценности работника для организации:

• обыкновенный человек по природе своей не желает работать. Он трудится настолько мало, насколько это возможно;

* © Бакурадзе А.Б.

• у него не хватает честолюбия, он не любит ответственности, предпочитая, чтобы им управляли;

• по природе своей он эгоцентричен, безразличен к целям организации;

• работник всегда сопротивляется переменам на своей работе. [2]

Эти положения, по утверждению Д. Макгрегора, определяли понимание человеческого фактора экономической организации, ведущей ценностью которой человек не является. Из этого понимания следовало, что эффективный менеджмент должен быть «жестким» или «сильным». Тогда методы управления поведением работника основываются на принуждении, как правило, скрытых угрозах, тщательном наблюдении, жестком контроле его поведения. Исходя из этого, неэффективное управление понимается как «мягкое» или «слабое», при котором методы управления поведением основываются на податливости руководителя, удовлетворении человеческих требований работника, стремлении к достижению гармонии в трудовых отношениях.

Работники, используя «мягкий» подход, ожидают от руководства все больших уступок, стремясь прилагать в процессе труда как можно меньше усилий, что препятствует эффективному достижению организационных целей. Однако «жесткий» подход к управлению также не может быть признан идеальным – он вызывает сопротивление персонала, которое ведет к сокращению производительности труда, росту антагонизмов между сотрудниками и руководителями, межгрупповым конфликтам, саботажу целей организации. Осуществлять такой подход особенно трудно в период отсутствия существенной безработицы, а также по отношению к высококвалифицированным сотрудникам.

Отсюда очевидной становится необходимость признания **ценности человека** как ведущей ценности управленческой деятельности.

Для этого руководителю необходимо понять потребности работника, которые определяют его трудовую мотивацию. А. Маслоу определил мотивацию как «достижение предельных целей человека» и сформулировал три базисных положения, характеризующих природу мотивации труда работника:

1) все потребности людей никогда не могут быть удовлетворены;

2) состояние частичного или полного неудовлетворения потребностей побуждает человека к действию;

3) существует иерархия потребностей, в которой основные потребности более низкого уровня находятся на нижних ступенях, а потребности более высокого уровня — на самом верху [3].

Хотя все люди имеют, в сущности, одни и те же цели, различные культуры оказывают влияние на способы достижения этих целей. Движущей мотивирующей силой является то, что люди никогда в полной мере не достигают поставленных перед ними целей. Как только достигнута цель и удовлетворена какая-либо потребность, возникает новая цель, связанная с необходимостью удовлетворения вновь появившейся другой потребности. И этот процесс носит бесконечный характер.

Многообразные человеческие потребности можно объединить в несколько групп и расположить их по степени значимости для индивида. Тогда на низшем уровне будут находиться физиологические потребности и потребности в защищенности, значение которых превосходит все остальные в том случае, когда эти потребности не удовлетворены. Работник живет «хлебом единым», когда его недостаточно. Когда обстоятельства складываются так, что есть нечего, остальные потребности человека отходят на второй план. Но когда человек насытится, то голод перестает

быть главным мотивирующим фактором. То же самое можно сказать и о других физиологических потребностях — в отдыхе, жилище, личной безопасности.

Когда физиологические потребности работника удовлетворены, и он больше не чувствует страха по поводу своего физического благополучия, его поведение начинают определять социальные потребности — чувство сопричастности к общему делу, потребность в общении, признания окружающих, потребность во взаимной любви и дружбе. Менеджмент, признающий ценность социальных потребностей работника, способен опереться на деятельность сплоченного, единого коллектива, что может при соответствующих условиях принести намного больший эффект для достижения целей организации, чем индивидуальная работа сотрудников. Когда же социальные потребности человека и, возможно, его потребность в защищенности не удовлетворены, он настраивается против целей организации и проявляет сопротивление производственным процессам, демонстрируя отчужденность по отношению к труду.

Над социальными надстраиваются так называемые эгоистические потребности, которые, в свою очередь, подразделяются на две группы:

• потребности, которые относятся к чувству собственного достоинства, — быть уверенным в себе, быть независимым, потребность в достижениях, знаниях и умениях.

• потребности, которые относятся к репутации человека, — иметь определенный социальный статус, быть признанным, потребность в поощрении, в заслуженном уважении сотрудников.

Вершина в иерархии человеческих потребностей — это то, что А.Маслоу и Д. Макгрегор называет потребностями в самоактуализации. Это потребность человека в раскрытии своего собственного потенциала, в непрерывном саморазвитии и, в самом широком смысле, в творческом самовыражении.

Изучая мотивацию развития личности, Маслоу сформулировал 15 основных черт, присущих так называемым самореализующимся личностям.

1. Более адекватное восприятие действительности, свободное от влияния актуальных потребностей, стереотипов и предрассудков, интерес к неизведанному.

2. Принятие себя и других такими, какие они есть, отсутствие искусственных, защитных форм поведения и неприятие такого поведения со стороны других.

3. Спонтанность проявлений, простота и естественность. Такие люди соблюдают установившиеся ритуалы, традиции и церемонии, но относятся к ним с должным юмором. Это не автоматический, а сознательный конформизм лишь на уровне внешнего поведения.

4. Деловая направленность. Такие люди заняты обычно не собой, а своей жизненной задачей или миссией. Они часто соотносят свою деятельность с универсальными ценностями и склонны рассматривать ее под углом зрения вечности, а не текущего момента.

5. Склонность к одиночеству. Для таких людей характерна позиция отстраненности по отношению ко многим событиям, в том числе событиям собственной жизни. Это помогает им относительно спокойно переносить неприятности и быть менее подверженными воздействиям извне.

6. Автономия и независимость от окружения: устойчивость под воздействием деструктивных сил.

7. Свежесть восприятия: нахождение каждый раз нового в уже известном.

8. Предельные переживания, характеризующиеся ощущением исчезновения

собственного «я».

9. Чувство общности с человечеством в целом.

10. Дружба с другими самоактуализирующимися людьми, узкий круг людей, отношения с которыми весьма глубокие. Отсутствие проявлений враждебности в межличностных отношениях.

11. Демократичность в отношениях. Готовность учиться у других.

12. Устойчивые моральные нормы. Самоактуализирующиеся личности ведут себя нравственно. Остро чувствуют добро и зло; они ориентированы на цели. А средства всегда подчиняют этим целям.

13. Чувство юмора. Они относятся с юмором к жизни в целом и к самим себе.

14. Креативность, не зависящая от того, чем человек занимается, и появляющаяся во всех действиях самоактуализирующейся личности.

15. Критичность. Они не принимают безоговорочно ту культуру, к которой принадлежат, относятся к ней достаточно критично, выбирая из нее хорошее и отвергая плохое. Не являясь конформистами, они в то же время не склонны к бездумному бунтарству. Самоактуаклизирующиеся личности не идентифицируются со своей культурой, ощущая себя в большей степени представителями человечества в целом, чем представителями своей страны. Поэтому они нередко оказываются в изоляции в той культурной среде, которую не желают принять. [4]

Большинство исследователей мотивации согласны с тем, что потребности самого высокого уровня, т.е. потребности самоактуализации, не имеют достаточно четкого определения и обычно относятся к совершенно непредсказуемому поведению, которое отражает широкий спектр культурных и индивидуальных различий. При обсуждении влияния мотивации на экономическое и профессиональное поведение отмечается, что вряд ли все потребности можно четко классифицировать, к тому же совершенно неочевидно, что они образуют однозначную иерархию или даже переключаются в каком-либо определенном порядке. Однако важно отметить, что имеются различные потребности, и что различные примеры ощущаемых выгод и типов поведения будут ассоциироваться с каждым отдельным видом потребности и можно полагать, что неэкономические потребности будут сопровождаться поведением, которое не управляется экономическими соображениями.

Менеджмент, предоставив возможности для удовлетворения физиологических потребностей и потребностей в защищенности, тем самым повышают мотивацию в отношении социальных и эгоистических потребностей. Пока на работе нет возможностей удовлетворить эти потребности высших уровней, люди будут чувствовать неудовлетворенность трудом, и она отразится на их поведении. При таких условиях, если менеджмент продолжает концентрироваться на физиологических потребностях сотрудников, его воздействие будет заведомо неэффективно. При этих условиях работники станут настоятельно требовать повышения заработной платы или увеличения различных льгот. Для них становится более всего важно приобретать товары и пользоваться услугами, которые доставляют ограниченное удовлетворение, компенсируя нереализованные потребности.

Да, деньги имеют ограниченную ценность в удовлетворении многих потребностей высших уровней, но они могут стать предметом интереса, если являются единственным доступным средством удовлетворения потребностей. Поэтому, принятая в классических концепциях менеджмента теория «кнута и пряника» в мотивации хорошо срабатывает лишь при определенных обстоятельствах. Менеджмент

может предоставить или не предоставить человеку способы удовлетворения его физиологических потребностей и потребности в безопасности. Такими способами являются и работа сама по себе, и заработная плата, и условия работы, и дополнительные льготы. С помощью этих способов человека можно держать под контролем так долго, как долго он борется за свое существование.

Но теория «кнута и пряника» перестает действовать, как только работник достигает достаточного для себя уровня существования, и когда его можно будет мотивировать потребностями более высоких уровней. Менеджмент, не основанный на ценности человека, не может предоставить работнику возможности для развития чувства самоуважения, уважение его коллег, удовлетворение потребности самовыражения. Этого можно достичь с помощью таких условий, при которых сотрудника всячески поддерживают, давая ему возможность стремиться к удовлетворенности от работы для самого себя. Если же такие условия не созданы, он с большой долей вероятности будет разочарован. Работники, лишенные возможности удовлетворить на работе важные для себя потребности высшего порядка становятся ленивыми, пассивными, сопротивляются переменам. Им не хватает чувства ответственности, они готовы воспринимать демагогию и всякие неразумные требования экономических льгот.

Высокий уровень жизни, созданный современными технологиями, дает возможность удовлетворить работающему свои физиологические потребности и потребности в безопасности. Но, делая возможным удовлетворение потребностей низших уровней, менеджмент, базирующийся на принципе «кнута и пряника», не может использовать такие средства мотивации как материальные вознаграждения и угрозы, а также другие принудительные меры. Философия менеджмента, не признающая ценности человека, неадекватна для мотивации современного работника, поскольку человеческие потребности, на которые она опирается, не являются в начале XXI века существенными мотивирующими факторами. Контрольные процедуры практически бесполезны для мотивации работников, доминирующими потребностями которых являются социальные или эгоистические. В настоящее время и «жесткий», и «мягкий» подходы не достигают нужного результата, так как они не соответствуют изменившимся социально-экономическим условиям жизни людей.

Недостатки подхода к управлению, не признающего в качестве *значимой ценности* работника, компенсирует теория «У» Д.Макгрегора. В соответствии с ней работники по своей натуре не пассивны и не настроены против нужд организации. Они начинают проявлять себя таким образом только в результате некоторого опыта работы в данной организации. Мотивация, основанная на возможности к дальнейшему своему развитию, готовность брать на себя ответственность, способность вести себя в соответствии с целями организации — все это присуще работникам. Тогда обязанность менеджеров состоит в том, чтобы обеспечить возможности для проявления этих качеств.

Существенной задачей менеджмента является создание таких условий и методов управления в организации, чтобы люди, направляя свои усилия на достижение целей организации, достигали своих личных целей наилучшим образом. Однако теория «Y» не подразумевает, что менеджмент сложил свои полномочия, что отсутствует лидерство, что снижается роль стандартов или других управленческих характеристик, т.е. то, что обычно соотносят с «мягким» подходом в теории «X». Теория «Y» основана на принципе интеграции, или создании таких условий, в которых члены данной организации наилучшим образом достигали бы целей, направляя свою энер-

гию на достижение успеха предприятия. Такой принцип интеграции в буквальном смысле создает условия, при которых отдельные личности достигают собственных целей, внося при этом вклад в достижение целей всей организации.

То, насколько менеджер признает ценность человека, побуждает работников поступать соответствующим образом. Если руководитель допускает, что его подчиненные ленивы, безответственны и их надо принуждать упорно работать, то вполне вероятно им будет создана система поощрения и оценки, обеспечивающая такие условия, при которых работники будут вести себя в соответствии с ожиданиями менеджера. Будут выработаны четкие нормы и правила, менеджеры станут контролировать проведение всех производственных операций. Работники быстро приспособятся к этой системе и будут вести себя так, как это определяет теория «X».

Сложность применения теории «Y» на практике определяется тем, что работники привыкли к тому, что ими управляют, манипулируют, что их контролируют в организации и к тому, чтобы удовлетворять свои социальные и эгоистические потребности, а также потребности в самовыражении им приходится вне работы. Однако в руках руководителя, признающего ценность человека и полноты его бытия, есть инструменты, позволяющие повысить эффективность деятельности своей организации путем активизации человеческого фактора. К ним относятся делегирование и децентрализация, расширение фронта работ, использование консультативного менеджмента и соучастия.

Децентрализация и делегирование позволяют освободить работников от излишне жесткого контроля в организации, что предоставляет им больше степеней свободы в управлении своим поведением, позволяет принимать ответственность за определенные действия и тем самым удовлетворять свои эгоистические потребности. Расширение фронта работ дает возможность объединить нескольких работ в одну, обеспечивая целостность рабочего задания. Оно способствует принятию решений на нижних этажах организационной вертикали, предоставляет возможность удовлетворить социальные и эгоистические потребности работников. Консультативный менеджмент поощряет их стремление управлять своей созидательной энергией для организационных целей, предоставляет им возможность участвовать в процессе принятия решений, что должным образом воздействует на работников, также способствуя удовлетворению их социальных и эгоистических потребностей.

Многие руководители, признающие ценность человека и полноты его бытия, стремятся повысить уровень удовлетворенности работой своих сотрудников. По мнению В. А. Ядова состояние удовлетворенности можно рассматривать как самый простой итоговый показатель личного отношения работника к труду и важнейший элемент общего морально-психологического состояния человека [5]. Н.А. Калмыкан и В.Д. Патрушев указывают на то, что удовлетворенность трудом характеризует степень реализации требований, которые человек сознательно или неосознанно предъявляет своей работе [6]. Н. И. Лапин и Н.Ф. Наумова считает, что удовлетворенность трудом является показателем социального статуса работника и мерой, которой определяется его адаптированность к реальности [7].

Иной точки зрения придерживается И.В. Страхов, который под удовлетворенностью трудом понимает степень соответствия личностных и вещественных факторов производственной ситуации [8]. По мнению М. А. Дмитриевой, А. А. Крылова, А. Э. Левина и А.И. Нафтульева удовлетворенность трудом представляет собой характеристику трудовой активности и ее успешности [9]. Ф.Н. Ильясов отмечает, что в рамках парадигмы “работник — рабочее место” удовлетворенность трудом пони-

малось как удовлетворенность функциональным содержанием труда, а при парадигме "работник-организация" удовлетворенность трудом — это удовлетворенность местом работы" [10].

Работники, неудовлетворенные свои трудом в конкретной организации, могут вести себя двояко. Одни критически оценивают результаты своей работы и стремятся внести в нее изменения, стремятся повлиять на условия труда или деятельность самой организации. Другие примиряются с создавшимся положением и переносят свою активность в иную сферу, которая может быть связана определенным образом с их профессиональными навыками, а может и не быть связана с ними. Как правило, они снижают уровень своих профессиональных притязаний и профессиональной самооценки.

Различные истолкования понятия "удовлетворенность трудом" свидетельствует об отсутствии единства в подходах к данной проблеме, которое порождено разным пониманием сущности труда. Так, А.Г. Здравомыслов, Л. Кендалл, А. Маслоу, И.М. Попова, Ф. Ротлисбергер, П. Смит, В.А. Ядов и ряд других понимают труд, как процесс удовлетворения потребностей работника. Отсюда удовлетворенность трудом выступает как оценка степени удовлетворения потребностей и вызываемое ей соответствующее эмоциональное состояние. Исследователи, базирующиеся на этом подходе, изучают влияние различных производственных и внепроизводственных условий на удовлетворение потребностей работника, что приводит его к определенной степени удовлетворенности трудом.

Другой подход к сущности труда, которого придерживаются М. А. Дмитриева, А. А. Крылов, А. Э. Левин, Н. Ф. Наумова и А. И. Нафтульев рассматривает трудовую деятельность человека через призму его общественного разделения. Ученые, придерживающиеся данного подхода, исследуют ее связь с характеристиками личности работника, анализируют влияние на удовлетворенность трудом его ожиданий, связь удовлетворенности с представлением сотрудника о справедливости, о желаемом статусе.

Логическим следствием из первого подхода к сущности труда выступают содержательные, а из второго - процессуальные теории мотивации трудового поведения. Интегрируя оба подхода, можно сделать вывод о том, что характеристика уровня удовлетворенности работников своим трудом показывает соотношение между их требованиями к содержанию и условиями труда и оценкой вероятности удовлетворения своих потребностей, ожиданий определенных результатов и вознаграждений; информирует, какие ценностные ориентации определяют трудовое поведение персонала, что, безусловно, важно для руководителя, считающего для себя значимой ценность человека.

Удовлетворенность трудом зависит от взаимодействия четырех групп переменных:

♦ ценностей работника и определяемыми ими потребностями, интересами, ожиданиями и установками;

♦ личностного потенциала работника: его способностей, состояния здоровья, психологических характеристик личности;

♦ характеристик трудовой деятельности, таких как её значимость, ответственность и эффективность;

♦ ситуационного потенциала конкретной организации, который определяется организационными культурой и климатом, её структурой, особенностями используемых стилей руководства и другими ситуационными переменными [11].

Структура удовлетворенности трудом представляет собой структуру факторов удовлетворенности. Они могут быть объединены в группы на основе выделения определенного признака. Так авторы корнельского трудового дискретного индекса разбивают эти факторы на пять больших групп: факторы оплаты труда, карьеры, психологического климата, отношения с руководством и содержания работы [12]. По мнению Ф. Н. Ильясова в структуру удовлетворенности работника трудом входят три составляющие: удовлетворенность своим социальным статусом, удовлетворенность производственной ситуацией, удовлетворенность функциональным содержанием труда [13].

Показателями удовлетворенности трудом можно считать удовлетворение различными аспектами деятельности работника в организации: заработной платой, условиями труда, взаимоотношениями в коллективе, содержанием труда и рядом других, а также увлеченность работой и приверженность организации. Однако понятие "удовлетворенность трудом" столь широко, что его целостная оценка, по нашему мнению, весьма затруднительна. Положительные изменения любого из признаков, характеризующих удовлетворенность трудом, могут привести к ее улучшению, хотя обобщенное отношение работника к труду отличается устойчивостью и основательно изменить его с помощью трех - четырех факторов невозможно, что необходимо учитывать руководителю, ориентированному на ценность человека.

Долгое время считалось, что факторы, влияющие на удовлетворенность трудом, совпадают с мотиваторами трудовой деятельности. Однако Ф.Герцберг доказал, что факторы, устраняющие неудовлетворенность работой, существенным образом отличаются от факторов мотивации [14]. Первые он назвал гигиеническими и отнес к ним уровень заработной платы, условия труда, межличностные отношения в коллективе и факторы, связанные с удовлетворением низших потребностей человека. К мотиваторам он отнес успех деятельности, карьерный рост, признание и одобрение результатов труда, высокую степень ответственности за них, возможности для творческого роста и другие, способствующие удовлетворению высших потребностей работника.

Исходя из сказанного выше, Ф. Герцберг делает вывод, что процесс мотивации и процесс достижения удовлетворенности трудом различны. Ф. Герцберг солидарен с Д. Мак Клелландом в том, что удовлетворение низших потребностей не приводит к мотивации трудовой деятельности. Отсюда гигиенические факторы, которые способствуют удовлетворению низших потребностей, не могут быть мотиваторами. На основании своих исследований Ф. Герцберг делает вывод, что связь между производственными показателями и удовлетворенностью трудом незначительна, а эффективность труда удовлетворенных работников не всегда выше, чем неудовлетворенных. По его мнению, работник трудится в конкретной организации не только, чтобы избежать неудовлетворенности трудом [15]. Данное положение теории Ф. Герцберга противоречит идее З. Фрейда о том, что понижение состояния неудовлетворенности однозначно способствует расширению удовлетворенности и желанию действовать эффективнее.

Результаты исследований, базирующихся на теории Ф. Герцберга, неоднозначны. Часть из них не выявляют различий между факторами мотивации и удовлетворенности трудом. Другие показывают, что один и тот же фактор может вызвать удовлетворение работой у одного сотрудника и неудовлетворение — у другого, в одной производственной ситуации он будет выполнять роль гигиенического фактора, а в другой — мотиватора. Это наводит на мысль о том, что факторы мотивации и

удовлетворенности трудом зависят от потребностей конкретного работника. Сама же система потребностей отличается динамизмом, подвергаясь разнообразным влияниям, в том числе и позитивному влиянию со стороны руководителей, признающих как одну из ведущих ценностей своей деятельности ценность человека. Непризнание же менеджерами этой ценности способно привести к демотивированию работающих, что, в свою очередь, приводит к снижению эффективности деятельности работников. В их трудовом поведении тогда происходят такие изменения как: стремление уйти от ответственности за дела в организации; поиск оправдания бездействия или некачественной работы; постоянное затягивание дел; отказ от творческого подхода к работе; появление "кланов", "группировок", направленных на борьбу друг с другом.

Однако в большинстве исследований не было найдено однозначной связи между удовлетворенностью сотрудников работой и результативностью их деятельности. [16] Некоторые работники удовлетворены работой, но являются плохими исполнителями или недостаточно инициативны, при том, что имеются сотрудники, которые не удовлетворены работой, но отлично трудятся. Данный факт ставит руководителей, ориентированных на ценность человека, перед дилеммой – обеспечивать удовлетворенность подчиненных, при этом, возможно, жертвуя результативностью деятельности своей организации, или, признав основной целью достижение высоких результатов работы организации, отказаться от заботы об удовлетворенности сотрудников работой. Таким образом, ценность человека начинает конкурировать с ценностью результативности деятельности организации.

Впрочем, несмотря на наличие указанного выше *ценностного* конфликта, большинство менеджеров хотели бы иметь удовлетворенных и продуктивных работников, несмотря на то, что удовлетворенность не определяет уровень результативности организации. Удовлетворенный трудом персонал способен долговременно сохранять позитивную мотивацию, что в перспективе может обеспечить рост количественных и качественных результатов трудовой деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. McGregor D.M. The human side of enterprise. N.Y., 1960. – p. 23.
2. McGregor D.M. Leadership and motivation. Boston, 1966. – p. 134 - 135.
3. Maslow A. Motivation and Personality. N.Y., 1954. – p. 7 - 8.
4. Там же. – p. 325.
5. Ядов В. А. Отношение к труду: концептуальная модель и реальные тенденции // Социологические исследования, 1983. - №3. - с. 51.
6. Патрушев В. Д., Калмыкан Н. А. Удовлетворенность трудом: социально-экономические аспекты. - М.: Наука, 1993. – с. 34.
7. Наумова Н. Ф., Лапин Н. И. и др. Теория и практика социального планирования. - М.: Политиздат, 1975. – с. 21.
8. Страхов И. В. Психология творчества. - Саратов: Изд-во СГПИ, 1968. - с. 9.
9. Дмитриева М. А., Крылов А. А., Нафтульев А. И. Психология труда и инженерная психология. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. - с. 47.
10. Ильясов Ф. Н. Удовлетворенность трудом. - Ашхабад: Илым, 1988. – с.13.
11. Уткин Э. А. Мотивационный менеджмент. - М.: ТАНДЕМ, ЭКМОС, 1999. – с. 56.
12. Бреддик У. Менеджмент в организации. - М.: Инфра-М, 1997. – с. 136.
13. Ильясов Ф. Н. Удовлетворенность трудом. - Ашхабад: Илым, 1988. – с. 44.
14. Herzberg F. One more time: how do you motivate emploees? // Harvard Business Review, 1968. -vol. 46. - p. 54.
15. Herzberg F., Mausner B., Snyberman B. The motivation work. - New York: Willey, 1963. – p. 54.
16. Vroom V. Work and motivation. -New York: Willey, 1963. – p.231.

A.B. Bakuradze

PROBLEM OF MAN IN THEORIES OF DIRECTING OF SOCIAL ORGANIZATION: SOCIAL-PHILOSOPHICAL ANALYSES

Abstract: Characterization of management approaches which differ in admission and non-admission of the value of the person as the leading in value sistem of management, motivation sistems and satisfaction with the work are discussed in this issue. The auther proves that a manager who admits the value of the person must study the workers' needs, which determine their motivathion to work, make it possible to satisfy these needs and also find and maintain the factors that influence on the level of satisfaction of the staff with the work, inspite of the contradiction between the person value and the effectiveness of the organization activity value.

Key words: The person as value, management as activity, the management theory, the social organisation, the analysis socially-philosophical, motivation of administrative activity, satisfaction work.

УДК 101.1:316

Бурыкин А.Н.

ТОТАЛИТАРНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК КОМПЛЕКС ОТЧУЖДЕННО-БЮРОКРАТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ*

Аннотация: Современная ситуация в России характеризуется переходом от тоталитарных методов управления к демократическим. В связи с таким переходом становится актуальным исследование методов тоталитарного управления, положение человека в такой системе, чтобы лучше представлять необходимость отказа от тоталитарных методов управления.

Ключевые слова: управление в обществе, тоталитарное управление и управление демократическое (деятельностью человека в организации), методы и условия управления тоталитарного и демократического, сравнительный анализ.

Понятие «тоталитаризм» было введено в политический оборот Муссолини, использовавшим терминологию итальянского философа Джентиле, который исходил из того, что нет никаких пределов государственному вмешательству в личную жизнь людей. Такое управление Э. Фромм называет о*тчужденно-бюрократическим.* Отчужденно-бюрократическое управление Э. Фромм характеризует следующим образом:

• это однонаправленная система: приказы, предложения, планы исходят с верху пирамиды и направляются к низу. Индивидуальной инициативе нет места. Личности – это случаи;

• бюрократическая система является безответственной в том смысле, что не «отвечает» на нужды, взгляды, запросы индивида. Безответственность ее тесно связана с характеристикой человека как случая, становящегося «объектом» бюрократии. Нельзя отвечать на запросы *случая,* но можно – на запросы личности;

• безответственность бюрократа имеет еще один аспект, бывший в течение долгого времени признаком бюрократии. Чувствуя себя частью бюрократической машины, бюрократ чаще всего не хочет брать ответственность на себя, то есть не хочет принимать решений, за которые его можно было бы критиковать. Он старается избегать принятия любых решений, коль скоро они не сформулированы ясно соответствующими правилами, а при наличии сомнений он отсылает человека к другому бюрократу, который в свою очередь делает то же самое;

• наша бюрократическая система дает индивиду почувствовать, что он ничего не может ни предпринять, ни организовать без помощи бюрократической машины. В результате она парализует инициативу и порождает глубокое чувство бессилия.[12; с. 394-399]

Основная черта, характеризующая отчужденно-бюрократическое управление – это положение человека – винтика данной системы. В то время как гуманистическое управление характеризуется тем, что индивидуальный участник отстаивает свои права перед управляющими, обстоятельствами и машинами и перестает быть бессильной частичкой, не принимающей активного участия в процессе. Только благодаря подобному утверждению своей воли можно высвободить энергию индивида и восстановить его душевное равновесие; в то время как у отчужденной бюрократии вся власть нисходит сверху вниз, в гуманистическом управлении это улица с двусторонним движением; «объекты» принятого наверху решения реагируют в соответс-

* © Бурыкин А.Н.

твии с собственной волей и озабоченностью; их ответ не только достигает вершины пирамиды принимающих решения, но и заставляет их реагировать в свою очередь. «Объекты» принятия решений имеют право бросить вызов принимающим решения.[12; с. 394-399]

К. Поппер в работе «Открытое общество и его враги» трактует тоталитаризм как явление, присущее всей истории человечества. Он делит общества на:

– «закрытые» – это коллективистские, племенные общества;

– «открытые» – в которых произошел отказ от коллективизма и индивид вынужден сам принимать решения: «В дальнейшем магическое, племенное или коллективистское общество мы будем именовать *закрытым обществом,* а общество, в котором индивидуумы вынуждены принимать личные решения, – *открытым обществом*».[10; с.219] К. Поппер, говоря о закрытом и открытом обществах, обозначает переход от закрытого к открытому обществу как величайшую революцию в судьбах человечества, в результате которой происходит «перенапряжение цивилизации».[10; с.222] Тоталитаризм он рассматривает как возврат к «закрытому обществу», как новый племенной дух, а истоки тоталитаризма проявились еще в трудах Платона, который говорил, что справедливым является то, что полезно государству. К. Поппер вводит термин социальная инженерия, при помощи которой пытаются власти осчастливить народ, что ведет к опасной догматической приверженности схеме, во имя которой приносятся многочисленные жертвы. Социальной инженерии он противопоставляет постепенную инженерию, которая стремится постепенно облегчить страдания этого народа.

Ханна Арендт[1,с.308] в книге «Истоки тоталитаризма» приводит еще одну черту тоталитаризма – поддержка широких масс. Это происходит в результате превращения классов в массы. Масса стала возможной в результате искоренения всякой групповой солидарности и наличия аморфной структуры общества. Масса требует тоталитарного вождя, который мало чем отличается от прежних вожаков толпы. Вождь и толпа зависят друг от друга, вождь без масс никто, масса без него бесформенная, рыхлая орда. Причины, которые привели народ к массе, Х. Арендт видит в крушении социальных институтов и социальных традиций в XX в., в потере широкими массами почвы под ногами, в ощущении своей ненужности. Власть вождей основана на создании выдуманного мира, способного конкурировать с реальным, в который верит масса, и крушение этого мира возвращает массу к прежнему состоянию одиноких индивидов.

Х. Аренд, анализируя причины появления тоталитарного государства, использует понятие «толпа» для определения того, что произошло с народом в XX веке и не считает ее ни народом, ни рабочим классом, а называет их «отбросами» всех классов. Она констатирует их глубокую безответственность, поддержку ими диктатора. Толпа является не только частью общества, но и порождением его. Породили толпу нестабильность, вызванная первой мировой войной и страданиями, связанными с войной, разрушения общепринятых норм и правил. Война привела к распаду классов и превращению их в массу, так как человек во время войны стал винтиком военной машины, массовых военных событий и стремился быть анонимным, безликим, незаметным. После войны появилось много людей, выброшенных из своих стран, потерявших гражданство, отколовшихся от своей нации, культуры, не имеющих корней. Поэтому у них не было чувства гражданственности, принадлежности государству. «Парадокс, заключенный в потере человеческих прав, таков, что эта потеря тотчас же сопровождается превращением человека в биологическую

особь, в человека вообще – без профессии, без гражданства, без мнения, без дела, по которым можно узнать и выделить самого себя из себе подобных... при отнятой возможности выразиться внутри некоего общечеловеческого мира и воздействовать на него... опасность в том, что мировая всеохватывающая цивилизация может порождать варваров из самой себя, вынуждая миллионы людей жить в условиях, которые вопреки видимости суть условия для дикарей».[1,p.311] Послевоенное время еще более усугубило ситуацию в связи с разразившемся экономическим кризисом. Безработица, сопровождающая экономический кризис, сделала миллионы людей экономически лишними социально обременительными. В связи с таким положением права человека не имели политическим и экономических гарантий и потеряли свою значимость. Именно такая ситуация вела, по мнению Х. Аренд к порождению огромного количества живых трупов и самой возможности концлагерей с их «безумным массовым производством трупов». [1,p.308]

В. Шкуратов определяет тоталитаризм как абсолютную власть групп людей, партий, отдельных политических институтов в индустриальных обществах XX в. и называет общие черты:

а) культ народных вождей;

б) разрастание аппарата репрессий,

в) централизованное стягивание ресурсов нации для державных задач и планов;

г) контроль над частной жизнью человека, замена последней общественно-политическими целями режима.

«В некоторых формах и фазах тоталитаризм полностью деструктивен. Он организует большую индустрию смерти: армию и военную промышленность, концлагеря, фабрики уничтожения людей. Над реальными экономическими преобразованиями нависает избыточность утопии, проект тотального переустройства человечества. Тоталитарная рациональность оказывается здесь совершенно иррац иональной».[14,с.322-323] Тоталитарный режим самоопределяется как инструмент дальней цели: создания совершенного человеческого устройства. Этой цели должно быть подчинено все, в том числе частная жизнь граждан (которая сама по себе является объектом показательного совершенствования). На деле идеологические лозунги покрывают мелкое политиканство и потребности текущего управления страной. Реальным историческим делом коммунистических режимов СССР, Центральной Европы и Азии стала ускоренная индустриализация, проведенная с громадной расточительной тратой человеческих и природных ресурсов. [14,с.322-323]

Говоря о положении личности в системе тоталитарного управления, В. Шкуратов отмечает прямое воздействие на конкретного человека. Если при *либерально-демократическом управлении* между государством и личностью существуют институты церкви, семьи, негосударственное образование и экономика, другие микросоциальные образования, при *авторитарном режиме* верховный правитель считается с корпорациями и сословиями, которые имеют собственные юридические или традиционные установления, подобия органов власти, корпоративно-сословная личность тесно включена в свою среду и мало общается за ее пределами, *тоталитаризм* не просто централизует власть и сводит ее в репрессивно–идеологический кулак, он последовательно ломает и подчиняет себе микросоциальную среду личности, ничто больше не заслоняет человека от власти: коллеги, знакомые, родственники должны стать пропагандистами или соглядатаями режима. [14,с.323]

В. Шкуратов описывает далее, как психолог, что происходит с личностью:

«Тоталитаризм не просто централизует власть и сводит ее в репрессивно-идеологический кулак. Он последовательно ломает и подчиняет себе микросоциальную среду личности. Ничто не должно заслонять человека от власти: коллеги, знакомые, родственники должны стать пропагандистами или соглядатаями режима». [14,с.322] Человек в результате контроля за его мыслями со стороны власти приобретает то, что В. Шкуратов называет слой «политического бессознательного»: сомнений, опасных мыслей, отрицательных эмоций, в которых нельзя признаться другим и даже себе. Создается цепочка внутренней цензуры: кое-что можно обсуждать с наиболее близкими людьми, кое о чем думать про себя, кое о чем помыслить страшно. Некоторые социальные мыслители усматривали в тоталитаризме тупиковый исход рационализации, отбросившей идею личной свободы. [14,с.322-323]

В работе «Демократия и тоталитаризм» Р. Арон называет пять признаков тоталитаризма:

1. Тоталитаризм возникает в режиме, предоставляющем какой-то одной партии монопольное право на политическую деятельность;

2. Эта партия имеет на вооружении (или в качестве знамени) идеологию, которой она придает статус единственного авторитета, а в дальнейшем – и официальной государственной истины;

3. Для распространения официальной истины государство наделяет себя исключительным правом на силовое воздействие и на средства убеждения. Государство и его представители руководят всеми средствами массовой информации – радио, телевидением, печатью;

4. Большинство видов экономической и профессиональной деятельности находится в подчинении государства и становится его частью. Поскольку государство неотделимо от своей идеологии, то почти на все виды деятельности накладывает свой отпечаток официальная истина;

5. В связи с тем, что любая деятельность стала государственной и подчиненной идеологии, любое прегрешение в хозяйственной или профессиональной сфере сразу же превращается в прегрешение идеологическое. Результат – политизация, идеологизация всех возможных прегрешений отдельного человека и, как заключительный аккорд, террор, одновременно полицейский и идеологический. Р. Арон считает, что нет какой-то одной или двух ведущих черт тоталитарной системы. Она возникает при условии существования всех черт. [3,гл.15]

В.С. Нерсесянц, характеризуя период сталинизма, называет черты тоталитаризма, которые он связывает с отсутствием государства в привычном смысле слова. [8,с.291] «Этот тоталитаризм означает, по сути дела, отсутствие государства, насильственно-революционное разрушение государственности и ее замену системой экстраординарных учреждений партийно-политической диктатуры... Тоталитарная диктатура так же не была государством, как и ее командно-приказные акты и требования (нормы) не были правом». [8,с.291] Право определялось как форма выражения насилия, вместо законов действовали приказы – указное право как комплекс государственно-правовой неполноценности (в заголовке используется определение Нерсесянца В.С.).

Э. Канетти, характеризуя тоталитарное управление, говорит о массе, которая стала основой такого управления, и анализирует причины появления такого состояния человека в XX веке. При определении массы за исходный пункт он берет психологический момент – страх человека перед прикосновением с другим. Человек старается держаться от других людей на некотором расстоянии, дистанцироваться

от них. В массе же этот страх прикосновения снимается, все дистанции перестают существовать. Стоит однажды почувствовать себя частицей массы, как человек перестает бояться соприкосновения, он ощущает себя равным другому. Все различия, в том числе и различия пола, как бы перестают существовать. Более того, масса предстает как примитивная форма защиты от смерти. В тесноте, когда между людьми уже нет расстояния, каждый ощущает другого как самого себя, что приносит ему огромное облегчение. Ради этого люди и соединяются в массы.[5,с.18]

Итак, тоталитарное управление превращает личность в объект, средство для достижения собственных целей – власть ради власти, которая опирается на безликую массу (толпу), прибегает к террору, указному праву, разрушает культуру (господствует идеология), семью, личность, частную жизнь.

Проблему тоталитаризма автор объединяет с человеком, который находится в сфере тоталитарного управления. Человек породил данную систему, и система сформировала человека. Социологи и философы описывают и анализируют то, что произошло с человеком в XX веке, что стало основой для того, чтобы тоталитаризм стал возможен. Говоря о социальной структуре, сложившейся в тоталитарном государстве, можно сослаться на О. Шпенглера, который отметил, что в XIX веке сложилось четвертое сословие – масса и именно она пришла к власти в XX веке. Кроме слова «масса» для определения особенности социальной структуры используется слово «толпа».

Х. Ортега-и-Гассет говорит о том, что в XX веке к власти пришел человек, не знакомый с принципами управления: «Все прошлые цивилизации погибали по причине недостаточной обоснованности своих принципов, похоже, что европейской цивилизации грозит противоположное. Теперь уже сам человек не успевает шагать в ногу с прогрессом, по пути которого неуклонно следует цивилизация. Цивилизован мир, но не человек, живущий в нем; он даже не замечает того, что живет в цивилизованном мире, пользуясь дарами цивилизации, как пользуются природными дарами. ...Бразды правления в обществе взяли в свои руки люди, незнакомые с принципами развития цивилизации». [9,с.60] Х. Ортега-и-Гассет называет характерные черты такого человека. Он вводит термин человек-масса для характеристики тоталитарного человека, который не способен понять принципы, на которых держится цивилизация; толпа навязывает свое право на вульгарность и провозглашает вульгарность как право.

Автор вводит понятие герметичность души для характеристики среднего человека, отмечая неспособность его внимать чужому мнению и подчиняться: «В этом случае – интеллектуальная герметичность. Человек чувствует, что в него заложено некое количество идей. И он удовлетворяется этим, считая, что в интеллектуальном плане уже ни к чему стремиться не надо. Поскольку он не чувствует необходимости узнать что-то новое, не имеющее к нему прямого отношения, он тем самым замыкается в себе, вынужденный вновь и вновь – обращаться к тем же идеям, – вот вам весь механизм герметизации души». [9,с.61] Говоря об уровне его воспитания и образования, автор отмечает радикальную неблагодарность человека по отношению к тому, что сделало возможным его существование; перед человеком – массой исчезли преграды; этот человек потерял способность оценивать собственные силы и поэтому не обращается ни к каким авторитетом, кроме собственного; человек, принадлежащий к избранному меньшинству, требует от себя очень много, человек толпы ничего от себя не требует, а удовлетворяется тем, что имеет, и сам собой доволен:

«Человек-масса чувствует себя совершенным во всех отношениях. Человек

избранного меньшинства, для того чтобы чувствовать себя совершенным, должен быть очень тщеславным. Уверенность в своем совершенстве не составляет его сути, как у человека-массы. У человека избранного эта уверенность основывается на тщеславии, и даже ему самому она кажется чем-то надуманным, нереальным и сомнительным. Поэтому тщеславный человек нуждается в окружающих, ищет в них подтверждения того представления, которое сложилось у него о самом себе». [9,с.60] Человек-масса умен, но не использует своего интеллекта. Масса отрицает сосуществование с кем-либо, кроме нее самой, – ее питает смертельная ненависть ко всем, кто к ней не принадлежит. [9,с.60]

Бодрийар Ж. в работе «В тени молчаливого большинства, или Конец социального» говорит о массе как о народе, в котором угасла социальная энергия: «Масса является массой только потому, что ее социальная энергия уже угасла. Это зона холода, способная поглотить и нейтрализовать любую действительную активность». [4,с.33.] Привыкшая подчиняться, масса становится неуправляемой в силу того, что она потеряла энергию. Она теперь не является ни субъектом, ни объектом, так как не способна быть носителем автономного сознания. Любое воздействие на массу, попадая в поле ее тяготения, начинает двигаться по кругу: оно проходит стадии поглощения, отклонения и нового поглощения. [4,с.37] Власть, подавляя массы, считали, что так ими будет легче управлять, но произошло противоположное управляемости масс явление: безразличие масс, которое она активно поддерживала, предвещает ее крах. «От масс постоянно требуют, чтобы они подали свой голос, им навязывают социальность избирательных кампаний, профсоюзных акций, сексуальных отношений, контроля за руководством, празднований, свободного выражения мнений и т. д. Молчание масс, безмолвие молчаливого большинства – вот единственная подлинная проблема современности». [4,с.31] Конец социального означает распад структуры общества и превращение его в аморфную, неуправляемую, ко всему равнодушную массу.

Тоталитарный режим привел к отчуждению человека от труда. П. К. Кеннеди в книге «Вступая в двадцать первый век» отмечает, что жалкие потребительские товары, ужасающие жилищные условия и убогое здравоохранение являли собой каждодневное опровержение заявлениям режима о превосходстве системы, что привело, в конце концов, к широкому отчуждению не только от тяжкого и нудного повседневного труда, к отсутствию мотиваций к труду на предприятиях и в учреждениях, к утрате гордости за свою работу. [6,с.280] Отчуждение человека, возникающее из-за жестоких репрессий, приводит к циничному отношению к политике, к замкнутости человека в самом себе и своих мыслях, к нежеланию что-либо изменить. [6,с.280]

Г. Маркузе современное состояние человека, который вышел из «Государства Благосостояния и Государства Войны» в обществе тотальной мобилизации, называет *продуктивным гибридом* и констатирует появление «нового общества», в котором традиционные очаги опасности здесь стерилизированы или изолированы, а подрывные элементы взяты под контроль. [7,с.526]

Т. Адорно в книге «Исследование авторитарной личности» характеризует тоталитарную личность как склонную к подчинению: «Индивид только тогда может осуществить собственное социальное приспособление, если ему по душе послушание и подчинение; садомазохистская структура желаний является поэтому и тем и другим, и условием и результатом общественного приспособления. В нашей общественной форме находят удовлетворение как садистские, так и мазохистские склонности». [2,с.281]

Э. Фромм в работе «Бегство от свободы» ставит вопрос не только о том, как и почему фашизм нашел такую поддержку в массах, но и, как и почему специфические силы человеческой энергии воздействуют на социальные процессы, формируют их, определяют специфику их проявления. Человек должен принадлежать к какой-либо общности, без которой у него возникает чувство ничтожности. «Человек должен иметь возможность отнести себя к какой-то системе, которая направляла бы его жизнь и придавала ей смысл; в противном случае его переполняют сомнения, которые, в конечном счете, парализуют его способность действовать, а значит, и жить». [12,с.197] Человек стремится к подчинению, уничтожая собственное «Я», порой представляет собой попытку «превратиться в часть большего и сильнейшего целого, попытка раствориться во внешней силе и стать ее частицей... Индивид целиком отрекается от себя... от собственной свободы, но при этом обретает новую уверенность и новую гордость в своей причастности к той силе, к которой он теперь может себя причислить». [12,с.203] Но наряду со стремлением к подчинению человек стремится и к господству, к власти. Жажда власти и ее оправдание достигли в XX веке невероятных размеров.

М. Фуко, в работе «Интеллектуалы и власть», говоря о роли интеллектуалов в управлении государством, отмечает, что всегда политика была делом умных людей, они разъясняли вопросы управления народу и сами занимались политикой, не доверяя это сложнейшее дело выходцам из низов. Но сегодня все изменилось: «...интеллектуалы поняли, что массы ради знания в них уже не нуждаются. Дело в том, что массы сами прекрасно и отчетливо всё знают, знают даже намного лучше, чем интеллектуалы, и гораздо лучше могут это выразить». [13,с.68] «Развитая индустриальная цивилизация – это царство комфортабельной, мирной, умеренной, демократической несвободы, свидетельствующей о техническом прогрессе» [13,с.10] т.к. уничтожается индивидуальность. Если управление обеспечивает человеку нормальные условия жизни, то ему безразличны методы управления:

«В этом отношении, по-видимому, вполне безразлично, обеспечивается ли возрастающее удовлетворение потребностей авторитарной или неавторитарной системой. В условиях повышающегося уровня жизни неподчинение системе кажется социально бессмысленным, и уж тем более в том случае, когда это сулит ощутимые экономические и политические невыгоды и грозит нарушением бесперебойной деятельности целого». [13,с.11] Вопрос о свободе и правах личности уходит на второй план и перестает быть актуальным. Но при этом, мы можем констатировать, что в обществе материального благополучия навязываются именно материальные, экономические потребности. На возникновение таких потребностей направлена целая индустрия рекламных агентств. Но такие потребности не могут быть истинными, соответствующими онтологическим устремлениям личности.

«Мы можем различать истинные и ложные потребности. “Ложными” являются те, которые навязываются индивиду особыми социальными интересами в процессе его подавления: это потребности, закрепляющие тягостный труд, агрессивность, нищету и несправедливость. Утоляя их, индивид может чувствовать значительное удовлетворение, но это не то счастье, которое следует оберегать и защищать, поскольку оно (и у данного, и у других индивидов) сковывает развитие способности распознавать недуг целого и находить пути к его излечению. Результат – эйфория в условиях несчастья». [13,с.12] «Свободный выбор среди широкого разнообразия товаров и услуг не означает свободы, если они поддерживают формы социального контроля над жизнью, наполненной тягостным трудом и страхом, – т.е. если они

поддерживают отчуждение». [13,с.13] Для человека важнее быть самим собой, должны быть условия для самореализации, его интересы не должны быть детерминированы извне. «Здесь реальная основа понятия "внутренней свободы": оно обозначает личное пространство, в котором человек имеет возможность оставаться "самим собой"». [13,с.15]

В политико-правовой, философской и социологической литературе формы государства по методам управления делят на демократические – гуманистические и тоталитарные – антигуманистические. Названия форме государства дают разные, но подход, который лежит в основе данного разделения один: целью государственного управления является человек или государство (осуществление власти ради самой власти). В. Шкуратов, характеризуя типы управления, называет источник, ссылаясь на Токвиля: «В первой половине прошлого века А. де Токвиль с удивительной проницательностью писал, что из французской революции XVIII в. вышли два потока. Первый ведет людей к свободным институтам, второй – к абсолютной власти». [14,с.322]

Гуманизация государственного управления или гуманистическое управление базируется на понятии «гуманизм». Этот термин как основа антропоцентрического мировоззрения возник в эпоху Возрождения, которая иногда называется также эпохой гуманизма и означает признание основополагающим принципом жизнеустройства признание самоценности человеческой жизни. Впервые о гуманизме заговорил Петрарка, который на первое место в жизни ставил достоинство человека, благородство как место человека в обществе, определяемого по его заслугам.

Актуализация проблем человеческого фактора в государственном управлении связана с вступлением человечества в стадию постиндустриального или информационного общества, в котором фактор человеческого, гуманистического участия возрастает. Гуманистическое управление является методом и основой выстраивания жизнестратегии личности на современном переходном этапе.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Arendt, H. The origins of Totalitarianism. /H. Arendt. – New York: "A Harvest book", 2008. – 527 p.
2. Адорно, Т. Исследование авторитарной личности. Под общей редакцией д. филос. н. В. П. Култыгина. – М.; Серебряные нити, 2001. – 412 с.
3. Арон, Р. Демократия и тоталитаризм. – М.: Издательство Текст, 1993. – 303 с.
4. Бодрийар, Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального.– Издание осуществлено в рамках программы «Пушкин» при поддержке Министерства иностранных дел Франции и Посольства Франции в России. Издательство Уральского университета, 2000. – 120 с.
5. Канетти, Э. Масса и власть. [Электронный ресурс] /Э. Канетти. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Kanett /index.php
6. Кеннеди, П.К Вступая в двадцать первый век: Пер. с англ./ Предисл. В. Согрина. — М.: Издательство «Весь Мир», 1997. – 480 с.
7. Маркузе, Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе; Пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; Сост., предисл. В.Ю. Кузнецова.– М: ООО "Издательство АСТ", 2002. – 526 с.
8. Нерсесянц, В.С. Философия права. – М.: Издательская группа ИНФРА*М – НОРМА, 1997. – 651 с.
9. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х.Ортега-и-Гассет. – М.: ООО "Издательство АСТ", 2001. – 509 с.
10. Поппер, К. Р. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. Пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. — М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 448 с.
11. Фромм, Э. Догмат о Христе / Э.Фромм. – Москва: Олимп, ООО "Издательство АСТ-ЛТД", 1998. – 416 с.
12. Фромм, Э. Психоанализ и этика. – М.: ООО "Издательство АСТ-ЛТД", 1998. – 568 с.

13. Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. С. Ч. Офертаса под общей ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. – М.: Праксис, 2002. – 384 с.
14. Шкуратов, В. А. Историческая психология / В. А. Шкуратов. – М.: Смысл, 1997. – 505 с.

A. Burykin

TOTALITARIAN DIRECTIONING AS A COMPLEX OF ALIENATED-BUREAUCRATIC METHODS

Abstract: The present situation in Russia is characterized as transitional period from totalitarian methods of management to democratic ones. It is very actually nowadays to investigate totalitarian methods of management, the situation with a person in such a system so that to imagine better the necessity to refuse from totalitarian methods of management.

Key words: Management in a society, totalitarian management and management democratic (activity of the person in the organisation), methods and conditions of management totalitarian and democratic, the comparative analysis.

УДК 81.23

Бухтиярова С.А.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОЦЕССОВ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМАМИ УСПЕШНОСТИ ИНОЯЗЫЧНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБЩЕНИЯ*

Аннотация: Статья посвящена исследованию механизмов воздействия преподавателя на целеполагание студентов и взаимосвязи процессов мышления и целеполагания, детерминирующей успешное педагогическое личностно-ориентированное общение.

Ключевые слова: психолингвистика, целеполагание, связь и развитие целеполагания студенчества и их мыслительной деятельности в общении, общение, личностно-ориентированное общение, личностно-ориентированное воздействие педагога на студента.

Значение категории «цель» в системе понятий, связанных с анализом психической деятельности и личностно-ориентированного общения, широко известно [2], [23]. В общей психологии цель обычно рассматривается как некоторый, фиксированный, данный человеку объект, а отличает от целеполагания, являющегося процессом формирования цели конкретной деятельности в определенных условиях. Как отмечает О.К. Тихомиров [21:107] «...понятие цель» становится одним из центральных понятий лишь той психологической науки, которая делает сознательную деятельность человека основным объектом своего изучения, а принцип деятельности основным объяснительным принципом». А.Н. Леонтьев [13:106] указывает, что изучение процессов целеполагания непосредственно выводит на основные механизмы деятельности и что «целеобразование выступает в качестве важнейшего момента движения той или иной деятельности субъекта». Б.Ф. Ломов [14:205] подчеркивает, что в психологическом исследовании деятельности проблеме целеполагания принадлежит первостепенная роль, так как «мотив и цель образуют своего рода вектор деятельности, определяющий ее направление, а также «величину усилий, развиваемых субъектом при ее выполнении», к тому же категория цель важна для педагогического личностно-ориентированного общения.

Конкретные механизмы формирования цели и ее функционирование как психологической реальности, управляющей интеллектуальным процессом, оказались объектом психологии при анализе интеллектуальной деятельности человека; целеобразование также становится предметом конкретного психологического исследования (А.В. Брушлинский [10], О.К. Тихомиров [21]). Традиционное направление изучения целеполагания в рамках психологии мышления развивается в двух основных аспектах. Исследование мотивационно - смысловой регуляции целеполагания и выявление внутренних механизмов и регуляторов процесса порождения целей.

Изучение мотивационно-смысловой регуляции целеполагания позволило выявить ряд общих условий, определяющих этот процесс. Было показано, что первичное выделение и осознание новых целей может осуществляться только в условиях содержательной деятельности, где связь цели с мотивом конкретная и близкая, а «смысл цели непосредственно вытекает из мотива» (А.Н. Леонтьев [13], Т.Г. Богданова [6]). При постановке операционально сформированной цели (цели, которую

* © Бухтиярова С.А.

человек практически научился ставить) связь мотива и цели может быть более условной, однако и здесь она существует. Чтобы личность смогла осмыслить эту связь, она должна соответствовать опыту ее реальных взаимоотношений с окружающими, должна отражаться в плане представления, а также эмоционально. Основой же для формирования действенной цели может стать эмоциональный образ или модель будущей ситуации - своеобразный носитель смысла деятельности, осуществляющий смысловую регуляцию целеполагания. При отражении и осмыслении связи цели с мотивом может происходить конкретизация, доопределение цели. И, наоборот, если связь не осмыслена, развивается процесс пресыщения (Л.С. Славина [20]).

Исследование внутренних механизмов целеобразования были начаты О.К. Тихомировым [20] и продолжены его сотрудниками Ю.Д. Бабаевой [3], Т.Б. Корниловой [12]. Изучая механизмы решения мыслительных задач, О.К.Тихомиров установил, что в основе поиска решений лежит развернутое обследование различных элементов задачи или проблемы. Эта ориентировочно-исследовательская деятельность носит преимущественно неосознанный (невербализованный) характер, она предшествует сознательному формированию (вербализации) замыслов, целей, решений.

Результаты проведенных исследований в этом направлении позволили сделать важный вывод: вербализованные продукты, в частности цели, возникают в результате развития невербализованных операциональных смыслов. При этом конечная цель выступает как важная детерминанта процесса образования промежуточных целей, то есть целей отдельных действий. Действие этой детерминанты реализуется через ряд конкретных механизмов, одним из которых является эмоциональный механизм. Мы солидарны с О.К. Тихомировым: сделанные им выводы подтвердились при нашем экспериментальном обучении педагогическому личностно-ориентированному общению студентов на занятиях по французскому языку.

Другим важным регулятором процессов образования новых целей выступает субъективная оценка достижимости цели (Н.А. Березанская [4]). Данная оценка является продуктом специального механизма контроля, основными компонентами которого являются такие личностные особенности, как внушаемость и критичность. Одностороннее усилие одного из этих компонентов ведет к феноменам внушаемого и критичного поведения. Воздействуя определенным образом на работу этого контролирующего механизма, можно достичь повышения творческих способностей человека.

Д.Б.Богоявленская [8] в ходе изучения индивидуальных факторов, обеспечивающих постановку познавательных целей в отсутствии стимуляции от наличной ситуации, обнаружила способность личности ставить познавательные цели в условиях, когда найденный алгоритм позволял и без того вполне успешно осуществлять предложенную умственную работу. В основе этой способности, по мнению Д.Б.Богоявленской [8] , лежит особое личностное свойство -интеллектуальная активность.

Традиционные исследования целеполагания в рамках психологии мышления вносят существенный вклад в понимание процессов постановки личностью жизненных целей, однако они часто критикуются представителями другого подхода к изучению (В.Н. Пушкин [18], Н.Е. Харламенкова [22] и др.). В системе психологии мышления, в исследованиях по психологии решения проблем категория «цель» часто идентифицируется с понятиями «проблема» и «задача».

Таким образом, говоря о процессе целеполагания в деятельности человека, необходимо иметь в виду существование двух целей - исходной, которая задается обычно извне и которая в субъектном плане выступает как обобщенная система отношений, и ситуативной, продуцируемой собственной деятельностью субъекта.

После того как исходная цель трансформировалась в конкретную ситуативную цель, могут развертываться различные последовательности действий, направленные на преобразование ситуации. Самостоятельное формирование человеком обобщенной цели, запускающей процесс решения проблемы, рассматривается как результат функционирования познавательного блока, который был принят в качестве личностной цели блоком субъектным.

Наиболее распространенной моделью в психологии мышления является эксперимент, в котором имеет место внешнее целеполагание - исходная цель ставится перед человеком извне в виде проблемы, которую необходимо решить [А.К. Маркова, 1986]. Как отмечает Н.Е. Харламенкова [22], для многих зарубежных исследований характерно некоторое упрощение первоначальной задачи, заключающейся в определении психологических закономерностей процесса целеполагания путем ее сведения к проблеме принятия цели. Цель при этом рассматривается как явление, существующее самостоятельно, вне субъекта, а проблема постановки цели обозначается как целеобразование и рассматривается с позиций эффективности, которая определяется через соответствие цели результату.

При другой позиции (В.Н.Пушкин [18], Н. Е. Харламенкова [22]), основанной не только на констатации факта участия субъекта в целеполагании, но и на обосновании специфического влияния личностных особенностей на этот процесс, внутреннее целеполагание рассматривается как основа интеллектуальной активности. Анализ случаев самостоятельной постановки проблемы свидетельствует, что в этом процессе имеется звено, в определенном смысле противоположное прямому образованию ситуативной цели, которая возникает при решении предложенной извне проблемы. Если ситуативное целеобразование обычно оказывается конкретизацией сформулированной извне цели, то самостоятельно поставленная проблема, как правило, выступает как переход к более высоким, более абстрактным уровням мыслительной деятельности, которые являются обобщением.

А.К.Маркова отмечает, что программу изучения процессов целеполагания школьников необходимо составлять, рассматривая два важных аспекта - что и как изучать, какие параметры целеполагания исследовать и в каких экспериментальных ситуациях это делать. Программу формирования целеполагания тоже надо начинать с рассмотрения того, что и в какой последовательности целесообразно формировать учителю. Переходя к описанию исследований целеполагания в педагогической деятельности, раскроем сначала содержание основных рабочих понятий:

“Цель - осознанный образ будущего желаемого результата действия или деятельности (мотив - цель).

Целеполагание - умение человека сформировать цель, будущего действия или деятельности и задать план ее достижения.

Целереализация - умение построить совокупность условий для достижения цели.

Целеобразование - умение осознать условия проблемной ситуации и создать такой образ будущего результата действия или деятельности, который при его реализации приведет к удовлетворению определенной потребности или приблизит к ее предмету.

Планирование – умение создать структурно-динамический образ (систему действий, операций в определенной их последовательности соответственно условиям) воплощения цели в действительность» (А.К. Маркова [16:140]).

“Педагогическая деятельность - это процесс выбора и применения учителем

педагогических задач (определяемых мотивами, потребностями его деятельности), педагогических воздействий, направленных на получение качественных изменений в психическом развитии учащихся (их обученности, воспитанности и т.д.) и приводящих также к качественным изменениям личности учителя (в его педагогическом целеполагании, педагогическом мышлении, педагогической рефлексии).

Педагогическое целеполагание – способность и потребность учителя ставить и достигать педагогические цели, перестраивать их в зависимости от изменения условий педагогической ситуации.

Педагогическая задача – педагогическая цель учителя, реализуемая в определенных условиях.

Педагогическая ситуация – совокупность условий, в которых решается педагогическая задача. Различаются запланированные учителем педагогические ситуации и непредсказуемые, неожиданные ситуации, вызванные обычно поведением трудных учащихся и т.д.

Приемы педагогической деятельности – способы осуществления учителем педагогических действий при постановке и решении педагогических задач (А.К. Маркова [17]).

А.К.Маркова также выделяет и подробно описывает уровни целеполагания в учебной деятельности. Целеполагание в учении включает в себя целеобразование (постановку, принятие, выбор целей, определение последовательности промежуточных целей, переход к новым, нестандартным, творческим целям) и целереализацию (определение достижимости целей, соотнесение их со своими способностями и возможностями, составление плана достижения целей, расчет ресурсов, времени и сил для их достижения, преодоление препятствий в ходе реализации целей).

В нашем экспериментальном обучении французскому языку основными составляющими целеполагания являлись виды и уровни целей, этапы их реализации, качества и проявления целей. Психологическое изучение и диагностика целей, формирование у студентов оптимальных для решения педагогических задач алгоритмов целеполагания осуществлялось с учетом всех этих составляющих. Так при оценке уровня развития процессов целеполагания у студентов педагог анализировал, какой вид цели планирует достичь студент (например, получить отличную отметку за семестровый тест (конечная цель) или ответить на «отлично» на занятии (промежуточная цель), определить спектр стоящих перед ним целей; выяснить уровень его целей, связанный с его мотивами (широкий познавательный, учебно-познавательный, самообразовательный, социальный уровни).

Далее преподаватель может узнать как студент представляет себе этапы реализации желаемой цели; оценить способности корректно и адекватно ситуации поставить цель; логически обосновать ее; предвидеть результат деятельности и способы его достижения; опробировать цель; разделить конечную цель на ряд промежуточных, выбрать из нескольких альтернативных целей одну, наиболее достижимую; спланировать собственные затраты времени и сил; спланировать необходимые действия; достичь требуемые цели; проверить степень достижения цели, сравнив желаемый и реальный результаты. После этого преподаватель может перейти к анализу качества целей и определить способен ли ученик поставить новые самостоятельные цели, проявить творческую инициативу; сформировать перспективные цели, имеющие отдаленный временной аспект; проявить гибкость в постановке целей, нестереотипность мышления.

Анализируя проявления целей, преподаватель определяет возможности уче-

ника по перестройке целей при изменении объективных условий; доведению начатой работы до конца; принятию решения на усложнение стоящей перед ним задачи; преодолению препятствий, мобилизации внутренних ресурсов в напряженных ситуациях; осознанию импульсивных желаний отложить начатое дело, бросить его, заняться чем-нибудь более приятным. И их волевому подавлению с целью достичь желаемого результата.

Детально проанализировав наличную стадию развития процесса целеполагания студентов, преподаватель может перейти к созданию условий для его дальнейшего формирования и начать целенаправленное обучение студента созданию и претворению в жизнь собственных максимально эффективных, оптимальных для решения поставленных задач, алгоритмов постановки и реализации целей.

Вышеперечисленные параметры целеполагания в лингво-педагогических исследованиях, опираются на традицию исследования проблемы цели в рамках психологии мышления и закономерностей личностно-ориентированного общения. В педагогических ситуациях наш студент находился в положении выбора одного их предлагаемых решений в усложненных ситуациях реального общения и обучения (прерывание и незавершенность деятельности по внешним причинам, надоедливость интересной работы; дефицит времени).

При этом оценивался уровень трудности выбранных ситуаций общения на французском языке, их количество, процент успешно решенных в условиях помех, соревнования, затруднений, время выполнения этюда. Предлагался ряд общих диагностических моделей для изучения процессов целеполагания, среди которых:

- возвращение к прерванному этюду и его возобновлению. С помощью этого задания определялась прочность цели и ее значимость для студента.

- эмоциональность и грамотность в процессе общения и формирования целеполагания студентов, гибкость, эмпатия;

- адекватность поведения в ситуациях разной степени сложности обязательности, позволяющая оценить устойчивость внутренних целей как регуляторов общения и поведения у студентов;

- постановка в ситуацию со скрытыми возможностями, изучающая зависимость инициативы в учении от внешних факторов соревнования, отметки;

- выбор легких или трудных заданий после правильного (неправильного) решения предыдущей задачи, оценивающей границы оптимального времени решения задачи;

- «отношение к сверхтрудной задаче», в которой изучаются реакции учащихся на возникающие препятствия (Н.И. Александрова [1]);

- «реакция на ошибку», изучающая такой аспект целеполагания как отношение ученика к ошибке, собственному неуспеху, его готовность к анализу ошибки и сосредоточению сил на ее исправлении, и в целом, стремление к самостоятельности и осознанности в постановке цели;

- “неоконченные предложения”, применяемая учителем при диагностике целей в учении.

Преимущество таких методов и специально подобранных экспериментальных педагогических ситуаций состоит в том, что они позволяют выявить реальное отношение к учению и зачастую не требуют прерывания учебного процесса.

Проведя диагностику наличных процессов целеполагания у учащихся, преподаватель может переходить к целенаправленному формированию у них оптимальных для решения задач обучения алгоритмов постановки и достижения целей учения.

Формирование интереса к учению у школьников и студентов находится в прямой зависимости от изменений в способах постановки ими целей обучения, то есть от изменений в процессах целеполагания. А. Н. Леонтьев [13] подчеркивал, что интерес создается при перестройке строения деятельности и что интересным учебный предмет становится в случае, если он вошел в сферу целей учащегося.

Следовательно, важнейшими методами управления состоянием интереса к учению являются психотехнологии, обеспечивающие необходимые качественные изменения и перестройки процессов целеполагания учащихся. При этом интерес к учению становится следствием правильно построенного учебно-воспитательного процесса, обеспечивающего формирование оптимальных алгоритмов целеполагания.

Так, например, учитель может сознательно управлять механизмом становления процессов целеполагания через осознание учеником своих целей, способов их постановки, характерных личностных приемов целеобразования и целереализации, последующую их произвольную перестройку при активизации волевых процессов, качественное изменение и совершенствование в зависимости от меняющихся внешних условий и внутреннего роста личности, переход к самодетерминации поведения, к сознательному смысло-, целе- и мотивообразованию, самостоятельному управлению ходом своего психического развития [Б.Ф. Ломов 14]. Важнейшим условием самостоятельной учебной деятельности являются сформированные у учащегося навыки целеполагания. Цели, поставленные самим учащимся в ходе внутреннего целеполагания [В.Н. Пушкин 18] принципиально отличаются от целей, порожденных внешним целеполаганием, так как они придают обучению жизненную значимость, наполняют его смыслом [А.Н. Леонтьев 13]. Основными условиями успешности формирования целеполагания являются при этом взаимный контроль и взаимная оценка (А.К.Маркова).

В условиях совместно-взаимодействующей учебной деятельности такой аспект целеполагания как способность ставить обоснованные и самостоятельные цели формируется успешнее, чем способность образовывать и планировать систему целей, что является следствием возможности контроля и оценки на всех этапах целеполагания, возможности апробирования намеченных целей практическими действиями, необходимости обоснования принятия того или иного решения учеником в ответ на замечания других участников учебной деятельности.

Чрезвычайную важность обучения ребенка осознанному принятию и активной постановке целей, отмечает А.К.Маркова [17]. В ходе различных уроков при анализе нового материала, при проверке домашних заданий, она рекомендует сначала подводить школьника к пониманию цели преподавателя, переходя затем к обучению его самостоятельной постановке своих, имеющих для него личностный смысл, целей. Учитель должен стремиться отрабатывать с учеником разные цели - гибкие, перспективные, трудные, но реалистичные! Обучение приемам целеполагания не должно ограничиваться учебным процессом, а расширяться на другие области деятельности ребенка, где ему должна даваться возможность самостоятельно поставить цель, спланировать ее достижение и попробовать ее реализовать.

При этом не стоит стремиться оградить ребенка от возникающих трудностей, ошибок, неуспеха. В условиях урока формирование осознанного целеполагания осуществляется учителем при поощрении ученика на собственную постановку цели учебной работы, ее обоснование и достижение. В качестве примера, А.К.Маркова приводит педагогический прием, когда учитель дает школьнику трудное для него задание и просит поставить цели, которыми в данном случае являются этапы и спо-

собы выполнения этого задания, и затем выполнить все эти этапы. При отработке целеполагания преподаватель может использовать методику "плюс- и минус-мотивации", которая отражает тот факт, что при достижении успеха в учебе и его фиксировании учителем и другими учениками ученик становится способным к решению более трудных задач, и наоборот, при подчеркивании учителем неуспеха, способность к целеполаганию у ученика падает. Поэтому необходимо поощрять и закреплять положительные достижения той или иной цели, что приводит к приданию учебному процессу личностной значимости. Такие цели приобретают для ученика новое самостоятельное значение. В таком случае может произойти превращение цели в новый мотив ("сдвиг мотива на цель" [А.Н.Леонтьев 13]).

Рассмотрим теперь методы формирования целеполагания в зарубежных исследованиях. В зарубежной психолого-педагогической науке существуют три основных направления в теории обучения, когда обучение рассматривается как процесс, в котором профессиональная деятельность учителя взаимодействует с учебной деятельностью учащихся.

Первое направление заключается в том, что учение рассматривается как усвоение знаний, умений и навыков. Учитель демонстрирует ученикам правильные ответы, правильную стратегию решения задачи, учащиеся их воспроизводят, повторяют, усваивают, а преподаватель закрепляет и нарабатывает эти навыки учеников, используя разнообразные средства и методы, тем самым обеспечивая прочность усвоения знаний, умений и навыков.

Представители второго направления исходят из представления об ученике как о пассивном воспринимающем устройстве, которое требуется наполнить знаниями, информацией, аналогично процессу заполнения водой пустого стакана из полного графина.

Третье направление в теории обучения учитывает активное личностное начало ученика, находящегося в процессе постоянного динамического взаимодействия со своим окружением. Соответственно, задачей преподавателя становится создание наиболее благоприятных условий для такого взаимодействия, которое бы способствовало эффективному решению учебных задач.

В отличие от первых двух направлений в обучении, хорошо обеспеченных научными психологическими знаниями, описывающими процессы и закономерности формирования знаний, умений и навыков, процессы трансляции, восприятия и воспроизведения информации, третье направление в психолого-педагогической литературе для учителя представлено достаточно слабо, хотя именно оно предполагает, в том числе, развитие и формирование процессов целеполагания в обучении, в том числе – иностранным языкам.

Из практических методов, педагогических тренингов, используемых за рубежом для повышения эффективности учения и акцентирующих свое внимание на работе с процессами постановки личностью целей, рассмотрим тренинг личностной причинности. Основное положение тренинга личностной причинности заключается в том, что первичной личностной особенностью человека является стремление к эффективному взаимодействию с окружающей действительностью, стремление к изменению ее в соответствии с собственными целями и задачами, или другими словами, стремление быть эффективной причиной происходящего. Развитие процессов целеполагания и их эффективное использование для достижения требуемых целей может рассматриваться при этом как развитие ощущения личностной причинности или осознания того, что сам человек является причиной и источником своего по-

ведения и всех его последствий, то есть как переход от экстернального локуса контроля к интернальному. При этом, когда человек осуществляет целенаправленное поведение, он воспринимает и ощущает себя в качестве субъекта своего поведения, своего мотива, своей цели.

Для формирования способностей учащихся к целеполаганию, планированию своего поведения, интернальному локусу контроля в тренинге личностной причинности служит целый комплекс направлений работы учителя с учениками, среди которых:

а) поставить перед собой реалистичные (заключенные в границах между легкореализуемыми и трудноразрешимыми) цели, правильно соотнести затраты на достижение цели со своими возможностями;

б) провести детальный самоанализ на предмет определения своих сильных и слабых сторон?

в) провести планирование и определить конкретные действия, порядок их выполнения в настоящее время, с учетом конкретных сроков достижения поставленных перед собой целей, то есть наметить для себя ближайшую перспективу поведения?

г) развить в себе способность к пониманию происходящего процесса целереализации, способность осознать, действительно ли такое поведение приближает его к цели, приводят ли его действия к желаемым результатам.

Большое количество зарубежных исследований целеполагания сконцентрировано в психологии управления, маркетинга и бизнеса. Ученые отмечают, что исправление процесса формирования личных целей является весьма трудоемкой задачей, но ее решение глубоко сказывается на ежедневной жизни человека. Они обращают основное внимание на личностный аспект работы по прояснению целей, первый этап которой заключается в ответе на шесть следующих вопросов:

1. Какая жизненная позиция помогает в установлении своих целей?
2. Каковы принципы постановки целей?
3. Для чего нужно ставить себе цели?
4. Как нужно ставить себе цели?
5. Что нужно делать, если что-то не получается?
6. Способны ли Вы помочь окружающим устанавливать эффективные цели?

На следующих этапах формирования целеполагания подробно рассматриваются индивидуальные стратегии разрешения проблем, поставленных в каждом вопросе, и в случае необходимости корректируются и совершенствуются. Так например, работа над четвертым вопросом (как нужно ставить себе цели) разделена на семь шагов: прояснение Ваших потребностей; определение возможностей; принятие решения о том, что Вам нужно; выбор; уточнение цели; установление временных границ; контроль своих достижений. Каждый шаг в методике формирования целеполагания М. Вудкока и Д.Френсиса имеет конкретные рекомендации по его выполнению.

Другой метод формирования процессов целеполагания предложила Д.Г. Скотт [24], разработавая динамическую технику силы ума. Используя различные приемы из нейро-лингвистического программирования, методов психической визуализации, самовнушения и элементы самогипноза, она разработала ряд специальных упражнений, направленных на развитие способностей конкретной постановке цели, определению ее реалистичности и достижимости, выработке уверенности в том, что Вы достигнете Вашей цели, определению необходимых шагов достижения цели. Так, например, упражнение “чистка луковицы” направлено на осознание своего внутреннего “Я”, предоставление ему права поставить цель и возложение на него ответс-

твенности за ее выполнение. Упражнения “автоматическое письмо”, “компьютер”, “спросите у Вашего тела” и т.д. предназначены для подключения ресурсов подсознания при постановке цели и определении пути ее достижения, рождают новые возможности для глубокой трансформации индивидуальных процессов целеполагания.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Александрова Н.И., Шульга Т.И. Изучение волевых качеств школьников / Вопросы психологии, №6, 1987.
2. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды. М., 1979.
3. Бабаева Ю.Д. Целеобразование в интеллектуальной деятельности. Автореф. канд. дисс. М., 1979.
4. Березанская Н.Б. Анализ непроизвольных компонентов в структуре целеобразования. Автореф. канд. дисс. М., 1978.
5. Бибрих Р.Р. Исследование видов целеобразования. Автореф. канд. дисс. М., 1979.
6. Богданова Т.Г. Целеобразование при различной мотивации. М., 1978
7. Богоявленская Д.Н. Об одном из подходов к исследованию интеллектуального творчества / Вопросы психологии, №4, 1976.
8. Богоявленская Д.Б. Метод исследования интеллектуальной активности. Автореф. канд. дисс. М., 1971.
9. Божович Л.И., Славина Л.С., Ендовицкая Т.В. Опыт экспериментального изучения произвольного поведения / Вопросы психологии, №4, 1976.
10. Брушлинский А.В. Психология мышления и кибернетики. М., 1970.
11. Клыков Ю.И., Пушкин В.Н.. Семантический язык и проблема моделирования целеполагания в мышлении человека. М., 1975.
12. Корнилова Т.Б. Целеобразование при решении задач в диалоге с ЭВМ. Автореф. канд. дисс. М., 1975.
13. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
14. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
15. Маркова А.К. (ред.) Формирование интереса к учению школьников. М., 1986.
16. Маркова А.К., Матис Т.А., Орлов А.Б. Формирование мотивации учения. М., 1990.
17. Маркова А.К. Психология труда учителя. М., 1993.
18. Пушкин В.Н. Некоторые проблемы современной психологии мышления. М., 1971.
19. Славина Л.С. Роль поставленной перед ребенком цели как мотив деятельности // Изучение мотивации детей и подростков. М., 1972.
20. Тихомиров О.К. Структура мыслительной деятельности. М., 1969.
21. Тихомиров О.К. Психология мышления. М., 1984.
22. Харламенкова Н.Е. Влияние когнитивного стиля и социальных установок личности на особенности целеполагания. Автореф. канд. дисс. М., 1992.
23. Чалкова Е.Г. Основы иноязычной личностно-ориентированной фразеосемантики. – М., 1999.
24. De Charms R. Personal causation training in the schools. J. of App. Soc. Psychol., v.2, 1972.

S.A. Buhtiyarova

PSYCHO-LINGUISTIC AND PHILOSOPHIC ASPECTS OF STUDYING THE PROCESSES OF AIM-SETTING IN CONNECTION WITH THE PROBLEMS OF SUCCESSFULNESS OF FOREIGN-LANGUAGE PEDAGOGICAL PERSONALITY-ORIENTED COMMUNICATION

Abstract. The article “Psycholinguistic and philosophic aspects of the goal-formation research in connection with successful pedagogical personality-oriented communication problems ” is dedicated to the student goal formation teacher influence and thinking and goal-formation process interconnection determining successful personality-oriented pedagogical communication.

Key words: Psycholinguistics, aim-setting, communication and development of aim-setting students and their cogitative activity in dialogue, the dialogue, the lichnostno-focused dialogue, the lichnostno-focused influence of the teacher on the student

УДК 330

Войтов И.В.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ПУТИ ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ В РОССИИ*

Аннотация: В статье выделяются сущностные и содержательные элементы экономической культуры в контексте обеспечения стабильности российского общества. Анализируется состояние современной экономической культуры. Раскрывается необходимость и пути формирования экономической культуры в современной социально-экономических условиях. Определяется культурно-экономическое содержание человека в постиндустриальном информационном обществе.

Ключевые слова: культура, формы культуры, экономическая культура, характеристика экономической культуры как ценности.

В современной отечественной и зарубежной литературе большое внимание уделяется взаимосвязи экономических и культурных аспектов в целом, а также взаимосвязи культуры производства и культуры потребления, культуры руководства и, в частности, культуры трудовой этики. Интерес к экономической культуре является вполне закономерным, так как наша страна выбрала путь развития на базе регулируемых социально-рыночных отношений и, налаживая экономические механизмы и торговые отношения, стремясь к экономическому благу, не уделяет пока должного внимания культурной составляющей ее социально активных представителей.

Любые радикальные и политические перемены сопряжены с изменениями в общественном сознании содержания экономической культуры. За последнее время потребность общества в развитии культуры, ориентированной на демократию и активное участие людей в экономической жизни, значительно возросла. От этих перемен непосредственно зависят материальное благополучие и социальная стабильность российского общества. Экономическая культура органично включена в процессы переустройства общества, поскольку от гражданской зрелости и экономической активности людей зависит осуществление всех реформ. Она выступает конструктивным фактором общественного развития, способом вовлечения в экономическую жизнь различных социальных сил и слоев.

В настоящее время состояние российской экономической культуры характеризуется неопределенностью и противоречивостью. Это обусловлено неоднократными изменениями экономического курса страны, социальной напряженностью и экономическими кризисами, произошедшими за последние двадцать лет. На данном этапе мы вновь ощущаем нестабильность государственной экономики, что детерминировано мировым финансовым кризисом, в который вовлечена наша страна, «взрывами» политического и военного насилия, национальными конфликтами, разрушением прежнего экономического пространства, утратой идеалов и «усталостью» общества.

Экономическая культура — это одна из особых сфер культуры, которая связана с воспроизводством отношений, складывающихся между людьми в процессе и по поводу их хозяйственной деятельности. Данный вид культуры представляет собой своего рода проекцию экономики на сферу культуры, хотя верно и обратное утверждение, согласно которому культура является проекцией на сферу экономики. Экономическая составляющая культуры воздействует на все “культурное поле” конкретного общества (включая науку, искусство, религию), непосредственно отражаясь на тех сферах культуры, которые наиболее тесно связаны с экономической (таковыми являются

* © Войтов И.В.

правовая и политическая культура).

По своей духовной и материальной природе экономическая культура является значимым фактором социальной регуляции. По мнению Т.И. Заславской, экономическая культура представляет собой качество экономических отношений, которые обладают устойчивостью, общественной значимостью, осознанностью и упорядоченностью взаимодействий, адаптивностью к постоянно изменяющимся условиям, определенной вариативностью, субъективной рациональностью. Эти отношения укрепляют организационные и институциональные экономические связи, придают им личностный смысл и творческую продуктивность, актуализируя всю внутреннюю жизнь людей [1].

Тем самым экономическая культура становится неотъемлемым компонентом экономических процессов, поскольку выражает представления и стремления их субъектов, способствует консолидации и совместной деятельности последних. Она выступает важнейшей характеристикой, синтетическим показателем экономического развития всего общества.

Нам представляется, что сущностные свойства экономической культуры проявляются в следующем:

- во-первых, она охватывает те ценности, нормы, потребности и предпочтения, которые возникли из нужд экономики. Это социальные нормы, возникшие из внутренних экономических потребностей, а также обусловленные внешними обстоятельствами;

- во-вторых, основным каналом влияния на экономику является не любое поведение, а прежде всего, экономическое;

- в-третьих, экономическая культура в большей степени ориентирована на управление поведением людей с целью повышения материального благополучия.

Исходя из сущности экономической культуры, можно выделить ее следующие функции:

- мировоззренческая: формирование общего представления об экономике, об экономической деятельности;

- трансляционная: передача из прошлого в настоящее и будущее социальных ценностей, норм, эталонов поведения, сложившихся в сфере производства и распределения в области экономической деятельности;

- селекционная: выбраковывание морально устаревших ценностей, норм, эталонов поведения;

- инновационная: обновление социальных ценностей, норм, эталонов поведения и заимствование их из других прогрессивных культур;

- гуманистическая - формирование активной жизненной позиции человека, духовно-практическое преобразование мира;

- аксиологическая – связь различных ценностей между собой, с социальными и культурными факторами и структурой личности;

- адаптационная – взаимодействие личности или социальной группы с социальной средой;

- стабилизационная т.е. формирование безконфликтного развития общества [2].

В процессе функционирования экономическая культура раскрывает особенности и характерные черты жизни общества. В ней отражаются устойчивые формы экономического сознания, обусловливающие характер и направленность экономических процессов. Она активно влияет на состояние и уровень развития человека, на

формирование его экономических позиций и форм участия в экономической жизни общества, поскольку вырабатывает систему экономических ценностей и основополагающих норм экономического поведения.

Таким образом, сущность экономической культуры следует определить как качественную характеристику исторически обусловленной системы общепринятых форм экономического взаимодействия и регулирующих их правил и норм, отражающую существенные черты экономических отношений и интересы социальных субъектов в виде совокупности духовных и материальных ценностей и моделей поведения.

Как мы уже отмечали, в самом понятии «экономическая культура» содержится указание на наличие двух сторон – экономики и культуры. Данное обстоятельство обусловливает различные интерпретации их соотношения. В разных работах в качестве ведущего элемента обычно выделяется либо экономика, либо культура. Для каждого из указанных толкований есть определенные основания в зависимости от того, в рамках каких дисциплинарных подходов и в каких целях избирается ведущий аспект исследования. Но если самостоятельным предметом исследования становится сама экономическая культура, то, на наш взгляд, предпочтительнее говорить о синтезе данных компонентов и возникновении нового специального образования в рамках общей культуры.

В зарубежной и отечественной литературе существует несколько определений экономической культуры. Это лишний раз свидетельствует о сложности и многогранности рассматриваемого феномена. Вместе с тем, само накопление знаний имеет и положительное значение, поскольку дает возможность представить данное явление более полно и всесторонне.

Существующие определения экономической культуры исходят из разных методологических оснований и представляют различные стороны исследуемого предмета. Традиционный подход сводит экономическую культуру к экономическому сознанию в его устойчивых формах и стереотипах. При этом в качестве определяющих обычно фиксируются различные элементы экономического сознания, такие как экономические ценности, традиции, нормы, ориентации и т.д.

Показательна в этом плане позиция В. Радаева, который особенность экономической культуры видит в том, что она неразрывно связана с человеческой субъективностью, поэтому она выступает не экономическим процессом в его реальном воплощении, а комплексом представлений определенной общности людей об экономике [3]. Автор полагает, что экономическую культуру можно трактовать в качестве ценностно-нормативной системы, ценности которой разделяются большинством членов экономического сообщества. Ценностное содержание экономической культуры выделяется как ведущее и во многих других работах. Но такое понимание, хотя и фиксирует важную характеристику экономической культуры, не может системно отразить ее сложный характер.

Общий же недостаток этих концепций многие критики усматривают в противопоставлении экономического сознания и поведения, а также в выведении последнего за рамки экономической культуры. Если мнения западных экономистов разделились по вопросу о включении различных элементов поведения в экономическую культуру, то в отечественной литературе преобладает расширенный взгляд на единство духовных и практических начал. Устойчивая взаимосвязь между ними рассматривается как определяющая черта экономической культуры, благодаря которой последняя обеспечивает воспроизводство экономических отношений. При этом она представляет собой определенный тип устойчивых форм экономического сознания и поведения.

В итоге основные недостатки заключаются в том, что процессы формирования и развития экономической культуры исследуются зачастую фрагментально, нет достаточной комплексности и всеохватности. Остаются за пределами глубокого научного исследования анализ экономической культуры как гаранта стабильности и процветания государства, анализ современного общества как регулятора функционирования и развития экономики, экономической культуры как фактора стабильности современной экономики, общества и культуры современной молодежи. Кроме того, в работах отечественных и зарубежных авторов отсутствует анализ экономической культуры в условиях финансового, политического кризиса, несмотря на то, что кризисные условия тоже могут быть стимулом для развития и формирования экономической культуры. Поэтому существует острая необходимость в глубоком и всестороннем анализе экономической культуры и ее функций на современном этапе.

Формирование и развитие экономической культуры носит противоречивый и волнообразный характер. Это объясняется тем, что данный вид культуры отражает особенности конкретного экономического процесса, тех социальных связей и отношений, которые имеют место в обществе. При изменении этих реалий закономерно меняется и культура. Однако происходит не только прямая корреляция с объективными общественными процессами, но и внутреннее самодвижение экономической культуры, развитие экономических традиций и новаций.

Как социальное явление экономическая культура обладает уникальной способностью к саморегуляции и обновлению. Это происходит в результате адаптации к изменяющимся условиям экономического бытия и модификации ее ценностей и норм в соответствии с новыми потребностями общества. При этом сама культура обладает относительной независимостью и, развиваясь, вызывает глубокие качественные изменения в других областях общественной жизни. В этом плане она выступает определенной совокупностью самостоятельно эволюционирующих элементов. Подобное обстоятельство обусловливается устойчивой внутренней структурой экономической культуры и теми продуктивными свойствами, которыми обладают ее элементы.

Экономические реформы в нашей стране связаны с возникновением и распространением новых экономических ценностей и норм, их укоренением в общественном сознании и поведении. То, что не получает закрепления в культуре, становится причиной разобщения и конфликтов, поскольку воспринимается как фактор дезорганизации общества. Поэтому любые изменения должны сопровождаться соответствующим культурным обеспечением. Культурные перемены предшествуют экономическим, создавая для них почву и мотивацию. Совершенствование экономических отношений предполагает становление нового сознания и поведенческих образцов. Массовое освоение ценностей экономической культуры в нашей стране определяет возможности осуществления необходимых преобразований и готовность к активным экономическим действиям.

В условиях современной постиндустриальной экономики каждый человек выступает в роли потребителя, культурно-экономическое содержание которого, сильно изменилось. Сегодня рынок диктует новые правила игры на его территории и предъявляет новые требования. От экономических агентов требуется новый уровень культуры спроса, культуры потребления и культуры экономических взаимоотношений, словом всей экономической культуры в целом. Основная же задача экономической культуры заключается в том, чтобы соединить в себе, казалось бы, несопоставимые понятия: нравственности и меркантильности, жестких правил конкурентной борьбы и деловой этики активных участников рыночной игры.

Осуществляемые в стране экономические реформы настоятельно требуют приобщения всего населения и прежде всего будущих специалистов, к экономическим знаниям, которые позволяли бы осмысленно воспринимать происходящие в стране события. Формирование нового экономического мышления стало в нынешних условиях социальным заказом общества. Демократизация общества, пересмотр фундаментальных основ общественно-экономического устройства и форм хозяйствования, формирование новой экономической политики настоятельно требуют реформирования всей системы экономического образования. Это предполагает, с одной стороны, выработку ясного представления о закономерностях происходящих изменений в общественном воспроизводстве, приобретение новых базовых экономических знаний; с другой — поиск путей формирования адекватного типа экономического мышления и норм поведения, воплощающих современный уровень экономической культуры.

Научно-технический и социальный прогресс требуют формирования работника нового типа, сочетающего в себе профессионализм и компетентность в избранной сфере деятельности и профессиональную мобильность. С позиции тех социально-экономических преобразований, которые осуществляются в России, речь должна идти о формировании вполне определенной экономической культуры населения. Как сложное социальное явление экономическая культура может рассматриваться в трех аспектах:

- теоретическом, как освоение экономической теории и соответствующих ей научных понятий;

- практическом, как привитие определенных навыков экономического поведения;

- аксио-этическом, как овладение системой ценностей и моральных норм, адекватных той или иной экономической системе.

По мнению М.А.Давыдкиной, в результате такого освоения личность не только приобретает знания, понятия, представления об экономических явлениях, но и усваивает поведенческие стереотипы и нормы, основными ориентирами для которых являются критерии экономического успеха. Этот аспект экономической культуры в наибольшей степени подвержен влиянию исторического момента, он модифицируется вместе с развитием экономической системы [4].

Говоря о путях формирования экономической культуры в нашем обществе, следует выделить несколько направлений этой деятельности: формирование экономической культуры в целом общества; формирование экономической культуры на уровне государства; формирование личностной экономической культуры.

Формирование экономической культуры в общественном сознании представителей российского социума предполагает выработку, прежде всего, соответствующей идеологии, наряду с толерантными, взвешенными подходами в области общественной психологии россиян.

Формирование экономической культуры на государственном уровне коррелируется главным образом с системой образования и имеет принципиальное методологическое значение, поскольку ставит задачу целенаправленного воздействия на поколение молодых людей. Важнейшей предпосылкой достижения экономической подготовленности личности является определение содержания экономического образования и путей его формирования. Постановка и решение этой непростой проблемы связаны в первую очередь с изменением места и роли человека в процессе общественного воспроизводства, с отношением к его конечной цели, реализуемой через целую систему экономических интересов и потребностей, а также с широким

спектром форм их удовлетворения.

По взглядам современных исследователей (Е. Борисов, Ф. Волков, Л. Рябинский, В. Щербина), экономическая культура отражает характер и степень информированности, компетентности, сознательности и активности человека в его повседневной деятельности. Она проявляется в подходе к решению тех или иных экономически значимых жизненных проблем, в умении применять экономические знания на практике [5].

Подчеркивая важность практической составляющей формирования экономической культуры, отметим, что в экономической сфере существуют не явно выраженные невербализованные традиции и знания, т.е. практические знания, ценностные ориентации, образцы, логические схемы, которые передаются от учителя, наставника к ученику, от поколения к поколению. В этой связи известный химик и философ Майкл Полани писал: «То большое количество учебного времени, которое студенты химики, биологи, и медики посвящают практическим занятиям, свидетельствуют о важной роли, которую в этих дисциплинах играет передача знаний и умений. От учителя к ученику» [6]. То есть в самом сердце науки существуют области практического знания, которые вербализованно, через формулировки передать не возможно. Молодые специалисты трудятся вместе с ветеранами труда, перенимают практический опыт знания в области экономики, экономической культуры.

Помимо этого в системе образования важное значение имеет обновление организации, содержания, методологии учебного процесса, составление учебных программ, издание учебников, учебных, методических пособий, отражающих пути формирования экономической культуры.

Таким образом, феномен экономической культуры в условиях современного финансового, экономического и политического кризиса требует всестороннего изучения и поиска методов совершенствования путей ее формирования в российском обществе.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1 Факультет экономики МГУ. Кафедра социально-экономических систем и социальной политики. Публикации. 2008. В соавторстве с Заславской Т.И. Бородкин Ф.М. Социальный конфликт сквозь культуру // Мир России. 1999. - №1.
2 Соколова Г.Н. Определение функций Э.К. Социология: Энциклопедия. / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. – Мн.: Книжный Дом, 2003.
3 Радаев В.В. Экономическая социология: Курс лекций.-М.: Аспект Пресс, 1999.-367 с.
4 Давыдкина М.А. Интернет статья http://www.rusnauka.com/NIO/Pedagogica/davydkina%20m.a..doc.htm Смоленский институт экономики Санкт-Петербургской академии управления и экономики (НОУ ВПО), Россия.
5 Вестник народного образования. 1991. №10.С.77.
6 Полани Майкл. Личностное знание. М., 1985. С.89.

Voytov I.V..

ECONOMICAL CULTURE AND THE WAYS OF ITS ESTABLISHMENT IN RUSSIA

Abstract: The article highlights main elements of economical culture and contains the analysis of contemporary economical culture in Russia in the context of ensuring the stability of the society and enriching the cultural and economical meaning of a human in the postindustrial, information society.

Key words: economical culture, economics, culture, postindustrial information society.

УДК 122/129

Дырин А.И.

БЕЗОПАСНОСТЬ? – ТОЛЬКО С РОССИЕЙ![*]

Аннотация: Безопасность России, безопасность других стран – США, стран Европы и других регионов *только* совместными усилиями. На основе *равноправия* и *учета интересов* всех участников процесса. Об этом статья. По форме подачи материала, и по построению содержания она представляет собой доклад, прочитанный автором 18 февраля 2009 г. на научной конференции «Военная безопасность России в условиях глобального кризиса», проведенной в Общественной палате РФ. Замечу также, что последние два листа (страницы текста) являются добавлением, которое в докладе было, но из-за недостатка времени, публично озвучено не было.

Ключевые слова: безопасность; безопасность России, Запада, США; НАТО; мироустройство; миры многополярный, двухполярный и/или однополярный; угрозы и вызовы безопасности.

Уважаемые коллеги! Хороший исследовательский тон – это, как известно, методическая тщательность, нацеленная на фиксацию не вполне изученных проблем, заслуживающих более глубокой тематизации своих сюжетов. Желая следовать этому правилу, в интересах раскрытия и обоснования заявленной темы доклада, приведу несколько основных тезисов с их последующим обоснованием, доказательством, аргументацией.

Первое. По окончании холодной войны на Западе и особенно в США начал стремительно падать интерес к России как к одному из главных субъектов мировой политики. С чем это было связано? Конечно, Российская Федерация – не Советский Союз, игравший действительно ведущую роль в мировых отношениях. Сказалось и продолжает сегодня сказываться динамичное выдвижение коммунистического Китая, которому, понятно, в мире уделяется все возрастающее внимание, нередко и за счет принижения российского фактора, за счет пренебрежения интересами безопасности России. Имеет место и явно невыгодное для России сравнение её нынешнего вклада в мировую экономику с целым рядом других центров силы, других, в том числе и новых, постиндустриальных государств.

Заметим также, что недооценка места и искажение роли России в мире наших дней, несомненно связаны и с тем фактом, что еще живы и даже активно действуют поколения людей, которые были либо вовлечены в конфронтацию западного мира с Советским Союзом, либо решительно впечатлены этой конфронтацией. Этот, по своей сути, психологический фактор приводит к тому, что и нынешние подозрения, а также враждебные чувства в отношении России накладываются на оценки, сформировавшиеся в период холодной войны. Кстати, происходит это и в нашем, российском общественном мнении относительно США и их европейских и иных союзников.

Августовские события (Южная Осетия, Грузия, Россия) прибавили еще больше негативизма со стороны США и Запада в целом в отношении нашей страны. Однако, вместе с тем, и на Западе, и в Соединенных Штатах значительно поубавилось количество тех, кто считал, да и продолжает считать, что Россию можно игнорировать, что с её интересами можно не считаться. Именно об этом хорошо написал один из американских экспертов по России Майкл Спектер (после «юго-осетинского» кризиса): «...закончился тот период, когда США относились к России как к

[*] © Дырин А.И.

Ямайке. Теперь придется воспринимать их (то есть – русских. – *А.Д.*) как взрослых, у которых больше ядерных боеголовок, чем у кого-либо, кроме нас самих».

Это что? Прозрение или хотя бы посыл к нему? Однако неужели такое прозрение могло наступить только в связи с тем, что Россия оказалась вынужденной (и что не менее важно, нет, скорее – это самое главное) и готовой применить силу для защиты своих интересов. И применила её для принуждения Грузии к миру. Впрочем, отмечая это, следует также подчеркнуть: все мы убеждены, что Россия, страна наша, далека от того, чтобы утверждать своё место и значение в мировых делах через конфронтацию с кем бы то ни было. Ошибаются те политики Запада и Востока, Юга и Севера, которые исходят из такого «видения».

Лишь стремление выдать желаемое за действительность, лишь политико-идеологической близорукостью можно объяснить готовность Запада и, прежде всего, – США списать Россию из числа великих держав, недооценивая её потенциал, динамику и перспективы её развития в XXI веке. Ведь даже после распада СССР Россия (РФ) остается самой большой страной в мире по территории. В недрах России находится до 50% всех извлекаемых природных ресурсов планеты. Россия обладает, несомненно, и все ещё высоким интеллектуальным потенциалом. О ядерном оружии и возможностях его доставки к цели можно было бы и не напоминать, ибо по этому фактору доля России соизмерима (да, все ещё соизмерима) с единственной на сегодня супердержавой – США, – родиной, «родителем» финансово-экономического кризиса наших дней.

Всё перечисленное говорит само за себя, как и за то, что Россия может обеспечить свою безопасность. Была бы только в первую очередь такой её *политическая воля*. Поэтому сюда следует добавить ещё и тот *внутренний курс*, которым пошла Россия с начала XXI века. При всех своих сложностях, противоречиях и отдельных просчетах он все же может способствовать высокому месту страны нашей в мировой экономике и международных отношениях.

Второе – это проблема современного мироустройства. Как относятся Россия и США к проблеме нынешнего мироустройства? Ведь это имеет основополагающее значение для понимания принципиального различия их политико-идеологических подходов к современному этапу развития человечества, к безопасности стран и народов, современных цивилизаций.

Исторически мироустройство проявилось лишь в двух своих типах: многополярном (многополюсном) и двухполярном (двухполюсном). Правда, к этому можно добавить ещё и структуру однополярного (однополюсного) мира, однако лишь теоретически. Почему? Да потому, что в реальной жизни однополярного мира никогда не было. Были на этот счет лишь иллюзии, ставились цели, проявлялось стремление к образованию однополярности. Есть все это и сегодня. Но нет объективных предпосылок к образованию однополярного мира, а если они когда-либо и были, то все равно они никогда не воплощались в историческую реальность.

Современный, столь обожаемый Америкой вывод о том, что сложился или, что складывается однополярный мир однозначно опирался и опирается исключительно на представление о победе Запада в холодной войне. Однако эти представления были и являются сегодня далеко не точными в изображении реальной действительности. Ликвидация Советского Союза была вызвана главным образом и прежде всего внутренними причинами – развитием противоречий социально-экономического и политико- идеологического, духовного порядка и субъективными решениями тогдашних глав РСФСР, Украины и Белоруссии. (Ельцин, Кравчук, Шушкевич).

Главным плацдармом развития противоречий стала тогда (начало 90-х годов XX века) – экономика (советская административно-командная система этого периода истории страны оказалась абсолютно неадекватной происходившей в мире революции научно-технической). Именно главным плацдармом, но не единственным. Серьёзный импульс в годы так называемой перестройки получила давно назревавшая демократизация советского общества. Утвердилась долгожданная гласность, происходило раскрепощение людей. Но демократизация сопровождалась и расшатыванием СССР как страны и государства, особенно со стороны сил националистических. Понимание необходимости проведения серьёзных изменений в государственном устройстве СССР, в федерализме в стране присутствовало. Осознание этого было и в руководстве. Но пойти на заключение экономического договора с республиками, отложив на будущее заключение с ними договора политического (когда для этого будет обеспечено единое экономическое пространство) – на это М.С. Горбачев и его ближайшее окружение не пошли.

В реальной истории, коллеги, нередко важную роль играют личностные качества стоящих у руля, в том числе и худшие – двуличие, своекорыстие, властолюбие, обман. Тогдашние лидеры России, Украины и Белоруссии в Беловежской Пуще с необычным для подлинных государственных деятелей легкомыслием (и, как позже стало известно, подбадривая себя неимоверным количеством выпитого) подписали документ о ликвидации СССР, что оказалось полностью неожиданным для страны, для советских людей, для многих других руководителей республик. Во многом и для Запада. Конечно, нельзя сбрасывать со счета нерешительность, а возможно и трусость Горбачева. Ведь если бы он дал команду задержать заговорщиков, это, безусловно, было бы сделано. Впрочем, если не иметь в виду измену Родине, их даже арестовывать было не обязательно, надо было только *принудить* их отказаться от впопыхах составленных документов.

Конечно, если ставить вопрос таким образом, то как быть с фактом доклада тройки заговорщиков Бушу-старшему? Возникает и другой вопрос: как и насколько участвовали в этом процессе иностранные силы? Напрямую – нет, не участвовали. Хотя и в США, и в странах Западной Европы немало было людей, мечтавших о крахе СССР. И не только мечтавших, но и действовавших в этом направлении. Многие государственные и политические деятели Запада действительно стремились к ослаблению Советского Союза, но они все же опасались, что распад страны может привести к хаосу в государстве с ядерным оружием.

Следовательно, то, что распад СССР нельзя отнести к категории его поражения в холодной войне, несомненно, свидетельствует и тот факт, что постсоветсткое пространство не погрузилось после декабря 1991 года в хаос, что ракетно-ядерный потенциал Советского Союза полностью сохранился и был перебазирован (собран) на территории России как признанной правопреемницы ликвидированного государства. Подчеркиваю, преступно, преступным путем ликвидированного государства.

Между тем, именно опираясь на представление об ассиметричности, сложившейся после окончания холодной войны, иными словами, - на ложный вывод о победе в холодной войне США и поражения в ней СССР, - Вашингтон исходил и даже сегодня все ещё стремится исходить из *«неправомерности» равноправия* Соединенных Штатов с Россией в мировых делах. И все же! То, что случилось с Россией уже после распада Советского Союза, действительно, не могло не отодвинуть и отодвинуло Россию с позиции державы мирового класса. А кульминацией этого процесса

стал *дефолт* (удивительно, но об этом никто не пишет, никто не говорит, отчего бы это...), – объявленный 17 августа 1998 года – *односторонний мораторий на выплату долгов по государственным бумагам*!

Впрочем это уже другая специальная тема. Хотя и очень связанная с нашей темой. Как и следующие вопросы-проблемы: о деградации России в 90-х годах XX века и вопрос о сомнительности признания США супердержавой этого периода (сегодняшний финансово-экономический кризис этому самое веское свидетельство). Далее, это вопрос о такой объективной реальности XXI века как становление ряда новых мировых политико-экономических центров, центров силы и развитии, углублении процессов многополярности в мировых делах.

Коллеги, все мы знаем, что Генри Киссинджер патриот Америки и беспредельно предан идее главенства США в современном мире. Но это неравнозначно тому, что он может игнорировать существование других центров силы. В своей книге «Нужна ли Америке внешняя политика?» (на русском языке она имеется) Г. Киссинджер пишет, что австралийский социолог Корал Белл «прекрасно выразила стоящую перед Америкой проблему: ей надо осознавать своё превосходство, но при этом вести политику так, будто в мире существует много иных центров силы» (М., 2002, с. 326). Заметим, что словечко «будто» - здесь дань американоцентризму. Однако, будучи реалистом в политике, Киссинджер не может не замечать роста многополярного мироустройства, которое, в этом он уверен, Вашингтону следует учитывать в своей внешней политике. В том числе и поднимающуюся и осознающую свои интересы Россию, новые опасности и вызовы, не игнорируя ничто.

Третье. Это вопрос о проигрыше. Проиграют, скорее всего, все, если российско-американские и, наоборот, – американо-российские отношения покатятся к новой холодной войне. Чтобы этого не произошло, что нужно? Ответов может быть много простых и сложных, разных, реальных и не очень. Но, прежде всего: следует отказаться от набирающей силу риторики обвинений с обеих сторон, да плюс ещё от союзников. Впрочем, вывод этот лежит на поверхности, а если осмысливать ситуацию серьёзно и глубоко, основательно, то, используя здесь оценки и рекомендации одного из виднейших интеллектуалов Америки Френсиса Фукуямы (надеюсь, что американцы знают и признают этого пророка в своем отечестве любимом), заметим, что – как он говорит – внешней политике Соединенных Штатов нужно «...изящно справиться с невыгодным изменением мирового баланса сил и серьезным уменьшением влияния США в мире». Как точно и кратко сказано и даже, действительно, изящно сказано об этом самом «справиться»!

Что же касается собственно американо-российских отношений, то Фукуяма о них написал так: «США никогда не рассматривали двусторонние отношения как политический торг, в котором американцы могли бы отказаться от чего-то им нужного в обмен на уступки России. Мы, американцы, вели себя так, как англичанин из старого анекдота: разговаривая с иностранцем и видя, что его не понимают, англичанин начинает громче повторять свои слова». Сказано это было не очень давно, в начале сентября прошлого года, после августовской войны на Кавказе. Именно с осени 2008 года и стало происходить некоторое усиление внимания США и Запада в целом к России. Конечно, плохо, что началось это лишь после того, как Россия вынуждена была силой защитить свои интересы, а не молчаливо выслушивать всё громче повторяемые в свой адрес ложные слова (как в старом анекдоте, рассказанном Фукуямой).

Все, что нужно России, - это *уважительные, равноправные отношения* с Запа-

дом и США. Те, кто считают, что антиамериканизм (и тем более антизападничество!) генетически заложены в политику России, заблуждаются. В подтверждение этого можно провести не один-два факта. Десятки! Таким фактом, например, является то, что в Афганистане США поддерживали и вооружали воевавших против нас моджахедов. Может ли Россию обвинить кто-либо в том, что она поступает аналогично сегодня в Ираке? Ответ только отрицательный. Фактом является и то, что ещё до ввода советских войск в Афганистан З.Бжезинский советовал президенту США поставить моджахедам «стингеры», вооружить их современным оружием, чтобы СССР, в конце концов, втянулся в Афганистан. Может ли кто-нибудь обвинить сегодня Россию хотя бы в намерениях способствовать тому, чтобы США «втянулись», например, в Иран? Нет. Ответ опять-таки будет отрицательным.

Так в чем же дело? Неужели настолько сильной является инерция восприятия России лишь в качестве наследницы СССР времен конфронтации периода холодной войны? Да, это имеет место, это бесспорно, но главное все-таки в другом. В чем же? В том, что *«век России» не завершился*, как считалось многими в Соединенных Штатах все 90-е годы XX столетия. И вдруг Россия стала подниматься и заявлять о себе как о полноправном игроке на международной арене. Она уже не только уступает и отступает. Но, как минимум, *она уже сосредоточивается*.

Завершая, отметим последние суждения. В американском Белом доме сегодня другой президент и другая администрация. Учтут ли они промахи ушедшей команды? Избавятся ли они от политико-идеологического влияния неоконсерваторов с их навязчивой идеей глобальной гегемонии Америки? Начнут ли они приводить политику США в соответствие с реалиями многополярного мироустройства, при понимании того, что один из его полюсов – Россия, наша с вами Родина? Только время даст ответы. Но именно от этих ответов зависит направление мирового движения на ближайший период.

Не будем, однако, и мы близорукими. Не все зависит даже в ближайшие 10-20 лет от Соединенных Штатов. Не всё! Значительная мера ответственности ложится на плечи других основных игроков на полях мировых истории и времени. Среди них видное место принадлежит России, нашей стране, нашему народу, нашей власти. Именно поэтому безопасность в современном мире возможна и будет она иметь место только с Россией, равноправной Россией как субъектом мировой политики*,

В самом начале своего сообщения я отметил, что хороший исследовательский тон проявиться может лишь тогда, когда проводится методическая тщательность, нацеленная на фиксацию не вполне изученных, недостаточно раскрытых проблем, но на деле заслуживаемых более глубокой, более основательной тематизации сюжетов. К последним – в рамках развертывания в интересах конференции – *безопасность России!* - я хотел бы (явно по аналогии с суждениями В.В. Ильина, которыми он завершает (в форме Послесловия) свою новую, 200 страничную, как всегда интересную и глубокую, но и трудно читаемую книгу о России в сообществе мировых цивилизаций (М.: Кн.Дом Университет, 2008), провести ряд проблемных вопросов «почему», самым тесным образом связанных с развитием российской безопасности. Вот они, эти вопросы, эти «почему»?

- Почему Россия воспринимается Европой (и вообще Западом) как анти-Европа, как «тотально нечто другое» и почему Европа издавна так боится русского европеизма?

* На этом месте время для доклада истекло. Но в публикации автор считает возможным предоставить читателю (в сокращенном виде) и другие положения своего доклада, пусть и не озвученные на конференции в Общественной Палате страны.

- Зачем России становиться Европой и замещается ли это стремление её интеграцией в «общеевропейский дом» и почему органически более богатая Россия цивилизационно систематически от Европы отстает?

- Почему в России до сих пор не обеспечен блок «интереса» и «собственности» (помещик - собственник, но не производитель; крестьянин – производитель, но не собственник, олигарх – собственник, но не производитель, и т.д., в чем заветное единение мотивации с имущественным «владением», «пользованием», «распоряжением»?

- Россия традиционно страна крестьянская, так почему же с самой бесшабашной легкомысленностью в ней допускается изничтожение села, деревни, сельскохозяйственного производства и почему Россия «отработала» особый тип империи «семейного типа», где включенным в неё народам жилось всегда лучше народа русского?

- Почему кризис власти в России оказывается всегда кризисом общесоциальным, почему до сего дня не выработан у нас прозрачный механизм передачи власти, смены политических элит, управленческой преемственности и почему всевозможные институциональные преобразования обрушивают нашу частную жизнь, деформируют нашу повседневность?

- Почему заимствование западных индустриальных технологий не сопровождается у нас заимствованием западных социальных технологий и почему отработка схемы сильной власти оборачивается у нас реализацией схемы репрессивной диктатуры?

- Почему выработка наших ответов на вызовы времени (на тот же сегодняшний мировой, но теперь явно и «наш» финансово-экономический кризис) запаздывает, и в этом смысле, случай России – это что, случай «задержанной цивилизации»?

- Почему в России всегда критична масса бунта, бесправия, произвола и.т.п, и почему строительство «очередной счастливой жизни» у нас идет в согласии не с нашим собственным умом, свободным выбором, а с принуждением, силой, насилием?

Православна ли действительно поликонфесиональная Россия, где, кроме всего прочего, субъектом просвещения выступает не церковь, а государство и есть ли у нас самобытность социальная (общинность, соборность) и/или духовная (софийность; не право, а правда, не договоры как юридически законные документы, а всевозможные «сверхдоговоры»?).

- И, наконец, главное: как все это «работает» или, наоборот, «не работает» на безопасность страны, народа, личности? Ведь ясно каждому в этом зале, что развитие науки о безопасности, и даже проведение философской рефлексии относительно последней никаким предлагаемым списком (да, всегда не полным, не очень ясным и понятным, но я не об этом), что развитие знания списком проблем, не декретируется. Это так! Но все же так или иначе – инспирируется, инициируется. Поэтому потенциально, будущая теория безопасности государства Российского, российской цивилизации и культуры, территории и богатств и т.д. так или иначе обозначенную здесь совокупность тем (проблем, вопросов) она призвана сделать это. Без такого освоения объемный и трезвый, реально-объективный взгляд не только на настоящее и перспективы России как мира, как цивилизации, но даже – на истоки и традиции, на историю этого мира сложиться не может.

Тем более, что с позиций геостратегических (но также державных, географи-

ческих и других объективных факторов!) общество наше переживает не лучшие времена: Россию сегодня выталкивают из Европы, ее обносят «защитным» поясом, от нее требуют льготных поставок сырья и энергоносителей и многое другое. И все это на фоне расширения НАТО на Восток, других политических и военных, военно-политических уступок, угроз и вызовов. Без «холодной войны» Россию превращают в «остров».

Смириться с этим, склонив голову, утратив самость и достоинство, как предлагают некоторые короткие умы (не важно из какого лагеря они!), для нормально мыслящих и патриотически, пророссийски настроенных людей – невозможно. Полагать, что с закрытыми глазами, по чужим лекалам кроить и строить жизнь удобнее, - заблуждение вреднейшее. Так что же нам надо?

Глаза открыть, обозреть настоящее и будущее. Наполниться одухотворяющим сознанием своего призвания позволит патриотично выполненное учение о безопасности России в современно мире, проясняющее, как минимум, 2-3 следующих пункта:

а) Россия без Европы и Европа без России (как и шире – без США, без Востока, они без России) обойтись не могут. Неся общую ответственность за судьбы мира, они *обречены быть вместе* (решая всю совокупность глобальных проблем – от ресурсообеспечения до купирования, до снятия реванша бывших колоний над бывшими метрополиями). В этом смысле любые проекты евразийской изоляционности должны квалифицироваться как несостоятельные, ущербные, порочные.

б) Чем мощнее будет Россия, тем сильнее она станет притягивать периферийные пространства - *как внутренние* (автономии и вообще субъекты Федерации), так и *внешнее* (бывшие советские республики, бывшие страны СЭВ, страны Восточной и Центральной Европы) и т.д. Словом, чем мощнее будет становиться Россия, тем реалистичнее ее органическое восстановление как дееспособной народно-демократической Федерации, например, имперского типа. А почему бы и нет?! Сколько будут нас вновь и вновь заставлять молиться на всё те же чужие лекала?!

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Ильин В.В. Россия в сообществе мировых цивилизаций. – М., 2008. – 200 с. (Послесловие).
2. Киссинджер, Генри. Нужна ли Америке внешняя политика? / Перев. с англ. – М., 2002. – С. 326.
3. Примаков Е.М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. – М., 2009. – С. 5-24, 236-237

A.I. Dyrin

SAFETY? – ONLY WITH RUSSIA!

Abstract: Security of Russia and countries like USA, European countries and some other regions are tightly connected. It is impossible to work towards the peace ignoring needs and interests of Russia – that was the conclusion of the report made at the scientific conference in The Public Chamber of Russian Federation.

Key words: security; security of Russia, West, USA; world order; multi-bi-unipolar world; danger and challenge to the security.

УДК 658.521.23

Ерохин С.В.

КАТЕГОРИИ «ЭСТЕТИЧЕСКОЕ» И «ХУДОЖЕСТВЕННОЕ»: ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОД*

Аннотация: Статья содержит анализ философских категорий «эстетическое» и «художественное» с использованием информационного подхода, осуществляемый параллельно с выявлением сущности информации и ее характеристик. Выдвинуты гипотезы о том, что эстетическое является субъективным свойством информации и определяется ее ценностью, зависящей от целей и тезауруса реципиента, а художественное есть форма представления информации.

Ключевые слова: эстетическое, художественное, информация, информационный подход, ценность, смысл.

Эстетическое рассматривается сегодня как метакатегория, т.е. как самая широкая и фундаментальная категория эстетики [11, 13]. Именно эта категория есть «исходная категория эстетики» [33, 422], которую (эстетику) можно трактовать как «науку о законах эстетического и художественного освоения мира» [11, 15].

В настоящем исследовании мы будем использовать для сущностного анализа категорий эстетическое и художественное информационный подход, базирующийся на признании информационного характера процессов, лежащих в основе практически всех явлений в природе и обществе. Этот подход послужил основой распространения теоретико-информационного метода в искусстве, который положил начало развитию теоретико-информационной и социокоммуникативной эстетик, пытавшихся «проверить алгеброй гармонию», выведя «информационные модели, описывающие искусство и его функционирование целиком и полностью...» [17, 3].

Основания информационной эстетики были заложены в конце 1950-х годов в трудах Бензе, Франка, Моля и др. Вскоре оформились две основные школы – штутгартская (Бензе) и французская (Моль). Представители германской школы опирались на систему исследования феноменологии и центрировали внимание на эстетическом объекта. Представители французской – на неопозитивизм и, соответственно, их внимание было сконцентрировано на эстетическом характере восприятия.

Для представителей обеих школ было характерно разделение информации, которую несет в себе художественное произведение, на семантическую и эстетическую и стремление «построить концепцию эстетической информации на основе ее истолкования как информации о распределении и выборе эстетических знаков и структур, т.е. ограничить анализ областью синтаксического аспекта сообщения» [33, 116-117].

С тех пор на основе информационного подхода пытались определить категорию эстетическое и выделить эстетическую информацию многие специалисты, однако их позиции сводились в основном к двум указанным выше положениям: эстетическом объекта и эстетическом восприятия.

Так, Рыжов связывал эстетическое со сложностью объекта. Он указывал, что «на определенной ступени развития человека формируется и специфическое эмоциональное восприятие упорядоченности, гармоничности объектов в виде чувства

* © Ерохин С.В.

красоты, причем наибольшими эстетическими качествами обладают наиболее сложные объекты – человек, животные, многоплановый пейзаж...» [25, 175]. Мартынов также склонен рассматривать эстетическое как свойство объекта, но обусловленное прежде всего «всеединством мироздания и всеобщей одухотворенностью» [19, 69].

На эстетическое объекта как свойство нести «информационно-совершенствующие» воздействия на информационную структуру человека указывают также Голицын и Петров [8, 199-210]. При этом, однако, авторы отмечают, что в основе указанного свойства может лежать не только «совершенство природных форм», но и характер воздействия социальных факторов.

Некоторые исследователи, напротив, связывают эстетическое с особенностями восприятия информации (см. напр., [9; 10; 17; 26] и др.). Проблеме эстетического восприятия и построению моделей такого восприятия были посвящены многочисленные исследования экспериментальной эстетики (Айзенк, Берлайн, Биркгоф, Веккер, Ганзен, Смитс и др.).

Наиболее известна модель Биркгофа [5], описываемая формулой, устанавливающей отношение порядка и сложности в эстетическом восприятии: M = O / C, где M – мера эстетического восприятия, O – порядок эстетического объекта, C – сложность эстетического объекта. Эта модель соответствует положению о том, что универсальной формой любого эстетического восприятия являются «единство в многообразии», «простота» и «симметрия». С моделью Биркгофа созвучна модель, разработанная Болтянским [7], в соответствии с которой эстетичность объекта определяется степенью изоморфизма между ним и его наглядной моделью.

Обе указанные модели рассматривают эстетическое преимущественно как свойство объекта, хотя и связанное с его восприятием, а именно – со степенью его сложности для целей перцепции: чем меньших усилий требует восприятие объекта, тем больше мера его эстетичности.

С минимумом усилий, необходимых для восприятия объекта также связывает эстетическое академик Р.Х. Шакуров. Согласно выдвинутой им гипотезе, степень эстетичности определяется сложившимися обобщенными образами объектов, т.е. с ростом порядка мера эстетичности также увеличивается. Тем не менее, он отмечает, что эстетичность определяется не только стереотипностью, но также оригинальностью, ассоциативно-эмоциональной и эмоционально-экспрессивной составляющими [30, 81–85].

Г.Айзенк полагает, что красота объективна и инвариантна для всего многообразия объектов. По мнению исследователя она коррелирует со средней, общечеловеческой медианой эстетического вкуса, детерминированного генетически, хотя и с учетом индивидуальных особенностей реципиента, свойств его личности, такими как интро- и экстраверсия, степень нейротизма и т.д. [15]. При этом исследователь не связывает существование определенных индивидуальных различий в эстетических оценках с факторами воздействия социальной среды. Согласно предложенной Айзеком модели, мера эстетического восприятия возрастает как с увеличением порядка, так и с увеличением сложности воспринимаемого объекта: M = O x C.

Рассматривая меру эстетичности художественных произведений, американский психолог искусства и цифровой художник Р. Чханг (R. Chang), напротив ставит ее в зависимость прежде всего не от свойств объекта, а от индивидуальных особенностей автора и реципиента. При этом, среди основных факторов, определяющих степень эстетичности он называет также воздействие социальной среды и целеустановки художника. Более того, он предлагает модель, позволяющую «количественно

определить уровень эстетичности художественного произведения», так называемую «оценку искусства» («Art Appreciation») [35].

Несмотря на то, что предложенная Чхангом формула представляется нам более близкой к адекватному пониманию сущности эстетического, мы не приводим ее здесь, так как она очень громоздка. Более того, ее практическое использование для проведения количественного определения меры (уровня) эстетичности нам представляется весьма затруднительным. Во всяком случае, нам неизвестны работы, в которых исследователь описывает методологию численного определения (или хотя бы численной оценки) входящих в нее параметров (переменных).

В последнее время в научной литературе все чаще можно встретить понятия «эстетическая информация» (напр. [33, 116]) и «художественная информация» (напр. [11, 31]). Форма данных терминов указывает на то, что информация может обладать качественными свойствами эстетичности и художественности. При этом, очевидно предполагается существование информации с противоположными свойствами - т.е. *не*эстетической и *не*художественной.

Однако вопрос о том, взаимосвязаны ли между собой указанные свойства и если взаимосвязаны, то каким образом, остается открытым и осложняется тем, что в современной науке отсутствует ясность с интерпретацией самого термина «информация». Более того, по мнению академика Н.Н. Моисеева, «строгого и достаточно универсального определения информации не только нет, но и быть не может. Это понятие чересчур широко» [24]. Таким образом, выяснить вопрос о сущности категорий эстетическое и художественное на основе информационного подхода нам представляется возможным только параллельно с выявлением сущности информации и ее характеристик.

Наиболее выразительными определениями информации из известных нам, являются суждения, предложенные Норбертом Винером: «информация есть не материя и не энергия, а информация» и Вернером Гиттом: «информация – это духовная величина, а не свойство материи...».

Обширную коллекцию дефиниций термина «информация» собрал И.В. Мелик-Гайказян [21; 22]. Различные определения этого понятия приведены и проанализированы также в монографии Д.С. Чернавского [29], которая содержит достаточно интересные и ценные исследования по вопросу сущности информации, результаты которых мы в дальнейшем будем использовать.

Прежде всего, Чернавский выделяет следующие основные подходы, лежащие в основе различных определений термина «информация» и рассматривающие информацию, как: сведения, сообщения и знания; фактор, повышающий упорядоченность; процесс отражения и/или его содержание; алгоритм; и выбор, соответственно.

Первый подход получил распространение в гуманитарных науках. В качестве примера такого определения можно привести дефиницию, данную Ф.Махлупом: «информация есть знания, переданные кем-то другим или приобретенные путем собственного исследования или изучения» [20]. Чернавский характеризует такого рода определения как тавтологию. Мы полностью разделяем его оценку.

Второй подход наиболее характерен для синергетики как теории самоорганизации, одним из ключевых процессов которой является процесс возникновения «порядка из хаоса», а информация рассматривается как мера порядка, который хаосу противостоит.

Третий подход часто используется в философских дефинициях. В рамках это-

го подхода информация рассматривается как «отражение в сознании людей объективных причинно-следственных связей в окружающем... реальном мире» [4], «отраженное разнообразие» [6], «перекодировка структур» [18], либо как «содержание процессов отражения» [12].

Однако рассмотрение информации как процесса отражения, либо его содержания – лишь один из подходов к философскому осмыслению этого феномена. В силу этого, исследуя онтологический и метонимический смыслы понятия «информация», Ю.Н. Столяров выделяет шесть основных философских концепций, которые занимаются исследованием этой проблемы: негинформисткую, полностью отрицающую существование информации; признающую существование информации только за пределами физического мира; предполагающую существование «чистой» информации; признающую материальную природу информации и рассматривающую информацию как атрибут материи, равнозначный веществу и энергии; панинформистскую, помещающую информацию в основу мироздания; и, наконец, концепцию, рассматривающую информацию как субъективную реальность [27]. Исследования Столярова указывают на сложный и неоднозначный характер трактовки термина информация в рамках современной философской науки.

Четвертый подход широко используется в теории управления. В рамках данного подхода информация рассматривается как явление, которое «определяет свойство рассматриваемого объекта... или алгоритм взаимодействия данного объекта с другим» [34, 77].

И, наконец, пятый подход характерен для теории динамических систем. В рамках данного подхода Генри Кастлер определяет информацию как «случайный и запомненный выбор одного варианта из нескольких возможных и равноправных» [13].

На основании данного определения Чернавский вводит определения понятий «микроинформация» как выбор незапомненный и «макроинформация» как выбор запомненный [29, 13]. При этом он подчеркивает, что во всех информационных процессах используется макроинформация и для простоты предлагает опустить приставку «макро-». Мы согласны с данным предложением, тем более что в нашем исследовании нас также будет интересовать именно макроинформация.

Отметим, что данный подход достаточно близок ко второму (синергетическому) подходу, но имеет и ряд принципиальных отличий, и прежде всего он допускает, что информация не всегда снижает неопределенность и повышает упорядоченность систем.

Помимо указанных Чернавским, можно выделить также и другие подходы, лежащие в основе различных определений термина «информация».

Прежде всего, это смешанные подходы, тем или иным образом совмещающие в себе указанные выше. Примером такого подхода может служить подход Колмогорова [14], рассматривающий информацию одновременно как содержание процесса отражения и как алгоритм, неразрывно связанный с тезаурусом приемника информации. С тезаурусом приемника связан также семантический подход к анализу понятия информации, разработанный Шрейдером [31].

Мы также считаем целесообразным рассматривать информацию в неразрывной связи с тезаурусом ее приемника. Анализируя эту связь, необходимо выделить два аспекта: исходный уровень тезауруса приемника и изменение тезауруса приемника в процессе получения информации. Оба аспекта связаны с понятием ценности информации, что еще раз подтверждает тезис о том, что «в каких бы аспектах не

рассматривалась информация, она характеризуется ценностью и количеством» [34, 82].

Онтологически мы склонны рассматривать информацию как субъективную реальность. Исходя из этого, мы полностью разделяем точку зрения исследователей, отмечающих, что «ценность информации субъективна» [29, 18] и зависит от цели, которую преследует реципиент [29, 17; 34, 92 и др.].

Ценность информации неразрывно связана также с тезаурусом приемника, или как пишет Чернавский, «ценность информации зависит от вероятности достижения цели до получения информации, т.е. от того, какой предварительной (априорной) информацией уже располагает рецептор» [29, 18]. Именно такую «предварительную осведомленность» он называет «тезаурусом».

Таким образом, ценность информации зависит от тезауруса ее реципиента, но после рецепции ценной информации тезаурус приемника непременно повышается.

Развивая взгляды Выготского, Леонтьев отмечает, что искусство, а значит и эстетическое, «в жизни человека выполняет сугубо утилитарную, приспособительную функцию» [17, 40] и «соотносится не с эмоциями, а с личностью, несводимой ни к интеллектуальной, ни к эмоциональной сфере» [17, 15].

Рассматривая категорию эстетическое, Басин и Крутоус выделяют следующие ее основные признаки: отнесенность к чувственной сфере взаимоотношений человека с миром; возвышение над уровнем практической пользы; важность диалектически противоречивой связи в цепи «целостность – внутренняя дифференцированность на элементы»; наличие противопоставлений в онтологической основе (целесообразность–нецелесообразность, совершенство–несовершенство и т.п.); эмоциональный характер эстетических оценок; аксиологическая поляризованность сферы эстетического на явления позитивные и негативные [1, 24]. Более того, в своем исследовании авторы указывают на тесную связь между эстетическим и художественным.

Рассмотрение искусства как информационного процесса позволяет определить категории художественное и эстетическое с информационной точки зрения. Применительно к искусству можно предположить, что субъектом как эстетические будут восприниматься художественные произведения, содержащие для него ценную информацию.

Такая трактовка эстетического позволяет указать на то, что эстетически могут восприниматься не только произведения искусства, но и другие объекты и явления, несущие ценную информацию для реципиента. Это полностью согласуется с положением, что у субъекта «можно сформировать эстетическое отношение к тому, что само по себе не является художественным объектом» [17, 7].

Таким образом, согласно нашей гипотезе, эстетическое является субъективным свойством информации и определяется ее ценностью, зависящей от целей и тезауруса реципиента. Эстетическое свойственно не только художественному, которое есть не более чем форма представления информации. Именно поэтому из художественности произведения также не следует его эстетичность.

Тем не менее, художественное и эстетическое тесно связаны. Эстетическое, определяемое через понятие информации, предполагает наличие в информационном сообщении содержания. А как справедливо отметил Леонтьев, «форма – это всегда форма данного содержания», а «содержание не независимо от формы: воплощаясь в материале конкретного вида искусства, оно приобретает специфические

свойства, обусловленные спецификой именно данного конкретного вида искусства, его изобразительных и выразительных средств и приемов, возможностей и ограничений» [17, 28]. На тесную связь формы и содержания указывали также Бахтин [2, 32], Эйзенштейн [32, 239] и др.

Леонтьев отождествляет понятие «художественная форма» с понятием «эстетическая структура» [17, 29], подчеркивая тем самым, что художественная форма есть структура представления информации.

Используя информационный подход можно также предположить, что степень эстетичности, с которой реципиент оценивает получаемую информацию, определяется отношением количества ценной информации к общему количеству информации в сообщении.

Это полностью согласуется с упомянутыми выше моделями Биркгофа и Болтянского: чем меньше в информационном сообщении содержится неценной информации (информационного шума), тем меньше усилий необходимо затратить реципиенту для обработки такого сообщения (декодирования, выделения ценной информации, сжатия и т.д.).

Художественная же форма является такой формой представления информации, которая позволяет максимизировать это отношение с использованием наиболее эффективного способа - преобразования части неценной информации в ценную, прежде всего за счет представления информации в форме, доступной для реципиентов с таким уровнем тезауруса, который не позволяет им использовать информацию, представленную в других формах, а также за счет изменения целеустановки реципиента.

Первый механизм можно условно проиллюстрировать словами Бенаму-Юэ: «чем более глубоких познаний требует произведение искусства, тем скромнее его успех» [3, 41].

Второй механизм требует дополнительных комментариев. Общество, воздействуя на индивидуумов, формирует и корректирует их целеустановки. Как следствие, «ценность информации эволюционирует: неценная информация становится ценной... и наоборот» [29, 19]. Более того, в результате указанного воздействия, целеустановки многих субъектов в обществе становятся когерентными и поэтому многие субъекты находят эстетическое в одном и том же объекте или явлении.

Это замечает также Д.А. Леонтьев. Используя термин «задача на смысл», он пишет, что смысл, который несет в себе художественное произведение есть «ответ на жизненную «задачу на смысл», стоящую перед художником», но характеризующуюся также «той или иной степенью, тем или иным масштабом общезначимости, актуальности для многих людей» [17, 24]. А.Н. Леонтьев также указывал на существование обобщенных задач на смысл – задач, характерных не только «для отдельной социальной группы, социального слоя, класса...», но и для «исторической ситуации, эпохи, всей истории...» [16, 185].

Именно степенью когерентности целеустановок и близостью тезаурусов индивиидумов в пределах социальной группы объясняется тот замеченный Рыжовым эффект, что «несмотря на наличие общечеловеческих эстетических ценностей, существуют значительные различия между эстетическими критериями различных народов, культур, субкультур» [25, 172].

Д.А. Леонтьев подчеркивает, что именно «решение задач на смысл и трансляция другим смыслов как ответы на жизненные вопросы (а также трансляция самих вопросов) вполне обоснованно рассматривается многими авторами... как основное

содержание процесса художественной коммуникации, и, более того, как основная миссия искусства» [17, 23-24]. При этом он указывает, что за «задачей на смысл» стоят конкретные потребности и ценности, т.е. явления, определяющие целеустановки субъекта.

Таким образом, трансляция смыслов посредством художественных произведений позволяет корректировать и формировать целеустановки индивидуумов. Именно поэтому нередко произведения современного искусства изначально воспринимаются большинством как неэстетические: ведь художники часто эстетическое находят именно там, где большинство находит *не*-эстетическое. Как справедливо заметил Басин, эстетическая установка по отношению к различным объектам у художника формируется раньше, «чем у более прозаичного, трезвомыслящего большинства» [1, 267].

Остается только сожалеть, что в современном обществе в глобальном масштабе все еще усиливается групповая целеустановка, определяемая Э. Фроммом как стремление приобретать собственность, сохранять ее и приумножать [28]. В результате чего цена и инвестиционная привлекательность становятся показателем «эстетичности» художественного произведения и «иерархия стоимости искусства подменяет собой иерархию самого искусства» [3, 75].

Возможности художественной формы по максимизации отношения количества ценной информации к общему количеству информации в сообщении можно проиллюстрировать словами Ю. Мильталера, который писал, что «красота... произведений [искусства] состоит в таком гармоничном единении отдельных частей в целом, что ничто не может быть выпущено, прибавлено или изменено. Но чем доказывается это гармоничное единение? Конечно, только тем, что упущением или изменением каких бы то ни было частей нарушается общее впечатление и вызываются менее приятные, иногда даже прямо неприятные ощущения» [23, 7].

Еще одной особенностью художественной формы представления информации является согласованность скорости и объема передаваемой информации с пропускной способностью нервной системы человека. Как отмечает Франк [36], разрабатывающий рациональную теорию искусства (The Rational Art Theory), перцепция есть завершающий этап процесса обработки данных, в рамках которого можно выделить такие подпроцессы как фильтрация, декодирование, анализ, уплотнение и т.д. При этом большая часть указанного процесса осуществляется в области подсознания. Сознание же получает лишь небольшую часть этих данных, содержащих наиболее важную информацию, но именно в области сознания осуществляется заключительный и самый важный этап восприятия, на котором задействованы уже имеющиеся знания и различные стратегии мышления.

Именно на этом этапе посредством «стимуляции ассоциациями» восстанавливается «содержание краткосрочной и долгосрочной памяти». Он подчеркивает, что «перцепция искусства подчиняется общим закономерностям восприятия» и что «как любая техническая система обработки данных, нервная сеть человека имеет физические ограничения, такие как максимальная скорость передачи данных и максимальная емкость оперативной памяти...». В соответствии с приводимыми им результатами экспериментов, человек способен воспринимать информацию со скоростью не более 16 бит/с, а объем данных, одновременно обрабатываемых сознанием не может превышать 160 бит. Информация о более сложных объектах на этапе обработки данных в подсознании уплотняется до 160 бит с помощью различных методов (вероятностных, аппроксимации и т.д.).

В отношении скорости передачи информации Франк отмечает, что если она меньше 16 бит/с, то реципиент находит такую информацию «скучной» и пытается найти более продуктивный источник информации; если больше, то «раздражающим» и тогда он попытается задействовать все возможные механизмы «сжатия» информации, однако если эта попытка оказывается неудачной, покидает информационный поток. «И только вблизи значения 16 бит/с информация вызывает у реципиента устойчивый интерес. Это дает нам объяснение эмоционального воздействия произведений искусства...».

Франк пишет, что «человек может случайно оказаться в информационном потоке, параметры которого хорошо согласуются с возможностями его системы обработки данных. Такие объекты и стимулы как бы специально созданы для восприятия», но возможно также целенаправленно привести параметры информационного потока к тем значениям, когда система обработки данных реципиента «сама настраивается на прием информации. Именно такие параметры свойственны информационным потокам произведений искусства..., которые структурированы таким образом, чтобы обеспечить успешный процесс восприятия, вызвать интерес и стимулировать соответствующую эмоциональность процесса перцепции».

Таким образом, рассмотрение искусства как информационного процесса позволяет внести ясность в сущность категорий эстетическое и художественное, сформулировав в качестве гипотез следующие положения: эстетическое является субъективным свойством информации и определяется ее ценностью, зависящей от целей и тезауруса реципиента; ни один объект не обладает свойством эстетического, но только информация о нем; художественное есть форма представления информации; эстетическое и художественное не взаимообусловлены, но тесно связаны между собой.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Басин Е.Я., Крутоус В.П. Философская эстетика и психология искусства. – М.: Гардарики, 2007. – 287 с.
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975.
3. Бенаму-Юэ Ж. Цена искусства. – М.: АРТМЕДИА ГРУПП, 2008. – 158 с.
4. Берг А.И., Черняк Ю.И. Информация и управление. – М.: Экономика, 1966.
5. Биркгоф Г. Математика и психология. – М., 1977.
6. Бирюков Б.В. Кибернетика и методолгия науки. – М.: Наука, 1974. – 416 с.
7. Болтянский В.Г. Математическая культура и эстетика // Математика в школе. – 1982. – № 2. – С.40 – 43.
8. Голицын Г.А., Петров В.М. Информация. Поведение. Язык. Творчество. – Изд. 2-е. - М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 224 с.
9. Дамадян Г. Проблемы исследования эстетических оценок в социологии искусства. // Вопросы социологии искусства. – М.: Наука, 1979. – С. 79 – 103.
10. Дондурей Д.Б. Эстетическая оценка как интегральный показатель отношения к художественному объекту // Социология культуры. Проблема социальных показателей развития культуры: Труды НИИ Культуры. – Вып. 108. – М., 1982. – С. 107 – 121.
11. Дружинин В.Ф. Эстетика: курс лекций. – Изд. 2-е, перераб. и дополн. – М.: МГОУ, 2006. – 134 с.
12. Елчанинова О.В. Роль социальной информации и математических методов в выработке управленческих решений. // Научное управление обществом. – Вып. 3. – М., 1969.
13. Кастлер Г. Возникновение биологической организации. – М.: Мир, 1967.
14. Колмогоров А.Н. Три подхода к определению понятия «количество информации» // Проблемы передачи информации. – 1965. – Т.1. – № 1. – С. 3 – 11.
15. Крупник Е.П. Психологическое воздействие искусства. – М.: Издательство «Институт психологии РАН», 1999. – 240 с.
16. Леонтьев А.Н. О психологической функции искусства (гипотеза). // Художественное творчество и психология / Под. ред. А.Я.Зися, М.Г.Ярошевского. – М.: Наука, 1991. – С.184 – 187.

17. Леонтьев Д.А. Введение в психологию искусства. – М.: Изд-во Московского университета, 1998. – 111 с.
18. Мазур М. Качественная теория информации. – М.: Мир, 1974.
19. Мартынов В.Ф. Эстетика. – Минск: ТетраСистемс, 2003. – 336 с.
20. Махлуп Ф. Производство и распространение знаний в США / пер. с англ. – М.: Прогресс, 1966.
21. Мелик-Гайказян И.В. Информационные процессы и реальность. – М.: Наука – Физматлит, 1977.
22. Мелик-Гайказян И.В. Информация и самоорганизация. – Томск: Изд-во Томского Политех. Ун-та, 1995.
23. Мильталер Ю. Что такое красота? Введение в эстетику. – пер. с нем. – Изд. 2-е. – М.: КомКнига, 2007. – 120 с.
24. Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. – М.: АГРАФ, 1998. – 480 с.
25. Рыжов В.П. Информационные процессы самоорганизации в искусстве // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – с. 156 – 182.
26. Стафецкая М.П. Художественная культура и проблемы потребления искусства // Вопросы социального функционирования художественной культуры. – М.: Наука, 1984. – С. 86 – 109.
27. Столяров Ю.Н. Онтологический и метонимический смыслы понятия информация. – (http://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea2001/tom/sec4/Doc3.HTML).
28. Фромм, Э. «Иметь» или «быть». – М: АСТ, 2006. – 320с.
29. Чернавский Д.С. Синергетика и информация (динамическая теория информации). – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 288 с.
30. Шакуров Р.Х. Эмоция. Личность. Деятельность. (Механизмы психодинамики). – Казань: Центр инновационных технологий, 2001. – 180 с.
31. Шрейдер Ю.А. О семантических аспектах теории информации // Теоретические проблемы информатики. – М., 1968.
32. Эйзенштейн С.М. Чет-нечет. Раздвоение Единого // Восток-Запад: Исследования. Переводы. Публикации. – М.: Наука, 1988. – С. 234 – 278.
33. Эстетика. Словарь. / под. общ. ред. А.А. Беляева и др. – М.: Политиздат, 1989. – 447 с.
34. Юркевич Е.В. Введение в теорию информационных систем. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ООО «Группа ИДТ», 2007. – 272 с.
35. Chang R. Model of Aesthetics and Transformative Philosophy. – (http://www.lastplace.com/aestheticmodel.htm).
36. Franke, H.W. Kybernetische Ästhetik – Phänomen Kunst. – München: Ernst Reinhardt Verlag, 1979.

S.V. Yerohin

CATEGORIES “ESTHETIC” AND “ARTISTIC”: INFORMATIONAL APPROACH

Abstract: The article contains the analysis of philosophical categories aesthetic and artistic with the help of the information method parallel with discovery of the essence of category information and its features. Hypothesises that aesthetic is a subjective characteristic of information and is defined by its value, hanging from purposes and thesaurus of recipient and artistic is a form of the presentation of information are offered.

Key words: Aesthetic, art, the information, the information approach, value, sense.

УДК 323.28

Кафтан В.В.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗОВ ТЕРРОРИЗМА КАК ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА*

Аннотация: В настоящей статье рассматривается проблема выявления различных образов терроризма, которые представляют собой результаты гносеологического осмысления террористических проявлений и способствуют определению сущности данного социального явления.

Ключевые слова: терроризм, террология, образ терроризма, эпистема, симулякр.

Сегодня террористическая опасность для России остается достаточно высокой. В этих условиях становится необходимым становление и развитие междисциплинарной научной дисциплины – **террологии** в качестве социального института, предназначенного для научного осмысления сущности и содержания терроризма, выявления его причин, особенностей его возникновения и проявления, а также для организации научно обоснованной антитеррористической борьбы и минимизации последствий террористической активности.

Одной из ключевых проблем террологии является **определение сущности терроризма** как главного ее предмета исследования. Первая попытка дать определение терроризму была предпринята Лигой Наций еще в 1937 году. Однако добиться однозначного и ясного определения терроризма не удалось: «терроризм – все криминальные акты, направленные непосредственно против Государства, с целью или расчетом создать положение террора в душах обычных людей или групп людей, или общества в целом». Очевидно, что под данную дефиницию не подходит целый ряд современных манифестаций терроризма. Дальнейшие такого рода действия международного сообщества также не увенчались успехом. Подобная неясность – полагает Б. Хоффман, – поддерживается отчасти СМИ, чьи попытки передать зачастую сложную и запутанную информацию при наименьших затратах эфирного времени и печатного пространства привели к беспорядочному клеймению словом терроризм проявления насилия самого широкого спектра [1, 5].

Другое серьезное препятствие к однозначному толкованию терроризма состоит в имеющихся в его оценке «двойных стандартов». Так, в зависимости от того, кто и против кого использует насилие, терроризм обычно подразделяется политиками на полезный, направленный на противников и вредный, деструктивный, направленный против нас нашими врагами. На самом деле нет и не может быть «хорошего» или «плохого» терроризма, это лишь наши субъективные оценки, вносящие путаницу в понимание действительности. В. Устинов, бывший Генеральный прокурор РФ, полагает, что террорист одновременно для одних людей является преступником, убийцей, для других – борцом за свободу [2, 12]. Терроризм – политически нейтральный инструмент, и оценку он приобретает в зависимости от того, кто им пользуется, кто его направляет и кто оценивает.

Терроризм чрезвычайно многообразное явление, именно в этом заключаются трудность его однозначного определения. Так, по мнению А. Шмита, которое он приводит в своей книге «Политический терроризм: новый справочник по исполнителям, авторам, понятиям, базам данных, теориям и литературе» таких определений

* © Кафтан В.В.

существует более ста и эксперты из разных стран мира по данному вопросу никак не могут прийти к единой точке зрения: «поиск точного определения термина по-прежнему продолжается» [3, 5].

Терроризм сегодня для одних исследователей представляется единственным преступлением, имеющим собственное философское обоснование; для других – разновидностью социального конфликта; для третьих – методом достижения или удержания власти; для четвертых – новым видом ведения войны; для пятых – особой формой манипулятивного информационного воздействия; для шестых – деструктивным модусом бытия, порожденным современным этапом развития цивилизации и т.д.

В этом смысле представляется необходимым для взвешенного анализа сущности терроризма как социального явления рассмотреть различные *образы терроризма* и интерпретировать полученное знание с целью последующей его интеграции в рамках террологии.

Конструирование своего образа изучаемой реальности исследователем позволяет создавать теоретические модели, увидеть и воспринять мир во всем его многообразии. Еще Платон особо подчеркивал гносеологическую значимость образов. В своем трактате «Государство» в форме диалога между Сократом и Главконом он говорит об образах как об отражении истинных идей, неуловимых и никогда до конца не проясненных тенях, которые проскальзывают в сознании у людей – «узников пещеры», но эти тени, в конце концов, приводят мыслящего человека к осознанию какого-то смысла [4, 517].

Аристотель также считал, что образы активно влияют на прояснение сущности вещей: «Мыслящее мыслит формы в образах, и в какой мере ему в образах проясняется, к чему следует стремиться и чего следует избегать, в такой мере оно приходит в движение и в отсутствие ощущения при наличии этих образов... Иногда с помощью находящихся в душе образов или мыслей ум, словно видя глазами, рассуждает и принимает решения о будущем, исходя из настоящего» [5, 438].

Понятие *образа* чрезвычайно многопланово, оно может обозначать облик, вид, подобие, изображение; живое, наглядное представление о ком или чем-нибудь; художественное отражение идей и чувств в звуке, слове, красках и т.п.; созданный художником или актером характер, тип; порядок, характеризующий свойства, склад, направление чего-нибудь [6, 433].

В разных языках понятие «образ» часто обозначается двумя (и более) словами, так например, в древнегреческом языке – *eikon* (изображение) и *phantasmata* (воображение), в немецком – *Weise* (чувственный образ) и *Gestalt* (мысленная образная конструкция), в английском языке – *image* (картинка) и *pattern* (образец, образ мышления). Это говорит о том, что идеальные познавательные образы можно подразделить на два вида: *чувственно-наглядные*, отражающие внешние, наиболее наглядные стороны изучаемой реальности и *рационально-понятийные* образы, в отвлеченной форме отражающие наиболее общие и существенные стороны, связи и отношения объекта исследования, недоступные органам чувств.

В чем состоит необходимость наличия образов в науке? Философ и культуролог М.Эпштейн полагает, что «в образе неразрывно слиты объективно-познавательное и субъективно-творческое начала <...> Однако в отличие от абстрактного понятия, образ нагляден, <...> сохраняет чувственную целостность и неповторимость» [7, 256]. Т.е. образы выступают посредниками познания, наряду с понятиями, категориями, этическими нормами и т.д.

Создание образов терроризма предполагает его *распредмечивание* – перевод из формы материального бытия, характеризующегося внешними, вещными параметрами в образно-символическую форму для его более глубокой научной интерпретации. Так, М.Столяров считает, что «образ переводит изображаемый им предмет или событие из внешнего мира во внутренний, дает нашей внутренней жизни излиться в предмет, охватить и пережить его изнутри, как часть нашей собственной души» [8, 520].

Вместе с тем практическая антитеррористическая деятельность напротив стремиться к *опредмечиванию* – переводу научных положений, полученных в научной дисциплине террологии когнитивных информационно-смысловых (мыслительных) структур, схем, проектов борьбы с терроризмом в предметный план, материализацию в практической деятельности.

Имеются несколько подходов к сущности образов. Сторонники первого из них, вслед за Г. Гельмгольцем считают, что *образы есть знаки внешних объектов*, их символическая «запись» внешних явлений, «иероглифы», а не воспроизведение их с той или другой степенью сходства [9, 235]. Другая группа философов отдает предпочтение философской позиции В.И.Ленина о субъективном *чувственном образе, который отражает наличную действительность* «существа вещей» [10, 248-249].

Ряд ученых полагают необходимым отметить *диалектическую взаимосвязь между знаково-символической стороной образа и способом отражения им действительности*. Образ имеет символическую природу и в то же время его следует рассматривать как несколько отличный от символа феномен. Так, по мнению С.С. Аверинцева символ есть образ, взятый в аспекте своей знаковости, он есть знак, наделённый всей органичностью и неисчерпаемой многозначностью образа [11, 155-156].

Образ является наиболее адекватным выражением целого, поскольку он сводит отдельные части к обозримому единству. Научная теория часто обращается к изучению и трактовке отдельных фактов, тем самым, утрачивая образное знание целого. Когда внимание исследователя сосредоточено на малых элементах мозаики – из поля зрения исчезает план общего. Образ построен на сходстве, порой скрытом от внешнего взора. Поэтому образ является прототипом и служит некой заменой, способной представить реально существующую вещь.

Опора на образ важна потому, что человеку не всегда очевидны критерии и признаки, по которым он может идентифицировать, найти критерии, которые ему следует использовать в поисках сходства. Образ часто строится на каком-то отдельном свойстве, черте, на отдельном факте. Отсутствующие детали и признаки появляются в образе в результате достраивания, конструирования. А это значит, что, будучи объективным по способу своего происхождения, образ является в то же время некой произвольно создаваемой системой. В условиях многозначности исследуемой реальности, которая часто меняет свои свойства, как это происходит с терроризмом в современных условиях «текучего времени» именно образ позволяет сформировать для ученых наиболее адекватное понимание сущности указанных деструктивных явлений.

Для исследования терроризма особое методологическое значение имеет разработанная М. Фуко эпистемологическая концепция. Фуко ставил перед собой цель «выяснить, исходя из чего стали возможными познания и теории, в соответствии с каким пространством порядка конституировалось знание; на основе какого исторического и в стихии какой позитивности идеи могли появиться, науки – сложиться, опыт – получить отражение в философских системах... то, что должно выявиться

в ходе изложения, это появляющиеся в пространстве знания конфигурации, обусловившие всевозможные формы эмпирического познания...» [12, 25]. Мыслитель вводит понятие ***эпистемы*** (франц. *episteme* – знание) – общее пространство знания, способ фиксации «бытия порядка», скрытая от непосредственного наблюдения сеть отношений между «словами» и «вещами», на основе, которой строятся свойственные той или иной эпохе коды восприятия, практики, познания, порождаются отдельные идеи и концепции, т.е. эпистема выражает образ мыслей, присущий определённой исторической эпохе.

Развивая точку зрения М. Фуко философ Е.А. Кротков предложил понятие ***эпистемологического образа***, как особой модельно-знаковой формы, которая воспроизводит познаваемые вещи (объекты), в единой системе «теория-эксперимент», при этом бытие и свойства вещей не зависят от того, воспринимаются, мыслятся, измеряются ли они кем-либо или нет [13, 123-124]. По мнению историка О.Г. Дуки эпистемологический образ – смысловая единица сознания, в которой фиксируется обобщенное отражение исследуемой действительности, возникающее в результате научно-познавательной деятельности, которое в информационном отношении представляет собой необычайно емкую, многокатегориальную форму репрезентации окружающей действительности [14, 20]. В силу своей крайней абстракции они не имеют однозначного стабильного смыслового значения.

Представляется, что для определения *эволюции научных образов терроризма*, взглядов ученых на природу и характер видоизменения его проявлений в социуме, уместно выявить определенные эпистемы в его познании, сформировавшие отличные друг от друга эпистемологические образы терроризма. Какие же *эпистемы могут быть выделены в исследовании терроризма?*

Революционно-государственная эпистема рассматривает терроризм как инструмент строительства революционного общества, используемый для уничтожения класса угнетателей, создание системы государственного террора (1793-1794 гг.).

Заговорщицко-повстанческая эпистема делает упор в рассмотрении терроризма как средства прихода к власти, конспиративным образом организованного насилия против руководителей государств, политических и общественных деятелей (вторая половина – начало XX в.; 1960-1970-е гг.).

Национально-освободительная эпистема в рассмотрении терроризма означает «узнавание» терроризма как метода для организации национально-освободительного движения, создания независимых государств, устранения «врагов нации» (начало XX в.; 1940-1950-е гг.).

Государственно-репрессивная эпистема выявляет черты терроризма как государственной машины подавления, создание «государства страха» (1930-1940 гг.).

Диверсионно-партизанская эпистема делает упор на уяснении принципов применения терроризма как средства ведения войны, для нанесения разрушительных ударов по жизненноважным объектам противника (со второй половины XX в. по настоящее время).

Религиозно-этническая эпистема делает упор на терроризме как орудии «религиозной» или «этнической» войны (1980-е гг).

Сете-центрическая эпистема выделяет черты негосударственного, хаотического состояния терроризма, его максимально децентрализованный характер (с начала 90-х гг.).

Государственно-симулятивная эпистема сегодня только начинает осмысливать терроризм как скрытый метод манипулятивного воздействия в региональном

и мировом масштабе на геополитические процессы. После теракта 11 сентября 2001 г. США, а также их союзники Великобритания, Испания и Италия предприняли ответные действия против международного терроризма в форме организации военных операций против независимых государств, по их мнению, поддерживающих террористов, – Афганистана и Ирака, что может быть представлено как акции государственного терроризма.

Еще одним важным вопросом является соответствие образа окружающей реальности, *проблема его истинности*.

Б. Д'Эспанья полагает, что истинность может быть присуща лишь реальности, независимой от сознания, мир же образов может обладать (или не обладать) ею лишь в известной степени [15, 26].

Отечественный философ П.А. Флоренский напротив утверждал, что истинность образа зависит от естественности, от приближения ученого к глубинным основам мира, его опоры на жизнепонимание субъекта познания [16, 48-49].

У человека и общества в целом, у науки появляется множество образов реальности, сквозь которые они не могут пробиться к ней самой. Это состояние реальности философия постмодернизма описывает термином **симулякр** (от фр. *simulacres* – симуляция, псевдовещь, копия копии). Ж. Бодрийяр, исследуя проблему симулятивного влияния на общество, полагает, что современный терроризм использует *эксплуатацию образов* в реальном времени, их мгновенное распространение по всему миру. Реальность привносится в образ как примесь страха, как содрогание. Это не только ужасно, это еще и реально. Наш внутренний театр жестокости – единственное, что нам остается, – явление экстраординарное, объединяющее в себе наибольшую зрелищность и максимальный вызов [17].

Сама террористическая угроза в настоящее время является плодом симулятивных конструкций и часто приобретает театральный характер. Одним из таких симулякров ряд исследователей считает так называемый «международный терроризм». Так, по мнению исследователя терроризма Н.Б. Шулевского «Неизвестно, кто и на кого нападает, кому, как и от чего защищаться; сильные становятся уязвимыми, слабые – непобедимыми, победители боятся победы, а побежденные не печалятся поражению; ученые и эксперты действуют как слепые, а незнающие действуют как одержимые мудростью» [18, 6].

Наибольший интерес для исследования представляет анализ визуальных образов террористических проявлений и особенностей формирования образа террориста в качестве врага. Визуальные образы представляют собой разновидность чувственных образов, которые наиболее часто находят областью своего применения искусство. С.Н. Булгаков считал, что в «искусстве происходит иконизация вещей, т.е. их визуализация, которая корениться не в субъективно-антропоморфическом приспособлении их к немощи человеческого восприятия, но в объективном антропокосмическом основании мира, в тех его софийных первообразах, согласно которым созданный Премудростью мир и существует» [19, 64].

Примером визуализации образов в качестве повода к усилению террористической активности, созданию «мифа о террористической угрозе» может служить межкультурный конфликт между исламской и европейской культурной традицией, вспыхнувший в конце 2005 г. и охвативший практически все страны Европы и мусульманского Востока. Он получил название «карикатурной войны» и разразился после публикации датской газетой «Jyllands-Posten» 30 сентября 2005 года 12 карикатур К. Вестергаарда на пророка Мухаммеда.

Министерства иностранных дел 11 исламских государств потребовали от датского правительства извинений за публикацию. За дипломатическими протестами последовал бойкот датских товаров. Афганское движение «Талибан» предложило награду в 100 кг золота тому, кто убьёт авторов карикатур на пророка Мухаммеда. Иранская газета «Хамшахри» объявила о проведении конкурса карикатур на тему Холокоста под девизом «Где предел свободы слова на Западе?». Премьер-министр Дании А.Расмуссен разъяснил позицию властей: «Датское правительство не может извиняться за действия свободной и независимой газеты... Принцип свободы слова для нас самый важный из принципов». Между тем дьякон А. Кураев полагает, что эта акция является провокацией, испуг «оскалом мусульманского фундаментализма» [20].

О широких возможностях воздействия визуального образа на массы говорил еще В.И. Ленин. По воспоминаниям А. В. Луначарского в беседе с ним в феврале 1922 года В. И. Ленин сказал: «... Вы должны твердо помнить, что из всех искусств для нас важнейшим является кино» [21, 579]. Визуализация образа терроризма в кино можно рассмотреть на примере растиражированного средствами массовой коммуникации короткометражного фильма «Фитна» (араб. – Смута, гражданская война) нидерландского политика Г. Вилдерса, размещённого в интернете на портале LiveLeak 27 марта 2008 года на голландском и английском языках. В фильме приводится фрагмент одной из сур Корана, затем дается иллюстрация того, как эта сура «воплощается в жизнь» исламскими государствами и организациями (теракты в Нью-Йорке и Вашингтоне 11.09.2001, Мадриде 11.03.2004 и Лондоне 7.07.2005). Автор охарактеризовал свой фильм следующим образом: «Я не верю в умеренный ислам. Может быть, он и станет умеренным, но это произойдёт через несколько тысяч лет. А мы не можем столько ждать – на наших часах, как говорят в Голландии, уже без пяти двенадцать! Мой фильм рассказывает о том, что в Коране есть тексты, призывающие людей совершать самые страшные деяния. «Фитна» – последнее предупреждение Западу. Битва за свободу только началась».

В апреле 2008 г. на форуме Al-Ekhlaas был выложен новый видеоролик, в тексте, сопровождающем фильм, говорится, что он является «ответом на фильм “Фитна”, сделанный ненавидящим крестоносцем Вилдерсом». Видеоряд фильма составлен из документальных кадров американских бомбардировок и искалеченных трупов мирных жителей, убитых солдатами США и Израиля в Афганистане, Ираке, Вьетнаме и Палестине, а также марширующих американских солдат. Очевидно, что террористическая напряженность в мире после обмена такого рода «продуктами культуры» существенно возросла.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, образы терроризма представляют собой результаты гносеологического осмысления террористических проявлений различными научными программами, предлагающими свои концептуальные и методологические подходы к исследуемой реальности, которые не сводимы друг к другу, но в то же время, ориентируясь на принцип комплементарности, являются взаимодополняющими.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Хоффман Б. Терроризм – взгляд изнутри. – М.: Ультра.Культура, 2003.
2. Устинов В.В. Обвиняется терроризм. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
3. Schmid A. Political Terrorism: A New Guide to Actors, Authors, Concepts, Data Bases, Theories and Literature. – New Brunswick: Transaction Book, 1998.
4. Платон. Государство // Соч.: В 4-х т. – М.: Мысль, 1994. Т. 3.

5. Аристотель // Соч.: В 4-х т. – М.: Мысль, 1975. Т. 1.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1990.
7. Эпштейн М.Н. Образ художественный // Литературный энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1987.
8. Столяров М. Образ // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. / Под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина и др. – М.; Л.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. Т. 1.
9. Гельмгольц Г. Физиологическая оптика // Сочинения. – СПб., 1895.
10. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии // ПСС. Т.18. – М. Из-во политической литературы, 1968.
11. Аверинцев С.С. Символ. София-Логос. – К.: Дух і Літера, 2001.
12. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб.: A-cad, 1994.
13. Кротков Е.А. Эпистемологические образы научной истины // Общественные науки и современность. – 1995. – № 6.
14. Дука О.Г. Эпистемологический анализ теорий и концепций исторического процесса с позиций вероятностно-смыслового подхода: Автореф. дис. ...д-ра истор. наук. – Екатеринбург, 2001.
15. Мамчур Е. А. Образы науки в современной культуре. – М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2008.
16. Флоренский П.А. Обратная перспектива // Флоренский П.А. Соч. в 4-х т. – М.: Мысль, 1999. Т. 3.
17. Бодрийяр Ж. Дух терроризма // inosmi.ru. – 2001. – 11 июня.
18. Шулевский Н.Б. Метафизика России и терроризм. – М.: Теис, 2004.
19. Булгаков С.Н. Икона и иконопочитание. – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996.
20. Диакон Андрей Кураев: «Карикатурная» война и война культур // Время новостей. – 2006. – №24. – 13 фев.
21. Примечание к «Директивам по киноделу» // Ленин В.И. ПСС. – М.: Политиздат, 1970.

V. Kaftan
Military university, Moscow

INTERPRETATION OF IMAGES OF TERRORISM AS GNOSIOLOGICAL PROBLEM

Abstract: The problem of exposure of different images of terrorism, which are results of gnosiological comprehension of terrorist displays and instrumental in determination of essence of this social phenomenon, is examined in the real article.

Key words: terrorism, terrology, image, episteme, simulacrum.

УДК 008

Кирсанов А.И.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ КРИЗИСА СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ БУДУЩЕГО*

Аннотация: Исследуется смысл общераспространенного тезиса о кризисе современной цивилизации в контексте проблемы будущего глобализирующегося мира. Показана противоречивость современного этапа цивилизационного развития, когда индустриально-развитые страны мира вполне успешно решают те или иные конкретные проблемы в области науки, технологии, экономики, но обостряют такие общецивилизационные глобальные проблемы, как столкновение индустриального человека с природой, противостояние «золотого» и «голодного» миллиарда. Подчеркнута необходимость радикального переосмысления ценностных установок современной цивилизации с учетом опыта не только Запада, но и Востока.

Ключевые слова: современная цивилизация, кризис, глобализация, ценность, общецивилизационные глобальные проблемы, концепт.

Понятие «кризис» часто используется в современной социально-гуманитарной литературе. Когда говорят о кризисе, то речь идет не просто о трансформациях в той или иной сфере деятельности человека или общества, а о принципиальной неразрешимости новых проблем существующими средствами. При этом само явление «кризис» по своей сути амбивалентно. Можно привести многочисленные примеры позитивной роли кризисов, связанных с исчерпанностью эвристических возможностей той или иной парадигмы, приводивших к новым идеям при их преодолении. Достаточно в этой связи напомнить о кризисных процессах в науке в конце XIX и начале XX вв., когда кризис основания науки привел к революции в познании и возникновению неклассической науки.

Более сложным для характеристики как позитивного или негативного является другой тип кризиса, когда, например, говорят о кризисе Европы или кризисе цивилизации и т. п., поскольку концепты «Европа», «цивилизация» не имеют четко очерченного смысла, и с позиций различных мировоззренческих установок, то, что считается кризисным и негативным, может быть истолковано как позитивное явление. Однако и в этом случае имеется определенное смысловое ядро, которое подвергается критике как кризисное. В случае с концептами «Европа» и «цивилизация» речь идет о кризисе базовых ценностей, объединяющих страны Европы в определенную целостность, а различные страны или регионы планеты в цивилизации.

В этом плане особый интерес представляют процессы, которые происходят в современном мире и характеризуются как *кризис современной цивилизации*. Общеизвестно, что о кризисе современной цивилизации писал не только К. Маркс, но и О. Шпенглер в «Закате Европы», Ф. Ницше, поставивший вопрос о необходимости переоценки всех ценностей. Но, если в XIX в. тема кризиса была неожиданной и многими воспринималась резко отрицательно, то в XX и в начале XXI в. трудно найти мыслителя, не ставящего в той или иной форме вопрос о кризисном состоянии современной цивилизации. И для этого имеются основания.

Самым парадоксальным, отражающим глубину и фундаментальность кризиса в той ситуации, которая характеризуется как кризис современной цивилизации, является то, что «внешне», на первый взгляд, современная цивилизация вполне

* © Кирсанов А.И.

благополучна. Более того, она вполне успешно решает те *конкретные проблемы*, с которыми современная цивилизация встречается во многих сферах. Так, успешно развивается экономика, наука, технология. Человечество достигло уникальных результатов в познании макро-, микро- и мегамира. Началась космическая эра человечества. Мир входит в новую информационно-компьютерную эру, которая открывает недоступные в недавнем прошлом перспективы в получении, хранении, трансляции информации. Все это, – а перечисленное лишь небольшая часть достижений человека, – свидетельствует о новом качестве в жизни современного информационного человека.

Однако, – и это не менее важно для понимания характера современной цивилизации, – чем больше развивается экономика и наука, уровень знаний и технологические возможности человека, тем более острыми становятся *общецивилизационные глобальные проблемы*, самым острым из которых является экологическая проблема. Экологическая проблема – результат столкновения индустриальной цивилизации, вооруженной новейшими достижениями науки и технологии, с природой. В основе этой проблемы лежат не отдельные ошибки технологического порядка, а базовые ценности, выработанные в Европе в Новое время и эпоху Просвещения. Новое время и эпоха Просвещения породили науку в ее новоевропейском смысле, которая стала ядром Разума, капитализм, стремящийся сегодня превратить современную цивилизацию в огромное рыночное глобальное сообщество, идею прогресса, ставшую синонимом успешного развития.

Именно в Новое время и эпоху Просвещения европейцы переосмыслили «вечные» религиозные ценности, приспособив их к новым социальным реалиям. Великие потрясения христианства, произошедшие в XI в., были продолжены революционными идеями Лютера и Кальвина, которые настолько рационализировали Бога, что он во многом превратился в теоретическую абстракцию. Гегель следующим образом охарактеризовал революцию в вопросах религии в этот период: «Живой моральный Бог превращается в пустую абстракцию. ... Просвещение полагает, что ставит бога невесть как высоко, называя его бесконечным и считая, что все предикаты не соответствуют его природе и являются неправомерными антропоморфизмами. В действительности же это познание, постигая бога как высшую сущность, обедняет и опустошает его»[1].

Подобная рационализация базовых ценностей религии не только как важнейшего социального института, но и как экзистенциальную и цивилизационную ценность, имела далеко идущие последствия. Во-первых, такой ценностно-мировоззренческий сдвиг разделил не только Европу, но и остальной христианский мир на различные в духовном отношении миры. Во-вторых, подобная рационализация, став основным инструментом самоутверждения определенной части Европы, делает попытку стать общепланетарной цивилизацией. Ситуация при этом специфична тем, что она считает остальные концепции, в которых рациональность не имеет подобного смыслообразующего характера, менее прогрессивными и тем самым отсталыми.

Приведем в этой связи наблюдение русского поэта и дипломата Ф.И. Тютчева: «В течение целых столетий Европейский Запад с полнейшим простодушием верил, что не может быть другой Европы, кроме него. Он мог еще допустить, что существуют кое-какие государства и народы... но чтобы существовала другая Европа, Восточная Европа, законная сестра христианского Запада ... чтобы существовал там целый мир, единый по своему началу, солидарный в своих частях, живущий своей

собственной органической жизнью, – этого допустить было невозможно...»[2].

Мысль об особой роли западной цивилизации в мире отметил и другой классик современной социально-гуманитарной науки А. Тойнби, который обосновывал тезис о том, что «Западная цивилизация имеет своей целью не больше и не меньше, как включение всего человечества в единое общество и контроль над всем, что есть на земле, в воздухе и на воде и к чему можно приложить для пользы дела современную западную технологию»[3]. Английский историк более полувека назад очень точно охарактеризовал основную цель западной цивилизации. Актуальность этой мысли в том, что стратегически подобная установка не изменилась, изменились лишь язык и исполнители.

Сегодня лидером этой идеи выступают США. Но тот факт, что указанная установка остается ядром современной геополитической и геостратегической модели США и тех стран, которые поддерживают США, отмечают и крупные современные политологи, в частности, С. Хантингтон. Американский политолог считает, что «Запад пытается (и впредь будет пытаться) сохранить свое ведущее положение и отстоять собственные интересы, определяя их как интересы «мирового сообщества»[4]. По мнению С. Хантингтона, подобная установка противоречит интересам других стран и аморальна: «Вера в том, что незападные народы должны принять западные ценности, институты и культуру, если говорить всерьез, аморальна по своим последствиям»[5]. Однако архитекторы глобализации не считаются с подобными этическими представлениями. Они преследуют геополитические цели и используют все имеющиеся в их распоряжении ресурсы для защиты своих интересов. Исходя из этого, можно предположить, что и в дальнейшем процесс глобализации будет обсуждаться в парадигме, в которой западная цивилизация будет занимать, если не ведущее, то одно из решающих мест.

Сегодня усилился процесс движения не только «вещей», – различных продуктов человеческой деятельности, – но и людей. Глобализация втягивает в свою орбиту не только все больше стран и народов, но и форм человеческой деятельности. Налаживаются новые связи и контакты сперва на информационно-коммуникативном, а затем и на реальном уровне. При этом активность двусторонняя, поскольку с одной стороны, капитализм нуждается в новых рынках, а с другой, – часть народов третьего мира старается решить свои многочисленные социальные проблемы путем эмиграции в индустриально-развитые страны мира. Такая динамика стала фактом современного глобализирующегося мира.

Цивилизационный опыт Востока и Запада свидетельствует о том, что у каждого из этих социокультурных феноменов имеются свои достоинства и недостатки. Не обсуждая суть этих особенностей, отметим, что если после открытия Востока европейцами, Европа больше «училась» у Востока, то примерно в последнее столетие Восток больше «учится» у Европы. Это наиболее проявляется в области науки и технологии, систем управления и организации, естественно, с учетом специфики своих социокультурных традиций. Уже этот, «лежащий на поверхности», факт свидетельствует о процессах усиливающегося взаимопроникновения Востока и Запада, вопреки широко известной метафоре Р. Киплинга: «Восток есть Восток, Запад есть Запад и им никогда не сойтись».

Вместе с тем, реальные императивы времени, а именно – усиление воздействия на общепланетарные процессы глобальных проблем, актуализирует вопрос о сознательно-направленном учете тех или иных достижений Запада и Востока для более устойчивого глобального будущего. В этой связи представляется, что Запад

может «учиться» более гармоничному отношению на Востоке к природе, тогда как Восток может воспринять у Запада его более уважительное отношение к индивиду, личности, поскольку до сих пор на Востоке нет личности в ее западном смысле. При этом, естественно, речь фактически идет о механическом перенесении западных представлений о личности и прав человека на Восток и, наоборот, восточных трактовок о гармонии на Запад. Но речь скорее должна идти о необходимости «работы» в этом направлении, что позволит ускорить процесс естественной глобализации.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1 Гегель Г.В.Ф. Философия религии. Т. 1. М., 1976. С. 227.
2 Тютчев Ф.И. Россия и Германия // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. М., 1997. С. 109–110.
3 Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М.; СПб., 1995. С. 116.
4 Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка // Новая постиндустриальная волна на западе. М., 1999. С. 536.
5 Хантингтон С. Запад уникален, но не универсален // МЭ и МО. 1997. № 8. С. 90–91.

A.I. Kirsanov

CONCEPTUAL EXPLANATION OF THE CRISES OF CONTEMPORARY CIVILIZATION AND PROBLEMS OF THE FUTURE

Abstract: The article explores the essence of the popular thesis about a crisis of modern civilization cjnsidering the problems of future globalizing world. It shows the contradiction of modern period of civilized development when industrially developed countries of the world successfully solve different problems in many branches of science, technology, economics and at the same they enhance all human global problems such as contradictory relationship between man and nature, contradiction of «gold» and «hungry» billions. The article also stresses the necessity of radical rethinking of accepted values of modern civilization taking info account not only experience of West but also the experience of East.

Key words: Modern civilisation, crisis, globalisation, value, global problems modern civilization, concept.

УДК 327

Кирсанов А.И.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ С ОСТАЛЬНЫМ МИРОМ*

Аннотация: Показано, что процесс глобализации будучи сложным и многомерным явлением, не может быть подчинен интересам какой-то одной страны, например, США. Подобная геостратегическая установка может в дальнейшем привести к противостоянию не только США и третьего мира, но и США и Западной Европы. Подчеркивается, что абсолютизация капиталистической рыночной системы, основанной на жажде наживы, усиливает нестабильность в мире и противоречит интересам большинства стран мира. Отмечено, что попытки любым образом установить новый мировой порядок во главе с США приближают возможность «столкновения цивилизаций».

Ключевые слова: глобализация как вестернизация, западная цивилизация, иные современные цивилизации, столкновение цивилизаций.

Конец XX в. стал концом биполярного мира. Миропорядок, который сложился после Второй мировой войны, уходивший своими корнями к началу века, перестал существовать. Актуализировался вопрос о новом миропорядке, отражающем новую геополитическую ситуацию в мире. Западная цивилизация и такое ее порождение, как капитализм, победив в «холодной войне», стала претендовать на роль глобального лидера и формирование однополярного мира. Основаниями такой претензии были, во-первых, отмеченная выше победа индустриально-развитых стран Запада во главе с США в противостоянии с социализмом, и, во-вторых, тот факт, что «с начала промышленной революции, когда успехом стали считать повышение материального уровня жизни, не удалась никакая другая экономическая система, кроме капитализма. Никто не знает, как устроить успешную экономику на других основах...»[1]. И поскольку капитализм стал господствующей формационной системой, и он получил наибольшее развитие в индустриально-развитых странах Западной Европы и Америки, то это послужило рациональным основанием формирования концепции *глобализации как вестернизации.*

Однако, ряд известных политиков, социологов и других представителей социально-гуманитарных наук стали отстаивать тезис о глобализации как американизации, доказывая, что контуры нового глобального миропорядка должны определяться лидером западного мира, а именно США. Приведем в подтверждение подобной точки зрения цитату из книги американского политика Патрика Дж. Бьюкенена «Смерть Запада»: «Согласно Первой поправке, люди имеют право на свободу вероисповедания, однако, в высшей степени нелепо делать отсюда вывод, что все веры и религии равноправны. Цивилизации тоже неравноправны. Запад подарил миру лучшее из того, что когда-либо сформулировано и придумано. Западная цивилизация и западная культура превосходят все остальное... Американцы составляют 4 процента мирового населения и обладают 30 процентами мировой экономической и военной мощи; им попросту не пристало рассуждать о равноправии наций и государств»[2]. Такую позицию отстаивает и бывший премьер-министр Великобритании М. Тэтчер: «Единственным заслуживающим доверия внешним миротворцем являются Соединенные штаты, а не ООН или Европейский союз»[3].

Тем самым открывается новый этап мировой истории, связанный с борьбой

* © Кирсанов А.И.

за мировое господство, в котором интересы Западной Европы и США не совпадают по целому ряду ключевых вопросов.

Вот почему при анализе глобальных трансформаций современного общества необходимо учитывать, во-первых, те изменения, которые происходят внутри капитализма под влиянием множества факторов и в первую очередь под влиянием информационно-технологической революции в мире, и, во-вторых, борьбу внутри капитализма и попытка американской модели капитализма стать нормой, эталоном капиталистических отношений. Не входя в детали этой сложной проблемы, поскольку подобный анализ потребует сравнения британского, рейнского, французского, американского, латиноамериканского и т. д. типов капитализма, что представляет самостоятельную задачу, отметим, что именно некоторые особенности американского капитализма вызывают критику со стороны многих исследователей, изучающих динамику капитализма.

Любопытна в этой связи оценка американского бизнеса известным отечественным писателем Василием Павловичем Аксеновым, прожившим несколько десятилетий в США: «Я не люблю американского бизнеса; я никогда в него не входил, но со стороны наблюдал. Он довольно бесчеловечен. Он не считается ни с какими канонами дружбы, приличий. Там и одного дня не думают, если решать выгнать человека откуда-нибудь»[4]. И это не случайно, поскольку капитализм «держится на двух китах – эгоизме и жажде наживы»[5]. При этом «хотя капитализм предписывает избегать насилия, он в принципе не запрещает лгать, мошенничать, заниматься надувательством, входить в сговор, искажать информацию, манипулировать ценами, вести себя грубо или душить конкурентов. И в любом случае главный мотив капиталиста – нескончаемая жажда наживы»[6].

И хотя Джон Мюллер пытается доказать, что репутация честного человека не менее выгодна, но реальная практика показывает широкое распространение других нечестных методов получения прибыли, «утоления» жажды наживы. Показателен вывод, к которому приходит Дж. Мюллер, рассматривая роль государства в смягчении недостатков капитализма: «Хотя государство способно до некоторой степени смягчить культурные и социальные недостатки капитализма, в конечном счете, с ними нужно просто смириться. ... Вульгарная культура, неравенство и очевидная несправедливость в распределении богатства временами очень неприятны и даже отталкивающи, но они неизбежны – без этого капитализма не бывает»[7].

В целом не вызывает сомнения, что причина углубляющегося кризиса современной цивилизации – в абсолютизации рыночного капитализма, стремлении превратить рыночный капитализм в глобальное рыночное общество. Как отметили М. Хардт и А. Негри в монографическом исследовании «Империя», «сегодня почти все человечество в определенной степени поглощено сетями капиталистической эксплуатации или подчинения им»[8]. При этом глобальность капитализма не означает его однородность, поскольку капитализм, будучи органически связанным с рынком, в условиях глобальности проявляет себя, свою сущность в более «чистом» виде, чем в недавнем прошлом, когда он противостоял социализму. Сегодняшний капитализм более жесткий и беспощадный, чем капитализм эпохи биполярности.

Это обстоятельство специально отмечено в цитированной выше монографии М. Хердта и А. Негри: «В настоящее время мы видим более глубокую, чем когда-либо, пропасть между незначительным меньшинством, контролирующим огромные богатства, и массами, живущими в нищете на грани полного бессилия»[9]. При этом принципиально важен для оценки происходящих процессов тот факт, что с расширением пространства глобализации отмеченная пропасть растет. Именно это обстоятельство – одно из свидетельств опасности превращения капитализма в его

нынешней форме в ядро той единой цивилизации, к которой должно в перспективе стремиться современное общество. Разумеется, последнее не означает, что необходимо всеми средствами бороться с глобализацией.

Глобализация – сложный, многомерный социокультурный феномен, который нельзя оценить только как позитивное или только как негативное явление[10]. В этом феномене имеются как естественные элементы, которые способствуют дальнейшему развитию человека и общества, так и искусственные элементы, отражающие характер целевых установок тех стран, которые пытаются придать процессу глобализации ту форму, которая выгодна им. Вот почему при анализе динамики глобальных трансформаций следует считаться, во-первых, с неравномерностью этой трансформации в различных сферах – экономической, военной, политической, культурной и т. д., и во-вторых, с тем фактом, что на характер глобальных трансформаций во всех этих сферах сказывается ментальность людей, уровень образования, географическое положение страны и т. д. и т. п.

Все это делает глобализационные процессы сверхсложными, нелинейными и открытыми для влияния как внешних, так и внутренних факторов. Последний тезис предполагает учет и того, что в XX в. изменились субъект и объект истории. Изменяется характер труда, что, впрочем, не означает того, что пролетариат перестал существовать. Меняется характер экономики, но экономика остается решающим сегментом общественной жизни. Все это, – а ими не исчерпывается характер трансформаций, – приводит к необходимости переоценки базовых ценностей капитализма, учета новых реалий, выхода на историческую арену новых мировых держав.

Между тем, индустриально-развитые страны зачастую не хотят считаться с новыми реалиями, возникают даже концепции «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона. В этой связи показательна для умонастроения определенной и влиятельной части политической элиты западного мира трактовка М. Тютчер динамики современных глобальных процессов: «...события в мире после окончания «холодной войны» развиваются скорее в соответствии с тезисом Самьюэла Хантингтона из «Столкновения цивилизаций», где противостоящие религии и культуры борются за господство, а не с прогнозом Франсиса Фукуямы из «Конца истории», где демократия неизбежно одерживает глобальную победу»[11].

События в мире после выхода работы М. Тэтчер свидетельствуют о справедливости ее оценки. Действительно, многие проблемы, с которыми сталкиваются те или иные народы, не решаются или они решаются силой вопреки международному праву и мнению народов. Источником возрастания опасности столкновения цивилизации выступает политика индустриально-развитых стран Запада, особенно США, которые стремятся сформировать новый миропорядок, не считаясь с ООН и Советом безопасности, что увеличивает международную напряженность и порождает новые конфликты. При этом политики, представляющие интересы индустриально-развитых стран мира, не считаются с тем, что локальные конфликты могут перерасти в глобальные с непредсказуемыми последствиями. Между тем, как справедливо отметил Г. Померанц, «Мы впервые в XX в.отчетливо осознали, что производительные силы – суть одновременно разрушительные силы. Поэтому известный уровень производительных сил, превратившихся в силы войны, уже несовместим с продолжением человеческой истории, – без решительного отказа от войны между великими державами. И в этом, наверное, одна из основных черт современного кризиса»[12].

Недооценка этого обстоятельства свидетельствует о том, что западная индустриальная и постиндустриальная цивилизация, будучи в вопросах науки, технологии, экономики инновационно ориентированной, в вопросах политики и международных отношений выступает с консервативно-традиционных позиций, пытаясь навязать миру с помощью силы свои интересы. Именно из-за этого дискуссии по тем

или иным геостратегическим и геополитическим вопросам глобализации протекают не в режиме диалога, когда стороны готовы выслушать оппонентов и с чем-то согласиться, а в *режиме императивного требования с заранее заданным результатом*. Основная причина этого – в позиции США, которая из-за самонадеянности, опирающейся на силу, стремится создать новый миропорядок, отвечающий только их национальным интересам.

В этой связи трудно не согласиться с известным американским ученым и мыслителем Н. Хомским в том, что сегодня в ведущих странах капиталистического мира Европы и Америки «власть полностью сосредоточена наверху и направлена вниз, и нечего возразить по этому поводу, можно к ней приспособиться, но ничего нельзя с ней поделать. *Таков корпоративный капитализм*. Эта система абсолютистской, неподконтрольной власти, которая не имеет морального оправдания и оказывает возможные негативные воздействия на все аспекты жизни – от культурных до социальных»[13]. Подобная власть существует и функционирует по своим собственным законам. Она может не считаться с общественными проблемами или считаться с ними по своему усмотрению. В такой структуре власти главные решения принимаются представителями банковских учреждений и финансовых корпораций без участия людей труда. Глобализация подобной модели принятия властных решений освобождает власть как структуру от любых обязательств перед обществом. Результат такой парадигмальной установки известен – системный кризис современной цивилизации и возрастание опасности столкновения цивилизации. Отсюда необходимость поиска новых моделей цивилизационного развития.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1 Туроу Л. Будущее капитализма. Какие сегодняшние экономические силы формируют завтрашний день. Новосибирск, 1999. С. 9.
2 Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада. М., 2003. С. 336.
3 Тэтчер М. Искусство управления государством: стратегии для меняющегося мира. М., 2003. С. 276.
4 Аксенов В. Русский писатель всегда одиночка // Политический журнал. 2008. № 2. С. 114.
5 Мюллер Дж. Капитализм, демократия и удобная бакалейная лавка Ральфа. М., 2006. С. 9.
6 Там же. С. 18.
7 Там же. С. 44.
8 Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. С. 54.
9 Там же.
10 См.: Глобализация. М., 2008. С. 73–75.
11 Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира. М., 2003. С. 54.
12 Померанц Г. Диалог культурных миров // Лики культуры: Альманах. Т. 1. М.: «Юрист», 1995. С. 447–448.
13 Хомский Н. Политика языка // Керни Р. Диалоги о Европе. М.: «Весь Мир», 2002. С. 63.

A.I. Kirsanov

GLOBALIZATION AND THE PROBLEM OF MUTUAL RELATIONS OF WESTERN CIVILIZATION AND THE REST OF THE WORLD

Abstract: It is revealed that the process of globalization being a complicated and diverse phenomenon can't serve only the interests of one country, for example, USA. This kind of geopolitical paradigm can lead to contradiction not only between USA and the third world, but also between USA and Weslern Europe. It is pointed out in this article that absolutiration of market system based on greediness increases non stability in the world and contradicts the interests of the majority of counries in the world.

Key words: Globalisation as a westernisation, the western civilisation, other modern civilisations, collision of civilisations.

УДК 327

Королева М.Ю.

ГОСУДАРСТВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ*

Аннотация: В статье анализируются признаки современного государства, встроенного в процесс глобализации. На основе данных принципиальных черт формулируются соответствующие динамические модели.

Ключевые слова: государство эпохи глобализации, российская цивилизация, государство-нация, глобализация и ее основные сценарии.

Наличную жизненную форму определяет транснационализация субъектов политики, экономики, культуры. Традиционная единица международных отношений государство-нация замещается экстерриториальными комплексами групповой идентичности. Возрастает роль интернациональных, региональных образований:

- в политике - ООН, НАТО, ЕС, Шанхайский форум и т.д.;
- в экономике – ТНК, ТФПГ (транснациональные финансово-промышленные группы), ПКА (производственно-коммерческие агломерации), ТСА (транснациональные стратегические альянсы), АТЭС, ЕВРАЗЭС (наличие которых исключает возможность «свободного рынка», управляемого «невидимой рукой») и т.д.;
- в торговле – ГАТТ, ВТО, НАФТА, MERCOSUR и т.д.;
- в финансах – ВБ, МБРР, МВФ (бреттон-вудские институты) и т.д.;
- в сельском хозяйстве – ФЕОГА;
- в праве - Гаагский трибунал, Страсбургский суд;
- в межправительственном и неправительственном взаимодействии – ВФА-СООН, ВФДМ, ВВФ, ВФНР, ВСЦ, ВФПГ, ВФП, ВПС и т.д.

Словом, складываются своеобразные корпоративные альянсы, являющиеся опорными элементами институциально-правового каркаса прошлому неведомого общества.

Своеобразие очертаний нового мирового уклада жизни сообщает коалиционность – по стандартам, технологиям, образу существования. Согласованность, соотнесенность, совместность реакций и акций отличает деятельность по налаживанию производства, разделению труда, выстраиванию цепей поставщиков, дистрибьютеров, посредников, проектировщиков, субподрядчиков, управлению миграцией, водными, биологическими, природными ресурсами, развертыванию мелиорации, селекционной, племенной работы, развитию энергетики, транспорта, проведению природоохранных мероприятий, мониторингов загрязнения ландшафтов, атмосферы, купированию эпидемий, инфекций, созданию и обработке символов, регулированию платежей, финансовых отношений, реструктуризации задолженностей, поиску инвестиционных возможностей, отработке механизмов накопления, движения капиталов, сокращения бюджетных дефицитов и т.д.

Неизбежным следствием указанных реальных движущих сил и процессов является качественный фазовый переход от организаций «физических», «национальных» лиц, диффузных агентов капитала, инициативы, собственности к солидарно действующим системным объединениям с корреальными обязательствами, полномочиями, функциями. Архитектонику мирового порядка, по этой причине, определяют трансграничность, транснациональность, трансферальность, редактирующие происходящее. Примечательным достоянием настоящего в связи со сказанным выступают:

* © Королева М.Ю.

- деэтатизация нации-государства: дерегулирование экономики, свобода иностранного инвестирования, обеспечение прав собственности (элементы Вашингтонского консенсуса 1992 г.), оформление многонациональных промышленно-торговых, инвестиционных, коммуникационных кооперативных сетей детерминирует свертывание жесткого госконтроля хозяйства, приватизацию предприятий, либерализацию цен, сокращение социальных программ, патронажной политики; амплуа государства в основном покрывается социальным реформированием, индикативным планированием, поддержанием внутреннего порядка, созданием инновационного климата в макросреде, развитием инфраструктуры, реализацией общенациональных проектов гуманитарного роста;

- концентрация воспроизводственного, научно-технического потенциала в промышленно развитых странах (преимущественно державы G-7). Некоторые цифры говорят об этом достаточно ясно: 500 из 53 тыс. ТНК контролируют до 50% мирового промышленного производства, 63% внешней торговли, 80% патентов, лицензий на авангардные технологии. 5 супер-ТНК контролируют до 50% мирового выпуска товаров длительного пользования. В 10 продвинутых странах сосредоточено 84% мировых НИОКР. В державах G-8 (плюс Китай, Индия) проживает 88% пользователей Интернет. При такой концентрации научно-технических возможностей в развитых странах цивилизационное отставание от них развивающихся стран - фатально катастрофично;

- диспропорции развития: отсталость – глобальная проблема; величина разрыва между основными показателями образа жизни развитых и развивающихся стран прогрессирует. Ограничимся приведением лишь нескольких данных, опуская их (впрочем, очевидную) интерпретацию: 3,3 млрд. живущих на планете недоедают; 1,2 млрд. не в состоянии получать медицинские и образовательные услуги. И это всё на фоне того, что 10% населения потребляет 90% природных богатств. 20% жителей планеты контролирует 70% глобальной торговли товарами и услугами. Из 80% мирового экспорта доля 5 беднейших стран составляет только 1%. США, представляя 4% населения мира, используют 40% мировых потребительских ресурсов, дают 25% выбросов CO_2 (Германия, имея 0,3% лесов и 1% населения мира, суммарно выделяет 4% окиси углерода). Уровень неграмотности взрослого населения (от 15 лет) в Южной Азии – 51%, в Африке – 43%, на Ближнем Востоке и Магрибе – 39%.

- диспаритет доходов. Опять же – кричащие данные по концентрации богатства в развитом и развивающемся отсеках ойкумены. 358 миллиардеров владеют средствами, что и 2,5 млрд. людей. Разрыв в доходах 5 богатейших и беднейших стран: 20% населения первых – сосредоточивает 86% мирового валового продукта; 20% населения вторых – 1%. Как видно, разворачивается фронтальное наступление богатых на бедных, уже получившее наименование «новый империализм» (Малиновский).

Государственное пространство прирастает ростом национального влияния. Глобальное пространство прирастает ростом сетевого влияния. Возникает новая «морфология» социальной реальности полевого типа: есть наднациональные центры силы, обусловливающие перенесение взаимодействия, задающие субъектам коллективной жизни те или иные степени свободы.

Подобная организация, отступая, однако, от интеграции как добровольного союза открытых ассоциаций, вычеркивает из списка дееспособных одно государство за другим. Подмена интеграции глобализацией – оформление пирамиды с корыстным ядром влияния – вызывает неприятие антиглобалистов, борющихся

с институтами мировой гегемонии (выступления в Сиэтле, Вашингтоне, Ницце, Праге, Квебеке, Генуе и т.д.) и нового империализма. Объектом проблематизации оказывается «самое все» глобализации – «три Т» – трансграничность, транснациональность, трансферальность.

Трансграничность: стандартизация жизни от промышленности до культуры чревата массовостью эрзацев, выхолащиванием уникального, нетрафаретного, оригинального. Как отмечает Кельнский форум, - глобализация сопровождается «ростом опасности нарушения привычного образа жизни, усилением неопределенности финансового (и не только) положения некоторых трудящихся, семей и общин во всем мире».

Транснациональность: универсальность социального бытия ограничивалась порожденной преодолением абсолютизма национально-государственной формой, которая, сосредоточивая монополию на правовую и силовую инициативу, проводит не самочинную (самодержавно-монархический строй), а народоориентированную линию. Перекрывающий национальную форму новый – сверхнациональный – тип социальной общности лишается прерогатив отстаивания национальных интересов. В частности, в современное время значителен отсек национальной экономики (а не глобального рынка), между тем отправлять ту же политику разумно понятого протекционизма способны лишь сверхсильные игроки (казус США по поддержке отечественных сталепроизводителей).

Трансферальность: подрыв культурно-ценностного разнообразия, подмена «многообразия ситуаций» (Гумбольдт) космополитичными суррогатами. Учитывая монополию Запада на информационные потоки, унификация существования выглядит вестернизацией. Против нее в свое время со всей прямотой выступал еще Н.Трубецкой, указывавший: «В этом главный и основной грех ... европейской цивилизации. Она стремится во всем мире нивелировать, ... упразднить все индивидуальные национальные различия, ввести повсюду единообразные формы быта, общественно-государственного устройства и одинаковые понятия» [3]. Против нее в наши дни выступают участники форума тысячелетия «Мы, народы: укрепление ООН в XXI веке», наметившие систему общедемократических социальных, экологических инициатив в кильватере «равноправия, справедливости, многообразия».

Сюжет статуса национального государства и его роли в обозримой перспективе нуждается лишь в немногих пояснительных суждениях:

(а) По мере приближения человечества к полосе дефицитного мира роль государства-нации будет все-таки возрастать. Учитывая, что население расчленено по национально-государственному основанию, полномочия структуры, пекущейся о процветании фиксированной социально-исторической общности, не могут быть иррадиированы: они не могут быть переданы никакому региональному или глобальному органу. Текущий момент указывает на сосредоточение государственных сил, на отстаивание сугубо частных национальных интересов. Именно этим можно объяснить, скажем, отказ ряда стран (США, Франции, Великобритании) поддержать решение конференции Рио-92; США – ратифицировать Киотский протокол (2001). Большие сомнения вызывают идеи всемирного саммита в Йоханнесбурге (2002) о редистрибуции доходов между странами наделенными и обделенными природными богатствами; квотировании экологического пространства; интернационализации ресурсов; оплаты ассимиляционного потенциала среды обитания.

(б) Несмотря на всеобщее приглашение вкусить счастья и полноты жизни в духе западной модели государства «всеобщего благосостояния», последнее расце-

нивается мировым сообществом как следствие несправедливого асимметричного мироустройства. Нуждающийся вместо хлеба, как правило, получает камни. Оппозицию атлантизму (вестерну) по этому градиенту составляет широкая международная коалиция, использующая всевозможные рычаги давления от терроризма, фундаментализма, национализма (Палестина, Ливан) до ядерного шантажа (Северная Корея, Иран, Израиль и др.).

(в) Развитым странам, в первую очередь державам G-8, потенциально все труднее противостоять мутному, стремительному натиску бедности, цивилизационной неустроенности из развивающихся стран. По данным ВБ, среднегодовые темпы прироста бедных в мире колеблются около 2%. Кажется, немного. Однако же проблема не имеет решения в створе благородного дела милосердия. Камнем преткновения оказываются

– неконтролируемый рост населения в отсталых странах. Возьмем лишь несколько болевых точек. В Африке в 1998 г. население составляло 540 млн. – 9,2% мирового; к 2050 г. ожидается 1480 млн. – 16,6% мирового. Прирост численности жителей за полувековой период – 940 млн., или 174,1%. Наиболее острая обстановка – в Нигерии и Эфиопии, где население (1998) в первой – 106 млн. (1,8% мирового), во второй – 60 млн. (1% мирового). К 2050 г. Ожидается в одной – 244 млн. (2,7% мирового), в другой 170 млн.(1,9% мирового). Прирост в млн. – 138 (130,7%) и 110 (183,3%).

В Азии лидеры по темпам роста населения Индия и Пакистан. В первой ожидаемое увеличение численности населения – 500 млн. с возрастанием плотности населения со 109 человек на кв.м. (1950) до 466 человек (2050). Во втором прогнозируется увеличение численности жителей в 3 раза с возрастанием плотности населения за столетие с 50 до 450 человек на км^2.

Принимая в расчет относительно низкую эффективность производства в данных странах (на африканском и азиатском континентах в целом), невозможность обеспечения там прожиточного минимума, вполне однозначно предсказывается давление цветных «регионов» на белые. Оно будет представлять собой «надвигание аллохтонов» [1, 2];

– своеобразный реванш колоний над метрополиями. Концентрация цветных этнических нелегалов (из развивающихся стран) в белых мегаполисах (развитых странах) влечет нагнетание расовых, конфессиональных конфронтаций. Только несколько показательных данных, свидетельствующих о создании стимулов для возмущений, переходящих в локальные (пока!) схватки и войны. К 2025-2030 гг. население продвинутых белых мегаполисов на 25-40% будет состоять из цветных нелегалов. Несмотря на уточнения и оговорки, следует признать: плотно сбитые этнические, конфессиональные меньшинства несут альтернативу институту гражданства. В Нидерландах 35% турок и 42% марокканцев безработны – не имеют социальной утилизации. Во Франции более 5 млн. мусульман не интегрированы в большую национальную социальность. В США доходы цветных составляют примерно 57% доходов белых. Таким образом, растет социально-расовая поляризация населения; в «цветном» гетто абсорбируется общественная маргинальность. Способ ее купирования – усиление нации-государства, предотвращающего социально вирулентную консолидацию вокруг религиозных, этнических, языковых, гендерных групп.

(г) Эффективизация роли нации-государства продиктована предстоящей борьбой на два фронта:

– с ответом этнических нелегалов, аллохтонов-маргиналов (нерекрутирован-

ных в большие социальные пространства продвинутых стран, оккупирующих несопряженные по ценностям метрополий цивилизационные анклавы) на вызов глобализации (терроризм, традиционализм, фундаментализм – события в Испании, Великобритании, США, России);

– с ответом новых правых, неонацистов, расистов на вызов национальных меньшинств, деклассированных слоев, маргинальной локализации, взыскующей дани, ренты, акциза с авангардности на отсталость (ксенофобские тенденции в Германии, Франции, Австрии, России). Контрфорс неорганичности, мозаичности, химеричности социальности во всех ее проявлениях – компенсирующая машина нации-государства.

Возвыситься до героизма отречения от стяжаемых благ развитый мир не способен, у него всегда достанет сил «пережить несчастия других» (Ларошфуко). Технико-экономические, социально-политические рывки авангардного ядра базируются на утрировании асимметрии развития. От абстрактного гуманизма «Все люди станут братья» в совершенном мире (провозглашенного Шиллером в оде «К радости» – «обнимитесь миллионы») не остается камня на камне. Обеспечение «все более полного удовлетворения растущих потребностей» влечет обострение неравенства, усиление деформаций, натыкается на тупики социальной турбуленции и биосферной дисфункции.

Где выход? Предвидение дней грядущих исчерпывается сценариями:

а) идея Римского клуба о достижении равновесия в соотношении «население – объем капитала» – пуританский призыв перехода на нулевой рост с замораживанием уровня жизни;

б) идея тупика турбокапитализма, исчерпанности потенциала рыночно-потребительской цивилизации (Гор, Сорос);

в) идея «золотого миллиарда» с трактовкой остального мира как проинтегрированного исторического ничтожества.

(а) Глобализация обнажает не экономическую универсальность, а универсальность экономики в толковании ее как «хремастики». Действительно: человечество не озабочено налаживанием незатратно действующего продуктивного жизнеподдерживающего комплекса, оно погрязло в корыстном хозяйствовании с целью извлечения прибыли. По этой причине филантропическая искренность бессребреников Римского клуба является неуместной. Она отменяется политической прагматикой. «Никто не должен позволить заразить себя тому ученому из Римского клуба, – заявлял еще в 1976 г. канцлер ФРГ Г. Шмидт, – который вещал, что мы все снова должны вернуться к простой жизни. На это мы не пойдем, и не для этого мы трудимся. Диоген мог жить в бочке и был доволен этим. Но он был философом, а мы все, по большей части, нет». Интенция на нулевой (радикальнее – отрицательный) рост лишит кредита доверия населения любое правительство.

(б) Самое фатальное в неуемном прогрессе капитализма заключается в своеобразном эффекте сфумато: издержки декомпенсируют приобретения. Функциональная бесперспективность турбокапитализма проявляется в – тупиках консъюмеризма; – несбалансированности развития, подрывающего ассимиляционный потенциал природной среды, влекущего деградацию ресурсной базы; – исчерпании сырьевой базы расширения экономики; – максимизирующей экологические риски жажде наживы; – углублении расслоения, экономического неравенства, социальной поляризации, региональной дифференциации, имплицирующих рост недовольства и экспорт терроризма; – в упадке человеческой духовности, обмельчании внутрен-

него мира: в сравнении с индустриальным, технико-производственным прогрессом нравственное совершенствование личности «выбрасывающего общества» (Тоффлер) оставляет желать лучшего.

(в) Ведущий лидер в получении выгод – мир-системное ядро – сосредоточивает миллиард, обслуживаемый еще миллиардом населения в воспроизводственно интегрированных странах периферии (около 33% землян). Остальное – «балласт», по качеству существования, уровню притязаний, жизненной культуре, производственной квалификации не могущий быть вписан в продвинутое наукоемкое хозяйствование. Ничтоже сумняшеся мировая олигополия пристрастно маркирует жителей планеты на овец и козлов по тайно вожделенному «всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет».

Спазматическая горячность переживания избранными своего «акта призвания», однако, охлаждается накоплением протестного напряжения в мировом сообществе. Вытесняемые на обочину истории народы протестуют по поводу утвердившейся практики несправедливого присвоения олигополией прибылей, минуя социальные потребности.

Экспансия Севера на Юг с дисквалификацией Юга в качестве полноценного субъекта планетарной жизни чем дальше, тем больше тормозится истощением источников сырья, крахом R-экономики (низкая доля добавленной стоимости, нижайший уровень образованности, квалифицированности, профессиональности), неэффективностью патронажных программ МВФ, ВБ для развивающихся стран (национальный долг последних – 1 трлн. долл.), усилением агрессивности Юга и Севера (серия войн в Персидском заливе, на Ближнем Востоке, в Афганистане, Чечне), кроме прочего, приводящего в турбуленцию в северных мегаполисах маргинальное цветное гетто, перенаселенностью (высочайшие темпы роста населения).

Глобализация однозначно выгодна узкой группе авангардных стран – цивилизационно продвинутому ядру мир-системы – «золотому миллиарду», стяжающему 80% планетарного ВВП и обеспечивающему свое благополучие нещадной эксплуатацией периферии (душевой доход причастных ядру – до 80 долл. в день, причастных периферии – максимум 2,5 долл. в день). Под фирмой глобализации – сулящей выгоду интернационализации – идет корыстная игра не только экономическими, но и политическими красками. К последнему относится в первую очередь дискредитация института национальной государственности с его подменой экстерриториальными, наднациональными организациями влияния, воздействия, контроля.

Доктринальному обслуживанию этого подчинены фигуры модели «гуманитарного вмешательства», «ограниченного суверенитета», противопоставляющие «права человека» «невмешательству во внутренние дела» и допускающие по конъюнктуре «экспорт демократии» (ср. с «экспортом революции»!) в острые кризисы. (Идею интернационализации «гуманитарных катастроф», – разумеется, фиксируемых произвольно, – США, к слову сказать, не борются со своим стратегическим партнером Саудовской Аравией, где не соблюдаются права шиитского меньшинства, лишенного всяческих гражданских прав в южных провинциях, – политически оформил на чикагском саммите НАТО (1998) Т. Блэр, высказавшийся в том духе, что соблюдение «прав человека» не чисто внутреннее дело суверенных держав; в случае их нарушения международное сообщество вправе, вмешавшись во внутренние дела, «восстановить справедливость»).

В соответствии с духом данной модели произошло вмешательство во внутренние дела Югославии. Краткосрочная балканская агрессия НАТО причинила урон,

превышающий ущерб от долгосрочной германской оккупации во Второй Мировой войне. По данным независимых экспертов «Группы-17», вследствие бомбардировок НАТО погибло 3 тыс., 5 тыс. ранено, количество безработных возросло на четверть миллиона.

Подведение под гуманитарные «права человека» политического «гуманитарного вмешательства» позволяет откровенно силовым способом кроить мир по нужным лекалам. Под видом защиты албанцев вытеснили косовских сербов (400 тыс. человек), подвели к сецессии, дезагрегации государства, но тем самым обеспечили геостратегические, геоэкономические интересы Запада: установили контроль над кратчайшим путем из Европы в восточное Средиземноморье, к Суэцкому каналу, к Персидскому заливу.

Не вовлекаясь в дискуссию, насколько институт национального государства – помеха соблюдению «прав человека», укажем на абсолютно безосно́вную (несанкционированную СБ ООН), но мотивированную (атлантистскими) соображениями «гуманитарной интервенции» – агрессии Запада (коалиция США и союзников) против Ирака.

Державный резонанс модели «ограниченного суверенитета», представляющей фертильную среду как волюнтарной внешней агрессии против независимых стран, так и волюнтарной внутренней агрессии со стороны национализма, сепаратизма, экстремизма, фундаментализма, терроризма против них же, актуализировал проблематику «суверенной демократии». В противовес сильному автаркичному Китаю, купирующему риторику «прав человека» риторикой «прав суверенного государства», недостаточно сильная «интегрирующаяся» Россия встала на платформу «суверенной демократии».

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М., 2000.
2. Ильин В.В. Новый миллениум для России: путь в будущее. М., 2001.
3. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 331.

M.Y. Korolyova

STATE IN CONDITIONS OF GLOBALIZATION

Abstract: In the article features of the modern state in globalization process are analyzed. These basic features determine the corresponding civic concept formation.

Key words: The state of an epoch of globalisation, the Russian civilisation, the state-nation, globalisation and its basic scenarios.

УДК 2:172.3

Лобазова О.Ф.

ПРОТИВОРЕЧИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РЕЛИГИОЗНОСТИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА*

Аннотация: Особенности религиозности современного российского общества порождены субъективными и объективными причинами. Наиболее существенные противоречия в процессе своего разрешения порождают позитивные и негативные тенденции, которые проявляются в религиозной жизни и влияют на её состояние и перспективы.

Ключевые слова: религиозность, противоречия, тенденции, религиозная жизнь.

Проблемам исследования религиозности в современной России посвящено большое количество исследований, имеются многочисленные данные социологических опросов [1]. Анализ богатого материала даёт возможность сделать некоторые выводы об особенностях религиозности в нашей стране. Возрождение религии в России – политико-правовой и социо-культурный процесс, связанный с восстановлением в своих правах религиозной культуры, свободы совести, легализацией и активным ростом социальной активности религиозных организаций и верующих.

Религиозное возрождение сопровождается усилением межрелигиозных, межконфессиональных и внутриконфессиональных противоречий. Тема межконфессиональных отношений в регионах Российской Федерации продолжает оставаться одной из центральных и трудно разрешаемых проблем, так как нарастающая тенденция обособления религиозных организаций по национально-территориальному признаку охватила многие конфессии, расколола ранее единые церкви и религии, породила конфронтацию. На всем обширном пространстве России к тому же активизировалась деятельность зарубежных клерикальных и миссионерских центров, что нарушает религиозную стабильность в стране и веками сложившейся этноконфессиональный баланс.

Традиционная религиозность (религиозность традиционного общества) выполняет важнейшие социальные функции – соединение этнической, этнопсихологической и культурной целостности народа и личности, а также защиты от стрессовых потрясений, вызванных природными и социальными процессами, а также случайностями коллективного и индивидуального бытия. Как справедливо замечает Э. Фромм, «...идентичность с природой, племенем, религией даёт индивиду ощущение уверенности. Он принадлежит к какой-то целостной структуре, он является частью этой структуры и занимает в ней определённое, бесспорное место. Он может страдать от голода или угнетения, но ему не приходится страдать от наихудшего – от полного одиночества и сомнений» [2;39]. В условиях же становления информационного общества разрушается основа традиционной религиозности – целостность этнокультурного бытия, этнопсихологическое единство больших человеческих коллективов, происходит обесценивание религиозных идеалов и норм.

Ориентация на конформистский стандарт формальной религиозности получает распространение в условиях формализации социальных связей и отношений, увеличения свободы выбора, что, в свою очередь, ведёт к дезорганизации общества и дезориентации индивида. Люди обнаруживают «...что их жизнь беспорядочна, что

* © Лобазова О.Ф.

их детям нужны ценности и нормы или что они изолированы и дезориентированы; они обращаются к определённому вероисповеданию не потому, что они стали истинно верующими, а потому, что это самый удобный источник правил, порядка и общения» [3;327]. С точки Ф. Фукуямы, данный тип религиозной практики даже «полезен для сообществ».

В информационном обществе формальная религиозность имеет тенденцию к превращению в «симулякр», по терминологии Ж. Бодрийяра [4], ибо она не просто маскирует отсутствие религиозного сознания индивида и определяет модель поведения членов конкретного сообщества, но и оказывается «по ту сторону» религиозности: «...здесь уже нет ни Бога, чтобы узнавать своих, ни Страшного Суда...» [5;35]. Религиозное сознание человека информационного общества синкретично.

Такова сущность происходящих процессов, основная его тенденция. Российский аспект этой глобальной проблемы имеет, вместе с тем, некоторые особенности. Во-первых, в России общенациональный экономический, политический и духовный кризис совпал с общемировым духовным кризисом. Во-вторых, российское общество инерционно, оно сохраняет многие черты традиционного общества, утраченные на Западе. Отсюда – конфликтность перехода к информационному обществу. Религиозность в системе глобального информационного общества не утрачивает своего значения как общечеловеческого феномена, но приобретает новое качество. Среди новых характеристик религиозности можно назвать изменение критериев принадлежности к религиозным учениям и организациям и повышение роли культурной самоидентификации как способа определения вероисповедной принадлежности.

Если для установления численности верующих применять критерий *религиозной самоидентификации* («культурной» религиозности), то картина предстаёт следующая. Православными объявляют себя 55-59 % [6;38] граждан России или до 82 % русских людей [7;16]. То есть, 70-85 млн. человек. Все исследователи согласны с тем, что Русская Православная Церковь представляет в России ведущую силу среди религиозных организаций. Протестанты в целом, а также католики в различных опросах, получают около 1% [8;32]. Один процент населения России идентифицирует себя со старообрядчеством (староверием) [9;247]. Число людей, называющих себя мусульманами, колеблется от 4 % до 6 % , т. е. от 6 до 9 млн. человек [10;32]. Иудеями назвали себя только 8 % евреев - это около 20 тыс. человек. Буддистами являются, по мнению экспертов, около 900 тыс. человек. «Свидетели Иеговы» насчитывают порядка 255 тыс. человек [11;448]. Общество Сознания Кришны (вайшнавы) и Церковь Иисуса Христа Святых Последних Дней (мормоны) насчитывают до 10 тыс. человек. В обществе также широко распространены всякого рода оккультные, языческие, псевдохристианские верования. Но они размыты, эклектичны, изменчивы. Широко распространены сильно примитивизированные восточные верования или их фрагменты. В первую очередь, всякого рода заимствования из буддизма, индуизма, йоги. Особую роль в адаптации всякого рода восточных верований к условиям современной России играет рериховское движение.

Важнейший мировоззренческий элемент современного религиозного сознания российских граждан – псевдонаучные идеологии. Вера в НЛО (охватывающая, по данным опросов, 70% российских горожан), снежного человека, контакты с внеземными цивилизациями – лишь самое заметное из этого ряда. Вера в астрологию захватила большую часть общества (среди горожан России в неё верят более 60%). Сама христианская, православная идейная среда благодаря низкому уровню религиозного образования, стихийности современного религиозного возрождения

становится питательной почвой для возникновения религиозных представлений, далеко уходящих не только от православия, но и от христианства вообще.

Современный период расценивается представителями самих религиозных организаций как период *духовного смущения*, период принятия главных решений, когда не только отдельные люди выбирают свой мировоззренческий путь, но и религиозные организации, стоящие на страже чистоты вероучения, испытывают давление перемен и ищут новые способы освоения потенциала вероучения. Подобные черты характерны для религиозного сознания на всём постсоветском пространстве, исторически связанном с Россией, и обусловлены рядом причин.

Современная религиозность российского общества развивается в сложных условиях, которые для удобства анализа можно разделить на две группы: условия, присущие исторической традиции и условия, характерные для современного этапа развития. Условия, присущие российской исторической традиции, включают такие характеристики как: многонациональность состава населения страны, многоконфессиональность, исторический опыт мирного сосуществования наций, народов и вероисповеданий, культурная доминантность православия, аккумулирующий характер православия, полифоничность светской культуры, мессианские социальные идеи и этико-эстетическое восприятие мира как черты массового сознания.

К условиям, характерным для российской самобытной современности, можно отнести: укрепление традиции свободы совести, активное развитие процессов секуляризации, связанные с ней веротерпимость, идеологический плюрализм, отсутствие религиозных знаний в результате прерывания традиций религиозного просвещения, аморфность массового сознания при сниженной критичности к новым идеям, кризис базовых ценностей бытия.

Тенденции в развитии современной религиозности россиян определяются теми противоречиями, которые являются наиболее острыми в настоящее время. Общая направленность развития противоречий характеризуется таким сочетанием центростремительных и центробежных сил, при котором идёт процесс усложнения структуры целого с одновременным упрощением сущности составных частей. Это проявляется в отрицании наличных принципов внешней формы религиозности и формы религиозной организации, в отрицании преимуществ религиозной структуры, в концентрации возможностей волевого конструирования в религиозной сфере. Данные явления сопровождаются усложнением структурированности внутри религиозных организаций, созданием дублирующих подсистем, размыванием возможностей естественного развития.

Противоречия религиозной жизни можно разделить на противоречия между светским и религиозным сознанием и структурами, их выражающими, противоречия между религиозными организациями и государством, противоречия между всеми конфессиями, противоречия между традиционными и новыми религиозными организациями, внутриконфессиональные противоречия, противоречия внутриличностной жизни. Дадим им лишь самую краткую характеристику.

Противоречия между светским и религиозным сознанием и структурами, их выражающими, в социальной практике выражаются в стремлении властных органов, религиозных организаций и отдельных личностей установить связь между этно-культурной и религиозной самоидентификацией людей. Власть стремится использовать авторитет религиозных организаций для удержания своего идеологического перевеса, оппозиция также заинтересована в использовании авторитета религиозных организаций для достижения перевеса, а сами религиозные организации при установлении в общественном сознании зависимости между национальной и

религиозной принадлежностью могут рассчитывать на духовное и идеологическое лидерство в рамках наций и стран, их регионов.

Противоречия между религиозными организациями и государством сосредоточены в области законодательства. С одной стороны, ведётся борьба за изменение закона в связи с его признаваемым несовершенством. С другой стороны, религиозные организации ведут борьбу за точное исполнение существующего законодательства в тех случаях, когда они полагают, что оно не исполняется в полной мере. Недовольство вызывают позиции государства в отношении миссионерской деятельности религиозных организаций, разделения религиозных организаций на традиционные и нетрадиционные для России организации, практика имущественных отношений и налогообложений.

Противоречия между всеми религиозными организациями существуют, несмотря на то, что лидеры организаций постоянно выражают готовность к диалогу и сотрудничеству и действительно их ведут. Противоречия выражаются в социальной практике в стремлении обосновать прочную связь между религиозным выбором личности и приверженностью к социально-политическим ценностям (отношение к материальному благополучию, образованию, форме политического правления, модели успешности, способности переносить трудности и добросовестно работать и т.д.). На основании сравнения возможностей социальной деятельности и тех гарантий законопослушания и верности гражданскому долгу, которые может обеспечить та или иная религиозная организация, происходит «соревнование» религий в популярности (что должно сказаться на росте численности верующих и повышении авторитета среди неверующих).

Методы, которые может использовать та или иная религиозная организация для собственного роста, и приводят к обострению противоречий (как, например, между католиками и православными). Многие религиозные организации предъявляют претензии к власти за явное предпочтение ею РПЦ в ущерб, как им кажется, позиций других религий. Межконфессиональные противоречия обостряются из-за политизации религиозной сферы, поскольку многие политические силы стремятся использовать религиозные идеи и фразеологию в своих целях. Специфика борьбы религиозных направлений состоит в том, что она носит не прямой, а опосредованный характер. Но в случае обострения социальных противоречий такая борьба время от времени приобретает характер прямой конфронтации – в формах религиозного экстремизма и религиозного терроризма.

Противоречия между традиционными для России религиозными организациями и организациями, возникшими на территории страны после 1991 года, в настоящий момент наиболее явны. Противоречия эти порождены стремлением традиционных для России религиозных организаций противостоять наступлению индивидуализма и стандартизации форм национальной жизни, которые являются негативным последствием объективных процессов глобализации.

Внутриконфессиональные противоречия проявляются на нескольких уровнях: противоречия между священнослужителями и мирянами, противоречия между фундаменталистами и обновленцами, противоречия между священнослужителями центрального аппарата религиозной организации и работниками местных звеньев. На практике, например, это выражается, с одной стороны, в стремлении к автокефалии составных частей РПЦ в странах на бывшем советском пространстве; с другой стороны, в стремлении к соединению разобщенных религиозных организаций (достижение канонического единства РПЦ МП и РПЦЗ).

Внутриличностные противоречия, присущие религиозной жизни на индивидуальном уровне, условно можно разделить на: противоречия между вероучительной традицией и социальной практикой верующих; противоречия между внутренними устремлениями верующих и объективными возможностями реализовать в своей жизни основные принципы вероучения; противоречия между внутренними устремлениями верующего и действительными способностями личности (проблема неадекватной самооценки, завышенные или заниженные ожидания). В социальной практике эти противоречия выражаются в размытости религиозных представлений в сознании основной части сторонников вероучения, в придании преувеличенного значения обрядовому поведению перед другими составляющими религиозности, в поиске либеральных по дисциплине (но эмоционально подпитывающих) форм религиозной жизни, в поиске чудес и пророков, дающих простые и не требующие глубокой духовной работы рецепты достижения психологического комфорта.

Конкретные проявления противоречий религиозно жизни видны при анализе данных о религиозном сознании и поведении населения в современной России. Данные социологических исследований говорят о том, что подавляющее большинство российских верующих посещают церковь не регулярно и не становятся постоянными прихожанами в силу того, что не видят смысла своего личного участия в деятельности конкретной религиозной общины (прихода).

Социологи говорят так же и о глубоком внутреннем организационном кризисе, переживаемом РПЦ, который выражается в различии позиций лидеров религиозных общин и верующих относительно проблемы участия и/или неучастия верующих в деятельности церкви. Верующие, охваченные социологическим опросом, заявляют о том, что не могут реализовать свои духовные потребности в результате включения в жизнь религиозной общины по тем требованиям и на тех условиях, которые предлагают руководители этих общин. Люди высказываются за большую открытость, гибкость и большую терпимость по отношению к ним и их проблемам со стороны религиозной общины и её руководителя. Поведение, отношение к другим верующим и деятельность активных членов религиозной общины оценивается верующими, не желающими принимать активное участие в жизни общины, как требующие усовершенствования нравственности, искренности и основательности. Лидеры религиозных общин вызывают нарекания из-за плохого образования и нежелания проявлять гибкость и индивидуальный подход в работе с верующими. Тем не менее, по результатам исследований на протяжении последних десяти-двенадцати лет выявляется высокий рейтинг РПЦ в обществе в целом. Сочетание таких характеристик, как высокая степень доверия к церкви как социально-политическому институту, с одной стороны, и нежелание лично участвовать в его работе, с другой стороны, все же позволяет сделать некоторые выводы.

Во-первых, в российском обществе проявляется стремление граждан к идеологической самоидентификации как форме самоидентификации национальной, игнорирующей или умалчивающей политические разногласия, обусловленные социальными и культурными различиями. Такой идеологии, которая бы формировала национальное единство, опираясь на научные, светские понятия и образы, пока нет в массовом сознании. Конечно, не от того совершается выбор в пользу религиозной идеологии, что она единственная из существующих в нашем обществе, а от того, что она действительно выражает национальные интересы. После того, как в 1991-1993 годах по данным социологов был пройден пик «отвержения своей нации», когда большинство русских людей испытывали чувство неловкости, вины и даже

обиды за свою национальную принадлежность, в обществе нарастает потребность в выражении чувства национального достоинства, которое можно было бы обосновать и отстоять. Возможность для такого обоснования предоставляет *православная культурно-историческая традиция*. Именно поэтому до 60% россиян объявляют себя православными.

Во-вторых, выражая доверие к РПЦ, граждане выражают доверие к персонам, представляющим вершину её иерархической структуры. Электронные средства массовой информации дают возможность огромной массе населения оценить социально-политические взгляды, общекультурные и специальные знания, личное обаяние ярких деятелей церкви даже в том случае, когда цели передачи и задачи её ведущего совсем не предусматривают положительного впечатления о Русской Православной Церкви. Но такова сила личности людей, представляющих РПЦ, что на разных уровнях восприятия они получают одобрительную оценку аудитории. Это несомненное достижение церкви и показатель правильности выбора персоналий, представляющих организацию через средства массовой информации.

В-третьих, выражая доверие к РПЦ, большинство граждан солидаризируется с позицией государственной власти. Президент нашей страны неоднократно, но без всякого нажима, демонстрировал свою личную расположенность к деятельности церкви и её руководителей. Поддерживая руководство страны, связывая с ним свои ожидания социального переустройства, граждане переносят на РПЦ симпатии, которыми пользовался и пользуется президент и премьер-министр. С другой стороны, личная религиозность руководителя страны в сознании некоторых граждан служит некоторой гарантией его верности данным обещаниям. Таким образом, высокий рейтинг церкви есть косвенное напоминание главе государства о невозможности вести политику, не согласованную с моральными нормами, на страже которых стоит церковь.

Все эти характеристики имеют свою обратную сторону. Желание идентифицировать себя с народом, нацией, испытывать гордость за прошлое и настоящее своей страны совершенно не обязательно увязывается, а скорее совершенно не увязывается, с необходимостью каждодневной регламентированной, контролируемой деятельности в составе религиозной общины. Национальная принадлежность не является качеством, которое надо заслужить, а принадлежность к православию надо заслужить и подтверждать постоянно. Невоцерковленный верующий доказывает свою принадлежность к вере только перед самим собой, что гораздо легче, чем перед религиозной общиной и её руководителем. Отсюда и упрёки в излишней нетерпимости общины к недостаткам отдельных её членов, и убеждённость в невозможности духовного совершенствования в составе общины. Что касается признания личных качеств деятелей церкви, ведущих пропаганду религиозных идей через СМИ, то чем ярче отдельные представители организации, тем очевиднее недостатки тех, кто ведёт каждодневную работу с верующими по месту жительства. Церковь и сама признает, что качество кадрового состава в последние годы значительно отстаёт от требований, предъявляемых временем.

О доверии власти и связанности в массовом сознании представлений о моральности и религиозности представителей власти можно сказать, что это иногда говорит и о слабости законодательных и иных гарантий, которые обеспечивали бы гуманность и социальную направленность внутренней политики. Кроме того, совершенно ясно просматривается возможность превращения признака религиозной принадлежности в знак лояльности, показатель пригодности к государственной службе, условие карьерного роста в государственных структурах.

Таким образом, содержание сознания и формы поведения верующих людей

современного российского общества версифицированы, обусловлены потребностями самоидентификации в этно-политической системе, имеют возможности положительного и отрицательного воздействия на социальное самочувствие населения и состояние общественных институтов. Скорее всего, количество воцерковленных верующих будет возрастать, политический вес религиозных организаций также возрастёт, но характер религиозности останется по преимуществу внешним, формализующим принадлежность к нации, политической силе, культурному слою.

Тенденциями современного этапа развития религиозности массового сознания являются:

• рост числа людей, открыто заявляющих о своей религиозной принадлежности;

• укрепление политических позиций религиозных организаций, связанных с народами России этно-исторической традицией, в результате активного включения в решение современных социальных проблем;

• замедление количественного роста нетрадиционных для России религиозных организаций протестантского толка на фоне их организационного укрепления и стремления к богословскому обновлению;

• распространение массового интереса к эзотерическим, мистическим и языческим представлениям и организациям;

• сосредоточенность внимания верующих на обрядовой стороне вероучений, переплетение обрядов, их высокая вариативность в зависимости от регионов проживания верующих.

Тенденции в развитии религиозности на современном этапе проявляются также в следующих взаимосвязанных процессах:

• Рост числа людей, считающих себя последователями вероучений, сопровождается снижением степени влияния атеизма как мировоззрения, обеспечивающего светский характер власти и научный характер прикладных и теоретических исследований природы и общества.

• Повышение роли религиозных организаций в политических и культурных процессах сопровождается некоторым снижением авторитета науки и светского свободомыслия в сфере образования.

• Возможность свободного выбора типа мировоззрения не всегда приводит к выбору традиционной религии, но в условиях снижения роли естественно-научного атеизма приводит к выбору нетрадиционных для России вероучений протестантского типа, или приверженности к эзотерическим, мистическим и языческим учениям и организациям.

• Приоритет православной традиции сказывается на состоянии межконфессиональных отношений.

• Распространение политического влияния иерархов Русской Православной Церкви сопровождается повышением требований общества в целом и отдельных верующих к качеству всех звеньев религиозной организации. Число священнослужителей не удовлетворяет потребности верующих, меры по стимулированию прироста кадров священнослужителей оборачиваются снижением качества кадрового состава.

• Повышение роли правовых методов регулирования государственно-церковных отношений сопровождается снижением степени удовлетворённости достигнутым состоянием равноправия со стороны различных религиозных организаций.

Тенденции в развитии современной религиозности определяются своеобразным сочетанием центростремительных и центробежных сил. К центростремительным силам можно отнести стремление связать национальную, культурно-истори-

ческую и вероисповедную принадлежность в неразрывную зависимость. К этим же силам можно отнести стремление власти стимулировать рост политической роли традиционных религиозных организаций, стремление традиционных религиозных организаций возглавить духовные процессы современного общества, стремление ранее разобщённых частей религиозной организации к достижению единства. К центробежным силам можно отнести стремление связать религиозную принадлежность и социальное положение, личностный выбор модели жизненного успеха. К этим же силам можно отнести стремление к автокефалии национальных отделений единой религиозной организации, разнообразные проявления межконфессиональных и внутриконфессиональных противоречий, процессы выдавливания религии в сферу индивидуального бытия человека.

Таким образом, мы приходим к выводу, что основными особенностями современного этапа развития религиозности массового сознания являются: рост количественных показателей религиозности; укрепление политических позиций традиционных религиозных организаций; замедление количественного роста и внутреннее укрепление нетрадиционных для России религиозных организаций протестантского толка; распространение массового интереса к вневероисповедным представлениям и организациям; проявление внешней, обрядовой стороны религиозности; установление и выполнение правовых норм государственно-церковных отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. См., например: Религиозные практики в современной России: Сборник статей / Под ред. К. Русселе и А. Агаджаняна. –М.: Новое издательство, 2006; Религия и политика в XX веке. –М.: ИВИ РАН, 2006; Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания. (Ответ. редактор М. Бурдо, С.Б. Филатов) –М.: Логос, 2004; Фурман Д.Е., Каариайнен К. Религиозность в России в 90-е годы XX – начале XXI века. –М.: Огни, 2006.
2. Фромм Э. Бегство от свободы. –М.: Издательская группа «Прогресс», 1995.
3. Фукуяма Ф. Великий разрыв. –М.: ООО «Издательство АСТ», 2001.
4. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции // Философия эпохи постмодерна. –М.: Изд. ООО «Красико-принт», 1996.
5. Баранников В.П., Матронина Л.Ф. От интеллигенции к интеллектуализму // Жизненные стили и социальные практики интеллигенции: Сб. статей. –М.: РГГУ, 2002.
6. Митрохин Н. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. – М.: НЛО, 2004.
7. Старые церкви, новые верующие. Под ред. К. Каариайнена и Д. Фурмана. –М.-СПб, Летний сад, 2000.
8. Филатов С.Б., Лункин Р.Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность. // Социологические исследования, -М., 2005, № 6.
9. См.: Воронцова Л., Филатов С. Старообрядчество: в поисках потерянного града Китежа // Религия и общество: Очерки религиозной жизни современной России. –М.-СПб: Летний сад, 2002.
10. Филатов С.Б., Лункин Р.Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования, -М., 2005, № 6.
11. Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания. Отв. ред. М. Бурдо, С.Б. Филатов. – М., «Логос», 2003, Т. II.

O.F. Lobazova

CONTRADICTIONS AND TENDENCIES OF DEVELOPMENT OF RELIGIOUS CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY

Abstract: Religiosity uniqueness of modern Russian society into being for subjective and objective reasons. More essential contradictions in the process of its settlement give birth to positive and negative tendencies that take place in religious life and influence its state and prospects. *Keyword*: religiosity, contradictions, tendencies, religious life.

Key words: Religiousness, contradictions, tendencies, a religious life.

УДК 340.1

Михалкин Н.В., Михалкин С.Н.

ПРАВО КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН И ЕГО СУЩНОСТЬ, ИЛИ: ПРАВОПОНИМАНИЕ В СВЕТЕ ЭВОЛЮЦИОННОГО И СИТУАТИВНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДОВ*

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению права в рамках соотношения права как социального явления и правопонимания с объективным ходом развития социального. Статья раскрывает природу права, его суть, его понимание и трактования в свете взаимосвязи эволюционного и ситуативно-деятельностного подходов.

Ключевые слова: право, правопонимание, ответственность, труд, регулятивы, рациональность, критерии правопонимания.

Происходящие в стране процессы по совершенствованию судебной системы, по преобразованию содержания преподавания в юридических учебных заведениях страны, с целью повышения качества подготовки специалистов, в том числе и для судебного «корпуса», обусловливают необходимость дальнейшего исследования сущности такого социального феномена как «право».

Мы не отрицаем того факта, что абсолютное большинство исследований, посвящённых выявлению природы и сущности *права,* позволили выявить его значимые признаки, определить его место и роль в жизни человека и общества, сформулировать его понимание и дать ему определение.

Вместе с тем, рассмотрение данного феномена в рамках соотношения, сопоставления и соизмерения *права* с объективным ходом развития *социального*, как части живой природы, в котором действуют, а также проявляют себя объективные законы функционирования и развития естественной и искусственной природы, в рамках генезиса становления и развития *социального*, позволит, с учётом достижений современной науки, сформулировать более точное определение права.

Другими словами, социально-философский анализ права, опирающийся на добротную методологическую основу, на использование сложившегося в науке понимания *типов научной рациональности*[1], на эволюционный подход способен привнести в раскрытие сущности права значимый вклад. Именно с этой позиции авторы данной статьи и рискнули обратиться к проблеме раскрытия природы *права,* выявлению его сути, его понимания и трактования.

Для достижения поставленной цели они намерены сочетать ситуативно-деятельностный подход и идею «универсального эволюционизма»[2], в соответствие с которой все эволюционные процессы в природе и социоприроде подчиняются общим фундаментальным закономерностям.

Другими словами, читателя просят обратить внимание на тот аспект, что рассмотрение *права* будет осуществляться в контексте становления и развития *социального,* где человек, общество, государство, общественные отношения, во всех их проявлениях, и другие компоненты социоприроды – это суть искусственные создания и своеобразные системы, где системообразующим фактором выступает труд.

В связи с этим, авторы считают, что от выделения и рассмотрения условий возникновения, функционирования и развития *«социального»,* обнаружения тех необходимых и достаточных признаков-факторов, которые данное образование создают, формируют со всеми его специфическими особенностями, зависит реальное

* © Михалкин Н.В., Михалкин С.Н.

исследование природы и сущности *права*.

Социальное - это объект особого рода. Оно является реальным, но в определённой степени искусственным исторически и территориально органическим целым, обладающим внутренне дифференцированной и функционирующей природой, но с присущей ему совокупностью объективных законов и закономерностей своего бытия.

Социальное обладает потенциалом саморегуляции и саморазвития, ввиду того, что его элементы это активно действующие люди. Правда, оптимально и эффективно этот потенциал может осуществляться только в рамках достаточно адекватного «перевода» познанных закономерностей сохранения и развития *социального* в разряд регулятивов жизнедеятельности людей, социальных учреждений, организаций, в том числе и самого государства. Для пояснения сказанного обратимся к природе *социального*.

Характеризуя *социальное* и одноимённое понятие, его отражающее, специалисты в области языкознания выделяют следующие признаки, отражённые в рассматриваемом понятии: «*социальный* – это относящийся к жизни людей и их отношениям в обществе»;[3] «*социальный* – (лат. socialis) – общественный; связанный с жизнью и отношениями людей в обществе».[4]

Как видим, в качестве признаков *«социального»* выделяют следующее его свойство и черты: это все, что связано с жизнью и деятельностью, отношениями и связями человека на этапе превращения объединения людей в такую форму и способ их жизнедеятельности как общины и общество.

Первобытные же общины, долгое время являющиеся единственными социально-историческими организмами, бесспорно, были связаны с определенной территорией. В эпоху перехода от первобытного общества к классовому, возникли более сложные социоисторические организмы, состоящие из нескольких общин. К ним, например, можно отнести - племя. Классическим примером племен являются описанные Л. Морганом племена ирокезов: сенека, каюга, онондага, могауки, онейда.

При этом, на это мы также обращаем внимание читателя, каждый социально-исторический организм представлял собой конкретное объединение людей в котором наличествовала, развивалась система общественных отношений, *ядром* которых выступали *производственные отношения*. Они не только обусловливали все другие виды связей и взаимодействий между людьми, но были более развитыми, в них раньше чем в других отношениях стали проявляться объективные закономерности социального бытия.

И ещё! Важным признаком формируемых обществ являлось то, что они представляли собой социоисторический организм, отграниченный от другого, но сосуществующий с другими такими же органическими и ограниченными системами.

Сегодня *общество* понимается как относительно самостоятельная часть природы, «воплощение» социального, форма и способ жизнедеятельности людей, сложная социокультурная система, где системообразующим фактором выступает труд.

Оно характеризуется своими, созданными и создаваемыми людьми нормами, правилами, формами и приемами активной деятельности, общения. Особенностью этих регулятивов является то, что они формулируются на основе определённого *уровня и качества знаний* об окружающей человека среде его обитания и о самом себе, своей сущности и смысле своего существования.

Следовательно, реальное существование *социального* возможно лишь в обществе и посредством общества. *Социальное* проявляется в организованном бытии человека, в осознанных действиях человека, которые имеют сформулированную раци-

ональную цель и устойчивые взаимодействия, связи с себе подобными, неживой и живой природой. Более того, *социальное* всегда обрамлено совокупностью личностных *обязанностей* и *возможностей* (прав), которые воспроизводятся и развиваются.

Другими словами, *социальное* – это форма и способ различных видов и типов *бытия* человека в относительно устойчивом сообществе себе подобных, которое развивается и воспроизводится не только и не столько в рамках биологического, генетически обусловленного развития, но и *рационально* осмысленного развития, пронизанного эмоциями, чувствами.

И в этом проявляет себя один очень значимый *фактор* социального бытия – *социально-личностный*. Всё дело в том, что *социальное,* как своеобразный продукт развития искусственной природы, создаваемой человеком, его трудом при реализации им задуманного, запланированного, проявляет и закрепляет себя в определенных образованиях. Данные образования в обществоведческой литературе именуют понятиями «страна» или «государство». Другими словами, *социальное* реально существует в рамках определенного пространства и времени, в форме геосоциоров.[5]

В содержательном аспекте, как мы уже отмечали, *«социальное»* представляет собой социально-культурную систему особого вида. В ней всегда наличествует системообразующий фактор, который обусловливает единство всех элементов *социального,* их изменяемость во имя сохранения целостности большей структуры и обеспечения ей функциональности и развития. Если этот системообразующий фактор исключается из жизни определённого сообщества, страны, то, очевидна, такая система в своей природе перестаёт себя действенно проявлять во имя человека и для человека и, в конечном счёте, разрушается.

Из истории развития человечества известно, что для создания, сохранения и развития любых сообществ людей, для обеспечения их целостности, функциональности создавались и использовались определённые регулятивы. Они, по факту своего возникновения, в отличие от естественной природы, формировались человеком, Вместе с тем, они не могли и не могут не отражать объективную природу существования общества, так как в эволюционном развитии общества заключена объективная природа всего нашего мира.

Однако, во-первых, можем ли мы точно ответить на вопрос о том, когда и насколько полно в зарождающемся обществе начинают проявляются ему изначально присущие закономерные связи? Во-вторых, насколько полно социализирующийся представитель рода человеческого способен эти закономерные связи выявить и отразить в знаниях и правилах своего бытия? И, наконец, в каких *типах рациональности* и формах общественного сознания он готов и способен их отразить, закрепить и эффективно использовать?!

С появлением знаний, формированием различного вида и типа цивилизаций[6] создаются в обществе социальные нормы. Они предопределяют не только «обозначенное» поле проявления активности людей, но и запреты, выход за пределы которых предполагает привлечение конкретного человека к различного вида и типа ответственности.

Так вот, создаваемые людьми социальные регулятивы закреплялись в различных формах: мифах, вере, морали, эстетическом отражении действительности, формах обмена результатами своей деятельности и т.д. Они обусловливали обеспечение целостности, функциональности социального, создавали условия и были фактором регламентации поведения и деятельности людей в плане создания такой среды их жизнедеятельности, где могло бы осуществляться их развитие, сохранялась бы но-

вая форма движения материи - социальная. Конечно, сформулированные людьми регулятивы не могли не развиваться, совершенствоваться, а где-то какие-то исключаться и исчезать. В этом и проявляется суть относительной самостоятельности общества как части природы.

Таким образом, мы подошли к значимым для раскрытия замысла статьи обобщениям. Суть их состоит в том, что *социальное* содержит в себе объективные закономерности сохранения своей целостности, функционирования и развития. Эти закономерности могут проявлять себя только на определённом уровне развития социального. Они могут быть познаны в различных сферах жизнедеятельности людей с определённой долей истины. Они могут быть оптимально и эффективно использоваться людьми для обеспечения их же всестороннего развития и сохранения их будущности, если будут переведены на «язык» различного вида и типа социальных норм с учётом их психофизиологических, этнорелигиозных и других черт и свойств.

Одним из видов социальных норм и формой выражения познанных закономерностей существования и развития *социального* выступает *право*. Оно есть не что иное как определённый тип *научной рациональности,* но на той ступени развития научного знания и культуры, на которой находится конкретное общество. Другими словами, для возникновения и развития такого типа научной рациональности как *право* в обществе, должны *не* только возникнуть объективные, социокультурные и субъективные *предпосылки*, *но* и в соответствии с содержанием этих предпосылок будет сформировано соответствующее право!

Что касается объективных предпосылок, то из истории развития науки известно, что появление новых знаний обусловливается разрешением противоречий, если кратко их выразить, между «знанием и незнанием». Применительно к праву, его возникновение есть результат разрешения противоречий между необходимостью осознанно обеспечивать целостность, функциональность и развитие общества и человека и возможностями человека эту необходимость воплощать в действительность, превратить её в свои обязанности.

Этот тип рациональности возник не на «пустом» месте, ибо существовали уже и мораль, и религия, и другие. Правда, если для морали система регулятивов жизнедеятельности людей вписывалась в поле «добро и зло», для религии: «божественное намерение и божественное откровение», для эстетики: «прекрасное и безобразное», то для права – это поле определялось осознанными, сформулированными человеком и принятыми сообществом, «системой допущений и ограничений».

Данные допущения и ограничения обусловливаются многими факторами бытия человека, но в первую очередь его производственной деятельностью, совокупностью складывающихся в обществе системой экономических отношений. То есть, как мы уже отмечали, экономические отношения, являясь передовыми в палитре других общественных отношений, наиболее ярко отражают объективный закон развития *социального* и поэтому одними из первых находят своё закрепление в *праве*!

Обратим внимание на тот факт, что разделение труда и развитие товарного производства, являясь способом роста производительных сил общества, принуждают самостоятельных индивидов к жизнедеятельности при всеобщей зависимости друг от друга. При этом, возникающая взаимозависимость индивидов, являясь практически безличной, требовала такого позиционирования в социальных связях между людьми как *гарантии* соблюдения *интересов* отдельного человека. Из этих потребностей и «вырастает» новый тип рациональности, отражающий реальную закономерность бытия общества – *право*. Оно есть своеобразная «тонкая материя»

бытия общества и человека. Общество, посредством своих образований, намерено гарантировать отдельному своему члену, гражданину, *право* на удовлетворение своих собственных интересов, если он затратит определенные усилия на производство необходимой для общества услуги или иной ценности. При этом, его право будет обеспечиваться усилиями других членов общества.

Таким образом, общество намерено установить и обеспечить очень важный и одновременно сложный баланс интересов членов общества, который может быть воплощен в жизнь только тогда, когда все члены общества будут действовать и жить по одним и тем же правилам, совокупностью «ограничений» и «допущений». Следовательно, с позиций философского анализа мы приходим к выводу, что *сущность права* составляют *не* принимаемые *регулятивы*, обусловливающие границы допустимого в поведении и деятельности граждан, *а их предназначение* регулировать взаимные притязания граждан, их ожидания и требования адекватного общественного ответа на свои действия и усилия.

Что же относительно социокультурных и субъективных предпосылок, то они заключены в показателях уровня социальной зрелости общества, а также личности исследователя и «законодателя».

Более того, одной из особенностей жизнедеятельности *социального* является то, что власть конкретной страны, государство могут по-разному относиться вопросу формирования такого типа рациональности как право. Они могут «позитивно» заинтересованы в познании и переводе объективных закономерностей развития социального в «законы» жизни человеческого сообщества, или будут создавать ряд сложностей в познании, в выявлении и закреплении объективных законов бытия этого социального в регулятивах жизни и деятельности людей, социальных организаций и институтов.

Не менее важным является и то, что любой исследователь, в обосновании своих выводов, в силу своей социальной зрелости и социальной надежности, будет также исходить из наличествующей в стране национально-идеологической, культурной и, в какой – то степени религиозной социальной установки, будет ориентироваться на ту или иную парадигму или стиль мышления, на свои социально-психологические пристрастия, на интересы того или иного класса, страты, этноса, нации и т.д.

Вследствие объективных условий и субъективных факторов формирования типа рациональности – право, оно сохраняет пока исторически – классовые признаки. И до тех пор пока общество будет разделено на классы, оно будет носить классовый характер. Оно будет теснейшим образом связано с политическим устройством общества и, объективно, с его главным социальным институтом – государством. Вместе с тем, так как развитие общества и государства в определенной мере обусловливается наукой, то и развитие права не может не обусловливаться наукой. В реальности право будет представлять собой диалектически взаимообусловленное социальное образование, создаваемое людьми, но в рамках взаимопереплетений множества факторов. Это пояснение важно по сути, ибо и сегодня исследователь *права* и законодатель, также, как и любой исследователь, испытывает воздействия конкретных политических и идеологических установок, культуры, психологии, этнического самосознания и т.д.

Таким образом, *природа права* заключена в социальном образовании, но таком, которое соотносимо с природой объективных законов реального мира. Как и в неживой и живой природе, где существуют связи, которые являются внутренними, существенными, необходимыми и повторяющимися и отражают её данность, целостность и развитие, так и в социальном наличествует совокупность таких связей, но мы их

закрепляем в типах научной рациональности, одним из которых является право.

Право в обществе – это тот же закон, но закон социоприроды, который человечество пытается раскрыть и сформулировать, в рамках познанных и сформулированных критериев-показателей обеспечения её целостности, функциональности, развития и безопасности человека и самой социоприроды. В зависимости от уровня развития общества, его социальной зрелости и социальной зрелости граждан, право может приобретать различные виды, формы, становится значимым или нет средством и способом регуляции и развития общества и человека, обеспечения их безопасности и будущности.

Право, как тип рациональности – это формы разума релевантные динамическому характеру социоприроды, жизни и деятельности человека и его сообществ. В целом же мы приходим к выводу, что понятие *«тип рациональности как право»* отражает реальную возникающую и развивающуюся *меру* взаимного соответствия правильного мышления человека и порядка связей и взаимодействий элементов предметов реального мира.

Очевидно, что в каждую конкретную историческую эпоху и для каждого этапа развития социального данная мера устанавливается «заново», в зависимости от конкретных условий и уровня развития культуры человечества и, несомненно, науки.

В генезисе *право,* как социальный феномен, как своеобразное социальное образование проходит ряд этапов своего «совершенствования». С развитием общества, материального и духовного производства, с появлением государства изменяются как формы, так и содержание права. Более того, в разные исторические периоды, в разных обществах в соответствие с их культурой и уровнем их социальной зрелости, точно также как и социальной зрелости человека, право приобретает свои специфические черты.

Ведь нельзя исключать из анализа предмета нашего исследования того факта, что люди на протяжении долгого времени ситуативно, через метод проб и ошибок перекладывали на нормы *права* логику объективного закона развития социального, предлагая человеку содержательно-рациональную логику бытия.

Всё это свидетельствует о том, что *право:*

– это не статичная структура социальных регулятивов, а историческая форма и способ отражения объективного закона развития *социального,* где компоненты знаний-правил представляют собой суть временную зафиксированную деятельность мышления и практического действия;

- содержательно «право» отражает процессуальный и исторический компоненты анализа бытия социального;

- право – это *теоретико-практическая* компонента жизни человечества. Её *практический,* эмпирический материал – реальные тексты норм, как формы и способы отражения бытия людей. *Теоретическая* составляющая – это сущность объективного закона бытия социального, отражённая в результатах социальных исследований;

- по отношению к самому объективному закону развития социального, его существованию, сохранению, в том числе и самих людей, право – не канон, а совокупность социальных средств обеспечения будущности и человека, общества.

- если норма, социальная норма, отражённая в праве, имеет «своё» происхождение из общественных отношений, то, видимо, главный признак общественных отношений – позиционирование и ответственность, заключаются в праве.

В целом, из сделанных обобщений можно с достаточным основанием утверждать, что **право** – это *тип научной рациональности,* отражающий объективный закон

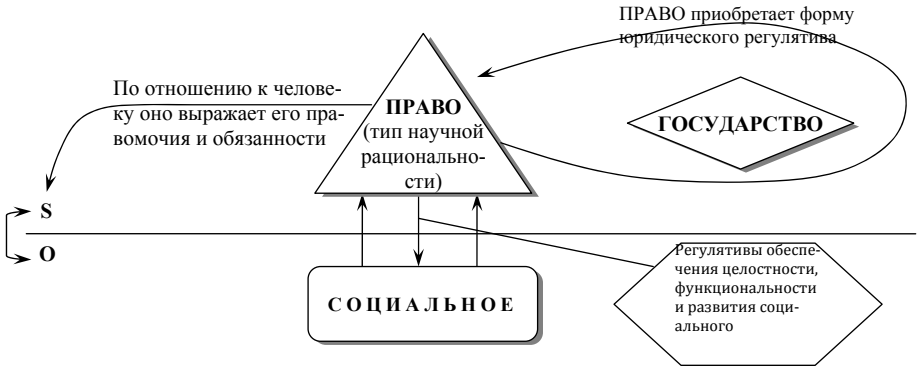
развития общества, человека и в целом социоприроды, воплощаемый в определённой системе допущений и ограничений (правомочий и обязательств), которые предопределяются уровнем развития науки, культуры и социальной зрелости общества и человека.

Руководствуясь ситуативно-деятельностным подходом и принципом эволюционизма, мы можем утверждать, что *право* как социальный феномен «воплощает» в себе уже проявляющиеся в *социальном* объективные закономерности его же существования и развития. В первую очередь *право* отражает в себе «экономические» закономерности бытия *социального* (общества), так как они реально не могут не быть наиболее развитыми, ибо обусловливают саму внутреннюю природу общества.

Другими словами, «рождаясь» как *тип* научной рациональности, выражающий объективный закон развития социоприроды, отражающий процесс и уровень развития человека и общества, со всеми его образованиями, *право* может проявлять себя и проявляет себя по-разному.

Суть и смысл данного феномена может трактоваться и пониматься и как *форма* экономического отношения обмена, и как *поле возможностей (правомочий)* человека, и как *правила* поведения и деятельности, обусловленные уровнем развития общества и его культуры, и как определенные *предписания*, и как *совокупность ограничений и допущений*, и как *норма*, и как *средство* определённых социальных институтов для достижения ими своих целей, и т.д.

Схематично это можно представить следующим образом, хотя, как известно, любая даже совершенная схема не может отразить полноты отображаемого предмета в его сути и содержании. Автор использует схему с целью условного выделения направленности «действий» или «проявления» права.



Так, право, «направляя» свой взор на *социальное*, выступает как своеобразная концепция его развития, а при высокой степени совершенства и как теория. Отражая уровень развития общества и, одновременно, выступая как тип научной рациональности, оно через правовую социализацию личности способно «регулировать» процесс общественного развития в настоящем и в тенденции.

«Проходя» же через такой социальный институт как государство, *право* приобретает «силу» *управленческого фактора*, «обрамляясь» возможностями принуждения по отношению к людям и социальным организациям, в том числе и к себе подобным субъектам – государствам. Оно становится средством и способом обеспечения управления структурами социального с пользой для реализации интересов определённых групп, слоёв, или для укрепления страны, повышения благосостояния граждан и т.д.

Важно здесь то, что при этом практически все отношения формируются и создаются через и посредством знания-целеполагания, через совокупность ограниче-

ний и допущений. Они включают такие регулятивы как: необходимо; разрешено; (не)безопасно; наказуемо; функционально; ценностно; целесообразно и т.д. В определённоё степени оно выражает волю политических структур, которые приобрели возможность использовать власть в своих интересах.

Что же касается человека, то право раскрывает перед ним «поле» возможных его проявлений, но в рамках достигнутых самим обществом возможностей. Другими словами, применительно к человеку *право* – это поле возможных проявлений, конкретных действий и деятельности человека, направленных на реализацию его возможностей, природных задатков, но обусловленное уровнем развития общества, его потенциалом к обеспечению запросов каждого члена и сложившейся культурой взаимоотношений между людьми и средой обитания.

Функционально *право* обеспечивает гармонию связей между устремлениями человека и потенциалом общества. Право для человека это то, что может предоставить ему общество, членом которого он является по факту рождения, но в рамках позитивного развития как самого человека, так и общества. Право служило и служит поэтому формой установления соответствия между обществом и человеком по критериям обеспечения целостности и функциональности общества через должное, необходимое.

Если учитывать, что человек (личность) может находится на разных уровнях социальной зрелости и надёжности, а высший только предполагает, что данная личность проявляет свою активность в плане совершенствования имеющихся социальных отношений и права, то только такая личность способна и готова наиболее полно понимать смысл права и его реализовывать в своей жизнедеятельности. У такой личности и наличествует полная палитра ответственности.

Для такой личности как право, так и ответственность соеденены в одной формуле: невозможно не исполнить свой долг, свою роль, своё предназначение как члена общества, как гражданина своей страны, государства.

Для гражданина право – это форма регуляции его активности в рамках: разрешено – запрещено. Но осуществляется это на уровне такого его развития, когда он понимает, что нужно сохранить целостность, функциональность и безопасность общества, человека и их будущее.

В целом же, при определении *права* через *тип научной рациональности* мы ни сколько не противоречим тому факту, что кроме права объективный закон развития общества и человека отражается другими типами научной рациональности, другими науками и закрепляется в других формах общественного сознания.

Всё в мире и, естественно, науках диалектически взаимосвязано. Более того, само право, как содержательное отражение объективного закона бытия социального, включает в себя различные виды знаний: нормативные и дескриптивные, структурные и исторические, психические и логические (рациональные).

Нельзя исключать и такого аспекта, как полиаспектность языкового и смыслового содержания права. И дело тут в том, что *право* как предмет нашего исследование, представляет, в определённой степени, «выразительное и говорящее бытие». Вследствие же этого, раскрытие и описание его сути в определённом смысле не будет совпадать с самой сутью и, в связи с этим, будет неисчерпаемо по своему *смыслу* и значению.[7]

Ведь если *право* в какой-то степени и есть выражение объективного закона социоприроды, то только на определённом этапе развития социального, когда в нём соединяются реальные связи природного, искусственного и развитый потенциал человека к творчеству, созданию, развитию себя, себе подобных и общества в целом.

Развитие же науки и общественной практики всегда будет привносить, при проникновении в суть исследуемого феномена, всё новые и новые его черты, свойства и выражения связей его элементов.

В то же время из понимания *права* как *типа научной рациональности* следуют *возможность* комплексной логики суждений и трактовки норм права, *полиаспектность* высказываний о связях элементов социального, закреплённых в различных правовых семьях, *варианты* комплексных регулятивов явлений действительности и их *различное* формопроявление и т.д.

При этом сохраняется и углубляется убеждение в том, что *основу права* составляет складывающаяся в обществе система общественных отношений, формируемых на основе удовлетворения потребностей человека и воплощения в действительность его активности, сопровождаемой и «пронизывающей» эту активность сознанием. И так как основу материализации активности составляют различного вида и типа потребности, наиболее значимыми из которых остаются естественные и безопасностные, то и ядро общественных отношений составляют экономические отношения, которые по определению находят своё преимущественное отражение в праве.

Очевидно также и то, что даже познанные закономерности бытия социального невозможно точно отразить и закрепить в различного вида формах общественного сознания. Правда, если изменить стиль социальной памяти человечества и наполнить наше мышление содержательной и инструментально-операционной компонентой, то тогда объективный закон функционирования и развития данного объекта можно переложить на *право*.

Конечно, при интеграции сообществ (стран) происходит и будет происходить универсализация и единение структурных элементов права, его форм, методов, принципов, правил, приёмов, форм. В конечном итоге, оно приобретёт адекватную объективному закону развития социоприроды форму выражения. В перспективе, с отмиранием государства и утверждением общественного самоуправления, может и должно сложиться *«одно» право*.

Сегодня, когда существуют институты политической власти, когда государство в разных странах играет разную роль в жизни человека и общества, когда и сами страны-общества разные, существуют и будут существовать несколько концепций права. И каждая из них будет отражать с той или иной долей истины природу этого социального образования, в которой заключён смысл объективного закона развития общества и человека.

Может быть, на данном этапе продуктивным будет найти меру и критерии оценки концепций, которые в строго научном смысле отражают объективный закон бытия социального и претендуют на роль теории права.

По мнению автора, такими критериями могут быть существенные признаки *права* как объективного закона развития социального:

- право должно быть *формой* установления соответствия между обществом и человеком по критериям обеспечения целостности и функциональности общества через должное, необходимое, разрешённое;

- право обязано, как объективный закон бытия социального, *носить* многоаспектный характер;

- право всегда должно *соотноситься* с противоположным понятием – ответственностью;[8]

Общеобязательная действенность, сила права определяется ответственностью, которая становится наиболее явной в случае использования государством власти.

- право должно *адекватно* соотносить конкретное общество по его уровню

развития и реального человека этого общества;

Адекватность взаимного соответствия человека и общества, общества и природы предопределяется и обусловливается содержанием ответственности человека за сохранение целостности и функциональности общества, а также за обеспечения гармонии общества и природы, в том числе и природы самого человека.

Применительно к конкретному человеку адекватность связей предопределяться должна фактом включённости его в систему общественных отношений, в процесс воспроизводства и защиты его ценностей.

Таково может быть понимание права, по мнению автора, если рассматривать этот феномен с ситуативно-деятельностного и эволюционного подходов, но с опорой на материалистический инструментарий, на логико-методологическую дисциплину мышления. И в заключение еще одно суждение – обещание.

Авторы не претендуют на истину, как говорят, «в последней инстанции» и готовы ответить на возражение исследователей, использующих другие подходы к выявлению сути права и его природы.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Тип научной рациональности – это совокупность средств и приемов познавательной (исследовательской) деятельности ученых и научных коллективов, научных школ и порядок их применения, усиливающих их правильное мышление и обеспечивающих выявление сути изучаемых объектов, выявление и фиксацию их качественных признаков на языке науки, а также логическое их оформление и использование в создании социоприроды, развитии человека и общества. Более подробно см.: Антюшин С.С., Мальков Б.Н., Михалкин Н.В. История и философия науки. М., 2008. С. 111-132.
2. Данная идея была сформулирована и обоснована Н. Моисеевым, И. Пригожиным, Э. Янгом.
3. См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1968. С. 546.
4.. См.: Современный словарь иностранных слов. М., 1992. С. 571.
5.. Это понятие ввел в оборот Ю.И. Семенов. – См.: Философия истории. – М., 2003. – С. 30.
6. Авторы считают, что цивилизационные отношения и цивилизации стали формироваться с того исторического момента, когда человек стал активно использовать знания для своей жизнедеятельности. Конкретно, в определении целей развития сообществ, обосновании способов достижения этих целей, а также в отражении познаваемых им законов общественного развития и развития самого себя, средствах своей жизнедеятельности, в нормах, которые регулировали его взаимоотношения с живой и неживой природой, с себе подобными и с результатами своей деятельности.
7. Чуть «забегая» вперёд можно отметить, что в смысловом значении понятие «право» изначально представляло собой обязанность человека действовать в соответствие с познанной сутью социального и предопределяло для него определённые требования. Сегодня же понятие «право» в большей мере отражает правомочия человека, что только в плане действенности этой нормы соотносит её с обязанностью и ответственностью человека, если он переступает за рамки правомочий.
8. По ответственностью автор понимает совокупность внутренних, на уровне личности, социальных и психологических представлений и убеждений о том, что она не может не исполнять свою социальную роль, а также признание совокупности мер, которые общество, в том числе и государство посредством власти может применить к ней, если она нарушит (переступит) границы дозволений и ограничений.

N.V. Mihalkin, S.N. Mihalkin

Law as a Social Phenomenon and its Essence, or: Law Understanding Regarding Evolutional and Situational-Active Approaches

Abstract:The author of this article describes the law as a sociological phenomenon and examines the understanding of the law in the context of evolution of sociological aspect of the society. The author talks about the nature of the law, it's essence and its understanding in the light of interaction of evolutional and situational approaches.

Key words: law, understanding of law, responsibility, work, rationality, criteria of the law understanding.

УДК 314; 008

Огурчиков П.К.

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО ПОТРЕБЛЕНИЯ И МИФОЛОГИЗАЦИЯ ЭКРАННОЙ КУЛЬТУРЫ*

Аннотация: В данной статье рассматривается вопрос об отчуждении потребителя экранной культуры в постиндустриальном обществе. Современное изучение культуры может быть сведено к описанию смысловых отношений между системами, порожденными техническим прогрессом. Это создает конфликт рационального мира вещей с иррациональным миром потребностей зрителя. Следствием становится новая система значений, которая пытается его разрешить. Новый человек экранной культуры использует предметы и их функции только через их визуальность, а не через понятие и образ. Вседозволенность и доступность становятся характеристиками этой новой культуры.

Ключевые слова: общество, общество потребления, экранная культура, ее визуальность и мифологизация.

Рассматривая подробно вопрос об отчуждении потребителя экранной культуры, можно согласиться с французскими философами в том, что современное изучение культуры может быть сведено к описанию смысловых отношений между так называемыми технемами, предметами или системами, порожденными техническим прогрессом. Эти отношения охватывают весь современный мир реальных вещей, они распространяют свое влияние и на потенциальных потребителей экранной культуры, которые внутренне переживают постоянно изменяющиеся технологические системы.[1]

Подобного рода взаимоотношения человека с предметом, вещью или технемой порождают конфликт двух типов реальности: рациональный мир вещей борется с иррациональным миром потребностей потенциального зрителя. Следствием такого конфликта становится определенная система значений, которая пытается его разрешить.

Постоянная переживаемая реальность существующих на экране предметов и отношений заслоняет собой мир начальных смыслов или «природных созвучий», в котором сливались ранее мир души и предметная реальность. Социальный контроль постепенно переносится во внутренний мир практически каждого представителя наступающей на сознание людей экранной культуры. Мир же этот всецело заполняется и удовлетворяется *степенью того или иного необходимого* (или якобы необходимого) *для социума соответствия*.

Важно заметить, что современная экранная культура постулирует свой довольно жесткий порядок в обществе своих потенциальных потребителей. Так, например, размеры окружающего зрителя пространства и обстановка переносятся на мир межличностных отношений и трактуются в понятиях «задачи» и «решения». Более того, постулируемые экраном вещи и отношения наделяются неким своеобразным «синтаксисом», который существует вне правил, по принципу «нехватки»: человеку начинает чего-то не хватать, а потенции пространства необходимы для того, чтобы иметь для потребительских вещей, ценность которых утверждает экранная культура, много места.

Следствием такого процесса становится неизбежное превращение человека,

* © Огурчиков П.К.

регулярно потребляющего экранную культуру, просто в «человека-потребляющего», интересы которого в соответствии «прирученным» моделям окружающего пространства социальному функционированию постоянно возрастают. Современная культура порождает тип личности, который функционирует одновременно как актер и манипулятор, отчасти отражая свою индивидуальность в предлагаемых экраном образах, которыми он насыщает свой внутренний и внешний мир. В том случае, если личность не соответствует создаваемому экранной культурой порядку, ей угрожают потерей благополучия, важной составляющей которого является удобство данного потребителя для социума.

В большинстве своем то, что предлагается современной культурой, намечает собой наступательное шествие моделей. Данный процесс дает их вла-дельцу чувство могущества и собственного превосходства над вещами, которыми он обладает и которые порождают собой ощущение обладания людьми и подчинения их себе. Статусом престижных моделей постепенно и планомерно наделяются и окружающие его люди тоже.

Постулируемый экранной культурой миф о превосходстве человека над техническим прогрессом приводит к тому, что самого обладания становится мало, необходимым оказывается создание некоей культуры «обладающего потребителя». Так рождается новый тип взаимоотношений экранной культуры и ее потенциального потребителя: человек расстановки.

В качестве идеальной модели «человека расстановки» правильнее будет позиционировать собственника, который функционально использует окружающий его мир, уделяя незначительное внимание миру внутреннему. Связано это с тем, что внешнее пространство воспринимается им как некая распределительная структура, благодаря контролю над этим пространством он держит в своих руках различные варианты взаимоотношений между предметами, которые впоследствии продуцируются им на мир его взаимоотношений с окружающими людьми.

Таким образом, описанные выше процессы позволяют проследить, как современный потребитель экранной культуры осваивает новые роли – вещей и предметов, которые поселяются в его внешнем и внутреннем мире. Современная культура пытается убедить потребителей своей продукции в том, что они, по сути своей, находясь «над» товарами и над людьми, больше уже не нуждаются в них, а лишь оперируют ими как опытный специалист по коммуникациям. Домашняя обстановка становится одним из переживаний практически каждого человека, которое всячески поддерживается экранной культурой. К числу манипулятивных способов поддержания внимания потенциально потребителя экранной продукции относятся следующие выражения, довольно часто встречающиеся в разных ее видах:

1. «Один из вас».
2. «Типично для современного поколения».
3. «Поможет решить все ваши проблемы».
4. «Вы сможете осуществить ваши желания».

Таким образом, предлагаемая современной экранной культурой человеку расстановки игра с системой ценностей берет на себя функцию его самовыражения. Можно заметить, что в этой логике игры содержится прообраз некой общей стратегии человеческих отношений, своего рода, модуса вивенди новой технической эры, который имеет опасную тенденцию совершить переворот не только в умах узкого круга регулярно потребляющих экранные продукты людей, но и во всей цивилизации.

Интересной в этой связи нам представляется позиция Ж. Бодрийяра, который разделил понятия «традиционной» и «современной» вещи. В середине прошлого века так называемая «традиционная вещь» переживалась как некий «раб и наперсник человеческой души», в котором отражалось представление человека о внешнем и внутреннем порядке. В таком мире взаимоотношений предметов и человека расстановки предлагаемая система отношений становилась своего рода «рубежом между внутренним и внешним».[2]

Исследователь внутреннего и внешнего порядка потенциальных потребителей современной культуры предлагает в данном контексте определение «чаши», как воображаемого вместилища смысла вещей и отношений, которые способны вбирать в себя душевный опыт прежнего и нового хозяина. Такие предметы способны отражать в себе мировоззрение индивида, достойного такой характеристики, как «сосуд душевной жизни». Дом потребителя и его жизнь превращается в символический эквивалент человеческого тела, структура которого постепенно начинает соответствовать структуре общества. Причем все вместе дает некий целостный образ жизни, чей глубинный строй создает впечатление строя некоей первозданной субстанции, откуда и вытекает ощущение особенной ценности происходящего.

Современное общество потребления во многом определяет восприятие и психологические особенности «человека-потребляющего» тем, что преподносит ему экран. Под влиянием воздействия экранной культуры на сознание почти каждого потенциального потребителя ее продукции существенные изменения претерпевает в современном обществе «картина мира» человека. Изменения эти связаны, прежде всего, с тем, что сутью социального функционирования экранной культуры становится формирование новой, мифологической аудиовизуальной картины мира. На наш взгляд, в развитии этой картины мира можно выделить три основных этапа.

1. Первый этап – сакральный.

2. На втором этапе происходит появление произведения искусства, как такового, в котором видоизменяются отношения изображаемого и изображения.

3. Появление означающего без означаемого – образа-симулякра.

Первый этап определял особые отношения между самим культовым предметом и божеством, которого он воплощал. Всегда существовала особая связь между этими двумя объектами, которые находились друг с другом в «магических» отношениях.

Следующим этапом развития и существования визуальной культуры является появление произведения искусства как такового, в котором видоизменяются отношения изображаемого и изображения. Оно характеризуется, прежде всего, тем, что уменьшается телесная сакральная функция, но объект окончательно не исчезает. Теперь произведение оперирует неким образом. Оно никак не связано с самим изображаемым в отличие от иконы или идола. В качестве примера можно привести искусство, в котором изображаемое и изображение существуют на дистанции. Ярким воплощением этого принципа является феномен живописи.

В истории искусств существовало ряд тенденций, которые способствовали как преодолению этого разрыва, так и форме его устойчивого состояния. В той или иной степени, при этом, ощущалась потеря традиционной сакральности, изменение ее качества. В различных зашифрованных формах проявлялись мечты о сакральной телесности произведения искусства. Например, можно вспомнить «Портрет Дориана Грея» О.Уальда или «Портрет» Н.В. Гоголя. «Разнесенное» на образ и изображение произведение искусства время от времени пыталось преодолеть эту ситуацию раз-

личными, порой противоположными путями. В качестве примера можно привести реалистическую тенденцию в живописи, которая пыталась соединить образ и изображение. Подобный принцип лежит также в абстрактной живописи, которая оказывается способной создавать саму реальность образа в его беспредметной форме.

В этом смысле можно сказать, что искусство XIX – XX веков подготовило феномен экрана. Так, первоначально фотография, появившаяся в XIX веке, была неким физическим воплощением преодоления разрыва между образом и изображением. Кинематограф стал ее динамической формой. Это изобретение, по мнению некоторых исследователей, явился воплощением реалистической мечты в искусстве. Появление кинематографа явилось своеобразным повтором сакральной стадии, когда изображаемое и изображение стало вновь существовать слитно.

Новая культура экрана возникла как изначальное единство этих концептов. Изображение в кадре чаще всего воспринималось как пустой, бессмысленный слепок с реальности, в котором отсутствует образ. По этой причине кинематографу часто отказывалось в принадлежности к традиционным искусствам. Следствием попыток получить «статус» нового искусства стали поиски собственной образности.

Современный этап развития свидетельствует о том, что экранная культура готовится к вхождению на новый уровень. Приходит новая модель, в которой снова соединяются означающее и означаемое путем упразднения образа. Перед нами оказывается только само означающее без означаемого – симулякр. Происходит это, прежде всего в виртуальном пространстве.

Рассмотрим отличительные особенности нового типа экранной культуры:

1. Новое изображение оказывается лишенным значительной доли образности.

2. Образная функция отходит на второй план.

3. Новое изображение является пустым, не имеющим референции.

Благодаря этим особенностям многие исследователи заговорили о приходе нового «образа-симулякра», характерным, прежде всего, для новой экранной культуры. Его отличие от предыдущей стадии, на которой возник кинематограф в том, что кинематограф имел фотографическую природу, и был тем самым связан с реальностью, являлся физическим слепком с нее. Новое изображение по сути своей не имеет никакой связи с окружающей нас реальностью. В определенном смысле, новая экранная культура является новой виртуальной реальностью, которая может быть сравнима с сакральной реальностью первого этапа.

Итак, слитность означаемого и означающего прошли три стадии. Первая стадия – стадия сакрального идола, когда присутствовал одновременно и сам Бог, и его знак в одном теле. Далее, пошел длительный процесс разделения образа и изображения, который осуществляло искусство. Вторая стадия характеризовалась появлением кинематографа, когда эти две составляющие – образ и изображение были слиты воедино, причем упор был сделан, прежде всего, на изображении, а не на изображаемом. После этого вся история развития кино являлась поиском способов придать кинематографическому изображению статус образа.

В настоящее время наступает современная стадия виртуального пространства, когда появляется изображение без изображаемого, причем связь его с реальностью необязательна. Если в предыдущей стадии изображение было реалистично и имело референцию, то сейчас этой референции нет. Изображение и есть сама реальность. В определенном смысле этот этап напоминает первоначальный (сакральный), когда реальностью был идол, а сейчас реальностью является киберпространство.

Интересно, что степень воздействия на потребителя новой реальности экранной культуры сопоставима с мифологической. В научной литературе можно встретить мнение о ней, как о новой мифологии двадцать первого века. Это особое сакрально-мифологическое пространство имеет иные, отличные от реального возможности, с помощью которых происходит трансформирование сознания человека. Новым «идолом» становится киберпространство.

Рассмотрим его отличительные особенности, отделяющие киберпространство от традиционных форм искусства:

1. Искусство – это отражение жизни – процесс создания образа как особого обобщения и осмысления действительности, а киберпространство – это моделирование событий в свободных координатах времени-пространства, и в этом смысле киберпространство есть сама жизнь.

2. Схожесть современного киберпространства и сакрального пространства создают иллюзию безграничных возможностей тому, кто включен в него, в определенном смысле уподобляя человека Богу.

3. Осуществление заветных желаний и нереальных фантазий меняют пространственно-временные границы таким образом, что сокращается дистанция между «Я-реальным» и «Я-виртуальным», что ведет, безусловно, к изменениям в психике человека.

4. Современная экранная культура в большинстве своем не производит за редким исключением «продукции метафизической», ее основная цель – кибервизуальность, которая представляет эту «метафизику».

5. В отличие от традиционной новый тип экранной культуры характеризуется лишением нового изображения значительной доли образности.

6. Смысл продукции новой экранной культуры ограничивается только лишь видимым, а образный пласт сужается до минимума.

7. Изображения и виртуальные миры экрана не несут в себе ничего, что выходит за рамки текста, порождая тем самым пустое изображение.

Этот тип изображения соответственным образом воздействует на сознание тех, кто включен в восприятие экранной культуры, создавая определенный тип зрительского ожидания. Современный зритель в подавляющем своем большинстве становится не восприимчивым к иному типу текстов, содержащих традиционную образность. Данный процесс может быть охарактеризован как десакрализация экранной культуры.

Историческая цепочка такова «идол – икона – картина – фильм – виртуальная реальность» напоминает схему, предложенную П. Флоренским в работе «Иконостас»: лик – лицо – личина:

1. Лик – это нечто, соответствующее смыслу или идее, к лику можно отнести идола и икону.

2. Лицо указывает на существующую реальность, к лицу можно отнести картину и фильм.

3. Личина – полная ему противоположность, маска, за которой нет ничего, пустая видимость, личина похожа на лицо и пытается себя за него выдать, она является тем, что, как считает Флоренский, в отличие от лица, указывает на несуществующую реальность, к личине можно отнести виртуальный мир - мир неистинных имен вещей.

Таким образом, виртуальное пространство оказывается одной из красноречивых моделей такого мира личин, симулякров. П. Флоренский, опираясь на пони-

мание реальности через понятие лика и лица, считал, что личина есть ни что иное, как псевдореальность. Однако в настоящее время в связи с тем, что традиционная «реальность» теряет свои позиции, псевдореальность заменяет саму реальность.

Описанные выше процессы характеризуют изменение современной картины мира «человека-потребляющего» продукты экранной культуры. В первую очередь, это касается ее пространственно-временных характеристик. Например, исчезают понятия «территория», «граница», «расстояние», их заменяет понятие пространство, которое способно быть экономическим, информационным и пр. Данные результаты глобализационных процессов делают актуальным вопрос: каким представляется индивидуальное бытие человека и наций в ситуациях индивидуального, глобального и национального времени-пространства?

Глобализация как тенденция современной экранной культуры создает условия пространственно-временного нивелирования и разрушает индивидуальную и национальную самобытность субъекта восприятия. Восприятие времени также изменяется, что влечет за собой изменение величины и меры человеческой жизни и социально-исторического бытия. Время и пространство – суть психологические феномены, которые необходимо рассматривать как категории национального культурно-исторического бытия.

В связи с глобализационными процессами и созданием новой единой виртуальной реальности изменяются также традиционные понятия: «глобальное» – «национальное» пространство, «масштабное» – «глобальное» время». Изменяется и понятие времени: прошлое, настоящее, будущее начинает восприниматься как единое виртуальное пространство-время. Появляется новое представление о глобальном - пространстве-времени. Традиционные представления временной и пространственной вертикали и горизонтали рушатся.

Известно, что восприятие пространства и времени во многом определялось историческим, культурным, религиозным развитием и географическим положением народа. Например, Г.Д. Гачев пишет о горизонтальной оси раскрытия пространства в России.[3]

Эти понятия образуют «модель мира» на основе, с которой человек воспринимает действительность и создает образ мира. Например, пространство, как писал П.Флоренский, есть: «... самосвоеобразная реальность, насквозь организованная, нигде не безразличная, имеющая внутреннюю упорядоченность и строение, - причем такая реальность, в которой разворачивается культурно-историческое бытие народа».[4]

Подобное культурное бытие основано на идеях разделения, отличия, которое в настоящей культурно-исторической ситуации отходит на задний план. В современных условиях все понятия места, его закрытости, отгороженности и соответственно уникальности меняются на безличностность и глобальную открытость. Виртуальное пространство разрушает также понятие континуума и временной непрерывности. Впрочем, в русском самосознании пространство и время воспринимаются особо, через понятие границы: судить об этом можно хотя бы по тому, что именно в подобных терминах определяются постоянные российские проблемы: «промежуточное положение», «пребывание на распутье», «переходный период», «переломная эпоха». Теперь вре-мя воспринимается иначе, открывая новую эпоху – состояние безвременья.

Перестают существовать понятия «неизвестного» и «загадочного». Все известно, достаточно только нажать на соответствующую «гиперссылку». И тогда любой

текст становится ни чем иным, как глобальным гипертекстом, связанным чуть ли не с каждым элементом картины мира. Таким образом, виртуальной реальностью предлагается другой вариант мира, который оказывается более реальным, чем сама реальность. Процесс этот обусловлен большим удобством этой реальности для человека, что, собственно и становится одной из основных причин культурной деградации.

Вся существующая до этого культура строилась на преодолении понимания того, что человек мал, слаб, смертен, его знание и возможности ограничены. Пространство было слишком велико по сравнению с человеком, время вечно по отношению к человеческому времени и т.д. А человеку приходилось все это преодолевать. Вся культура была порождена механизмом преодоления для человека, которому всегда чего-то недоставало. Теперь появился мир, соответствующий новому образу, в котором нет границ, и есть все, даже смоделированный образ самого человека.

Новый человек экранной культуры «прекрасно» соотносится с особой выстроенной реальностью: он использует предметы и их функции только через их визуальность, а не через понятие и образ. Вседозволенность и доступность становятся характеристиками этой новой культуры. Визуальность в том виде, в котором она присутствует на экране монитора и на телевидении, начинает носить характер анонимности. Анонимной при отсутствии сакральной оси становится реальность, анонимным начинает становиться человек. Его подлинная реальность замещается виртуальным пространством, реальность исчезает под натиском замещающих ее образов. Равенство времени исторического, времени действия и времени зрительского, берущее свои истоки от телевидения, существенно изменяет установки восприятия реальности, готовит человека к появлению нового, еще более поглощающего сознание типа экранной культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1.Бодрийар Ж. Символический обмен и смерть. – М., 2000.
2.Бодрийар Ж. Система вещей. – М., 1995.
3.Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. – М., 1995. С. 212-217
4.Флоренский П.А. Обратная перспектива. – М., 1986. С.136
5.Кириллова Н.Б. Медиа-культура. От модерна к постмодерну. – Екатеринбург, 2005.
6.Барт Р.Мифологии. – М., 1996.
7.Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. – М., 1991.
8.Делез Ж. Логика смысла. – М., 1995.

P.K. Ogurchikov

CONTEMPORARY CONSUMPTION SOCIETY AND MYTHOLOGIZATION OF “SCREEN” CULTURE

Abstract: Modern consumer world and mythology of the screen culture. This article dwells with the issue of growing detachment of the consumer of the screen culture in the postindustrial society. Contemporary studies of cultures can be brought down to descriptions of meaningful relationships between systems created by technical progress. This causes a conflict between rational order of things and irrational world of needs of spectators. As a result, we have a new system of meanings that attempts to solve the conflict. A new man of the screen culture uses objects and their functions only through their visual nature, and not through notions and image. Permissiveness and all-accessibility become characteristics of this new culture.

Key words: Society, consumer society, screen culture, it visual nature and mythologisation.

УДК 930.1

Полякова И.П.

КРАСОТА ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ В ИСКУССТВЕ*

Аннотация: Проблема красоты повседневной жизни представляется интересной для социальной философии. В течение многих лет повседневность не являлась предметом исследования, так как считалась субъективной сферой человеческого бытия, лишенной высших смыслов. В настоящее время данная позиция в отношении повседневности была пересмотрена. В последние десятилетия, вопросы, касающиеся различных аспектов повседневной жизни интересуют специалистов самых различных областей научного знания. В данной статье рассматривается проблема красоты повседневной жизни в изобразительном искусстве и влиянии красоты на повседневность личности.

Ключевые слова: красота, повседневность, искусство, визуальность искусства, красота как ценность, эстетические системы.

Тема повседневности становится актуальной для теоретических исследований в XX веке. Вплоть до этого времени повседневность представлялась как весьма специфическое явление, в котором господствует не разум, а чувства и воля, спонтанные, сиюминутные желания и страсти, характеризующие человека чаще с отрицательной стороны, а все высшие духовные устремления личности (нравственный подвиг, смысложизненные искания, борьба за идею и т.д.) рассматривались за гранью повседневности. Сегодня на повседневности как важнейшей форме жизни сосредоточено внимание многих гуманитарных дисциплин: истории, культурологии, этнологии, психологии, социологии. Но интегральное описание повседневности возможно в рамках именно философии.

Повседневность является важным элементом культуры. Она наравне с интеллектуальной и художественной культурой является важнейшим аспектом любой цивилизации. Именно она наглядно свидетельствует об изменениях в менталитете, психологии, понимании красоты, которые не были чем-то постоянным, а в своей динамике, несомненно, характеризовали ту или иную стадию развития общества. Вот как о повседневности писал А. Щюц: «Повседневность – это именно мир культуры, потому что, будучи изначально миром повседневной жизни, он является универсумом значений для нас, т.е. структурой значений, которую мы должны интерпретировать, чтобы обнаружить внутри нее нашу «наличную цель» и прийти к согласию с ней» [6]. Однако к такому отношению к повседневной жизни и осознанию важности ее исследования пришли далеко не сразу. Следует подчеркнуть, что игнорирование ее основных проблем наблюдается во всех областях социо-гуманитарного знания. И та же тенденция наблюдается в искусстве.

До XVII века преимущество в изобразительном искусстве отдавалось иконописной традиции, в частности изображению библейских сюжетов в эпоху Ренессанса, великим битвам, прекрасным лицам, «достойным» запечатления, прекрасным уголкам природы. Пожалуй, самый яркий эпизод в истории от начала нашей эры, как отмечает Т.А.Акиндинова, - это открытие значимости повседневной жизни человека в культуре северной Европы XVII века. Так, в искусстве Нидерландов появляются бесчисленные картины на темы обычной мирской жизни: плетение девушкой кружева, торговец в рыбной лавке, посещение лекарем больного и другие обыденные явления в жизни «простого» человека притягивают взгляд художника,

* © Полякова И.П.

заставляя любоваться собой [1].

То, что изначально подвергалось уничтожающей критике, и тщательно скрывалось, а именно бытовые аспекты жизни человека, в XVII века выносится на суд общественности и вызывает восторг. Повседневная жизнь человека, окружающий мир вещей притягивают и художника, стремящегося запечатлеть момент, и обывателя, любующегося замершим моментом жизни, так похожей на его собственную. Сфера материального бытия обретает самостоятельную ценность. Она не противостоит духовности, напротив, многие ее элементы присутствуют в изображении обыденной жизни: забота матери о младенце, вдохновенный труд мастера, тепло и уют домашнего очага, вкушение пищи под образами и пр. Изображение мира созданных человеком вещей также содержит сакральную интенцию, и повседневное бытие человека излучает одухотворенность.

Таким образом, искусство с одной стороны, есть зеркало реальности, которое отражает повседневность сквозь призму восприятия мира художником в соответствии с мировоззрением, общественно-политическими условиями эпохи, в которой он живёт. С другой стороны, благодаря искусству возможно конструирование повседневности. В процессе коммуникации между произведением искусства и индивидом, зарождаются «новые образы повседневности». Важно подчеркнуть, что изменения отношения к повседневности в искусстве происходят параллельно с изменениями в общественной жизни, сменами экономической и социальной системы, идеологии, философии. Положительные моменты повседневности XVII-XVIII веков сменяются в XIX веке отталкивающими эпизодами обыденной жизни рядового человека. Достаточно популярными стали изображения бродяг, нищих музыкантов, проституток, то есть низов общества, дабы шокировать общественность их неприглядной жизнью. То есть манящая, уютная повседневная жизнь благополучных людей сменяется мрачными картинами одинокой, несчастной жизни маргиналов [2].

XX век вновь открывает для себя искусство XVII века, это обусловлено возросшим интересом к повседневной жизни человека. Более того, повседневное бытие обретает небывалую до сих пор значимость. В эстетике повседневности раскрываются основные порядки человеческого бытия: нормы и правила поведения, законы моды, новый тип телесности, специфика интерьера и т.д.

У каждого человека есть, безусловно, свои представления о «прекрасном» и «безобразном», зависящие от исторической эпохи, места жительства, культурных условий среды, в которой он рос и воспитывался. Однако даже если исключить все социальные наслоения и оставить лишь природную человеческую сущность, нам и тогда будет понятна красота. Красота – это порядок, гармония, соотнесенность элементов, их целостность. Для того чтобы что-то принять, прежде мы должны это понять, то есть установить для себя причинно-следственные связи явлений, их последовательность, упорядочить их. В связи с этим, эмбриональной стадией искусства археологи называют натуральное творчество – материализацию реальных объектов с помощью естественных символов. Находить красоту в окружающей действительности, желание запечатлеть и сохранить является естественной потребностью человека. Эстетизируя окружающий мир, человек формирует окружающее пространство, которое становится его повседневным миром.

Представления о красоте формируются в основном под влиянием повседневной реальности, в которую погружен человек. Сама повседневность несет в себе определенные этические и эстетические смыслы. Именно в XX веке повседневность стала рассматриваться как бесконечное поле возможностей для экспериментов,

неограниченное пространство приложения творческой энергии художника. Любой произвольно взятый фрагмент повседневности, начиная от любого конкретного эпизода из жизни человека и самого прозаичного предмета, типа стула, унитаза, половника, могут быть перенесены в пространство выставочного зала и претендовать на звание произведения искусства. Смысл данного акта - наделить любой фрагмент повседневности иным, не повседневным, необыденным, неутилитарным значением (или выявить это значение), превратить его в событие художественно-эстетической культуры.

Вариативность манипуляций бесконечна, и в конце XX века подобные арт-практики в визуальных искусствах фактически вышли на первое место. Подавляющая часть экспозиционных пространств международных биеннале последних лет 20 века была занята арт-проектами, так или иначе манипулирующими фрагментами, элементами, документами повседневности. Интерес художественно-эстетического сознания постмодернизма к повседневности существенно подогрели многочисленные исследования повседневной жизни французских социоантропологов 80–90-х годов Мишеля де Серто, Пьера Бурдье, Жоржа Баландье и других. Систематически и досконально исследуя все аспекты повседневности самых разных слоев населения, они стремились показать, что именно здесь можно достичь понимания каких-то глубинных основ человеческой жизни, а не в ее канонизированных формах, как это имеет место в религиозных и философских учениях или произведениях элитарного искусства.

Безусловно, на протяжении истории многократно менялись формы искусства, мода, даже представления о формах телесности, но никогда красота не теряла своей актуальности. Напротив, в печальные, переломные периоды истории ценность красоты значительно возрастала, и человек умел находить прекрасное в обыденных вещах.

В конце XX века социологи заговорили об эстетизации повседневной жизни, которая приняла массовые формы. В настоящее время люди озабочены качеством субъективных переживаний и заняты созданием красивой, увлекательной жизни. Все сферы жизни должны быть прекрасны (жилище, обряды, ритуалы, мода, внешность, зрелища и т.д., т.е. фактически все проявления эстетического в повседневной жизни).

В связи с этим рассмотрим, что представляют собой эстетические системы и каким образом они способны влиять на отдельных людей и общество в целом. Эстетические системы - то связующее звено, которое соединяет профессиональное и массовое знание, превращая первое из свойства элитарной культуры в фактор повседневного бытия. Эстетические системы разрабатываются конкретными людьми, но довольно быстро приобретают статус общепринятости.

Эстетические системы предлагают обществу определенный набор норм и правил, закрепляемых художественными образами. Получая популярность, художественные образы становятся рекомендуемыми и, в конечном счете, желаемыми моделями поступков или поведения. Эстетические системы воздействуют на массовое сознание через читательские предпочтения, посредством СМИ. В изобразительном искусстве, в художественных произведениях демонстрируются некие модели повседневной жизни, узнаваемые, но несколько видоизмененные, которым хочется следовать. Смена эстетических систем на этом фоне дает воспринимаемые индивидуальным разумом признаки развития общественной жизни. Появление новой эстетической системы всегда воспринимается рядом людей и даже целыми об-

щественными группами как руководство к действию, как созидательный толчок и мощный творческий импульс.

Опираясь на эстетическую систему, человек принципиально изменяет пространство своего обитания, создавая новые архитектурные формы, украшая их новыми произведениями искусства и продуктами массового спроса в соответствии с изменениями в привычках и нравах. Здесь наблюдается так называемый «эффект Дидро». Когда великий мыслитель получил в подарок новый халат, он обнаружил, что тот ни коем образом не вписывается в обстановку старой, вернее, в данном случае, морально устаревшей по сравнении с халатом мебели, да и обстановки в целом. И ему пришлось кардинально видоизменять весь рабочий кабинет. Действительно, эстетическая система помогает человеку организовать собственное поведение, подчиняя его возникшей необходимости и заставляя людей осознавать последнюю как насущную потребность. Сам облик человека, его манера поведения, привычки существенно меняются под прямым или опосредованным воздействием эстетической системы.

Эстетическая система создает стиль, который, посредством моды, тиражируется и переводится в пласт повседневного бытия. Опираясь на установки эстетической системы, человек в известной мере изменяет и собственную природу, формируя новые нормы поведения, воспитывая новые привычки, создавая новые традиции. Благодаря эстетическим системам общество довольно быстро тиражирует новый тип личности, способный жить в динамично изменяющемся мире и жаждущий новых знаний, новых ощущений, новых впечатлений, новых усовершенствований в быту и общественной жизни. В настоящее время эстетизация настолько глубоко проникла в человеческую жизнь, что действительность приобретает черты, которые раньше мы видели у искусства [4].

Эстетика посмодерна интересна и своеобразна. Она не теряет своей актуальности и продолжает изумлять, стимулировать воображение зрителя. Это относится прежде всего к утверждению плюралистической эстетической парадигмы, ведущей к расшатыванию и внутренней трансформации категориальной системы и понятийного аппарата классической эстетики. В эстетике постмодерна на первый план снова выходит *телесность,* принимающая различные эстетические ракурсы — желания (Ж. Делёз, Ф. Гватгари), либидозных пульсаций (Ж. *Лакан,* Ж.-Ф. *Лиотар),* соблазна (Ж. *Бодрийар),* отвращения (Ю. *Кристева).* Подобный сдвиг привел к модификации основных эстетических категорий.

Творцы ищут красоту в асимметрии, дисгармонии, несовершенных формах, и как это ни удивительно, находят ее. Пристальный интерес к *безобразному* выливается в его постепенное «приручение» посредством эстетизации, ведущей к размыванию его отличительных признаков. *Возвышенное* замещается удивительным, трагическое — парадоксальным. Центральное место занимает комическое в его иронической ипостаси: ирония становится смыслообразующим принципом мозаичного постмодернистского искусства. Другой особенностью постмодернистской эстетики является онтологическая трактовка искусства, отличающаяся от классической своей открытостью, нацеленностью на непознаваемое, неопределенное [3]. Поощряется эклектика, избыточность художественных форм, много и разноцветие, все «гипер» воспринимается на ура.

Постмодернистские принципы философского маргинализма, открытости, описательности, безоценочности ведут к дестабилизации классической системы эстетических ценностей. Постмодернизм отказывается от оценок искусства, оно самодостаточно. Аксиологический сдвиг в сторону бóльшей толерантности во многом

связан с новым отношением к *массовой культуре,* а также тем эстетическим феноменам, которые ранее считались неинтересными и второстепенными. Внимание к проблемам эстетики повседневности и потребительской эстетики, вопросам эстетизации жизни, окружающей среды трансформировали критерии эстетических оценок ряда феноменов культуры и искусства *«кича, кэмпа* и т.д.). Стерлась грань между элитарным и массовым искусством, как собственно и грань между традиционными жанрами и средствами изображения.

Для искусства постмодерна характерен сдвиг с антропоцентризма, на антропокосмоцентризм, то есть гуманное отношение распространяется не только на человека, но и на природу, космос в целом. Кроме того, для эстетики постмодернизма значимыми являются как европейское понимание прекрасного, так и красота Востока, Африки и др. стран, что позволяет утверждать многообразие, самобытность и равноценность всех граней творческого потенциала человечества. Тема религиозного, культурного, экологического экуменизма сопряжена с неклассической постановкой проблем гуманизма, нравственности, свободы. Признаки становления новой философской антропологии соотнесены с поисками выхода из кризиса ценностей и легитимности.

Так, к примеру, интересной представляется концепция «эстетической жизни» Р.Рорти. По его мнению, «человеческая природа» не определена, она должна быть «открыта», «сформирована» эстетически. С «неистинным «Я» более актуальным становится не «самопознание», а «самосозидание» («самоконструирование»), творчество жизни по образцу произведения искусства. По мнению Шустермана, мы должны направлять нашу жизнь по линии «эстетического императива», стараться превратить свою жизнь в «произведение искусства». Эстетическое здесь проявляется в том, что от жизни мы ждем той же цельности, выразительности и завершенности, что и от произведения искусства. Проект Шустермана не сводится к требованию самосозидания и принимает во внимание необходимость созерцательной красоты; в его концепции сильны гедонистические мотивы [5].

Действительно, смысл красоты заключается не в том, чтобы человек, вырываясь из мира повседневности, приобщался к прекрасному и вновь возвращался к серой обыденности, а в том, чтобы красивой стала сама его жизнь, чтобы искусство стало неотъемлемой составляющей его повседневной жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Акиндинова Т.А. Об историко-культурных истоках эстетики повседневности/Т.А. Акиндинова // Эстетика в интерпарадигральном пространстве: перспективы нового века. Материалы научной конференции 10 октября 2001г. Серия «Symposium», выпуск 16. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С.1-10.
2. Акиндинова Т.А. Эстетическое и этическое в XX веке: снова о Канте / Т.А. Акиндинова// Этическое и эстетическое: 40 лет спустя. Материалы научной конференции 26-27 сентября 2000г. Ресурсы докладов и выступлений. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С. 12-14.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр - М.: Культурная революция; Республика, 2006. С. 150-158.
4. Касавин И.Т.. Анализ повседневности/ И.Т. Касавин, С.П.Щавелев. – М.: Канон+, 2004.-432с.
5. Лелеко В.Д. Эстетика в интерпарадигмальном пространстве: перспективы нового века /В.Д. Лелеко// Материалы научной конференции 10 октября 2001 г. Серия “Symposium”, выпуск 16. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С.34-36.
6. Shuts A. Collected Papers. V1, The Hague, 1962. P.34.

I. Polyakova,
Lipetsk State Technical University, Lipetsk

THE BEAUTY OF EVERYDAY LIFE IN ART

Abstract: The problem of everyday life is really interesting nowadays. One of the most interesting aspects o everyday life is the beauty and its influence on peoples lives, the other side of the esthetical problem is the interest of artists, writers to ordinary life. They prefer to avoid the everyday life, because its considered not beautiful and sometimes even ugly. But since 17 century the situation has changed. The person as he is the most interesting subject. His domestic problems, his desires, his troubles, his house and his family are the most popular sources of inspiration for people of art. The main tendency of modern art are described in this article.

Key words: Beauty, daily occurrence, art, visilitian arts, beauty as value, aesthetic systems.

УДК 161.1:316

Романова И.Н.

ХАРАКТЕР СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ*

Аннотация: Статья содержит описание природы социальной трансформации. Автор представляет механизмы позитивной гражданской модернизации под эгидой центризма.

Ключевые слова: социальная трансформация, критерии утопизма теорий, центризм политики, социальная апология, социальная технология.

Социальная трансформация — нерасчлененное понятие, описывающее преобразовательные социальные эффекты. Теория объясняет, социальное действие совершает, творит реальность. По сути своей оно есть борьба не за правду, а за упрочение. В этом обоюдоострость социального действия, призвание которого в практике представлены двумя линиями. Первая: молчаливое признание, что нельзя делать историю без любви к ближнему. Глас народа — глас Божий. Главное в действии — сохранять, поддерживать, обеспечивать естественный тип вершения истории, воспроизводства жизни. Смотря на вещи слишком пристально, как Горацио в «Гамлете», политика обмирщает лишь тот курс, который санкционирует народ. Отсюда ставка на легитимацию, отсутствие которой сродни диктатуре. Когда из структуры бытия следует тлетворная политическая монополия? При подрыве демократии, когда обстоятельства способствуют, чтобы культура правителя сузилась до бесконечно малого, чтобы он мог превратиться в точку и заявить, что это есть его и единственно верная точка зрения.

В такой ситуации смещаются понятия допустимых масштабов, границ целенаправленного воздействия на общество в особенности жесткими социальными технологиями, практикуется предвзятое (из априорных идеалов) тиранотворчество. Логическое создание упрощенного типа человечества: усилия подвести под этот тип живого человека; вмешательство правительственной власти во все отрасли общественных предприятий; стеснение труда, торговли, пользования собственностью; наложение пут на семью и воспитание, на верования, нравы и обычаи, на самое чувство; принесение отдельной личности в жертву общине, всемогуществу государственной власти, — именно в этом и состоит существо социальной диктатуры [2].

Вторая линия единит дизайнеров политического шока, усматривающих в народе не более чем сборище периэков. «Где народ, должен быть стон» — кредо перешедших рубеж допустимого политиканов. Зловещ лозунг «нравственно все, что служит коммунизму» [1]. Проводя его в жизнь, не останавливались ни перед какой кровью.

Чем навеян небезобидный предрассудок дозволенности утверждать на массах политическую исключительность? Истоки понятия возможности, допустимости всемерно править обществом, культурой, жизнью — в механистической картине мира, использующей метафору «социум — заводные часы с человеом-винтиком». Комплекс конструируемости реальности утверждался в европейском духе при переходе от качественной космософии Средневековья (идея несокрушимой общественной иерархии) к выпестованному Ренессансом взгляду на мир как полю приложения деятельности, предмету собственного творения. Согласно такой парадигме всякий фрагмент мира — объект для обсчета, производя который, можно содержательно его исчерпать, знать о нем все желательное.

* © Романова И.Н.

«Измерить все, что измеримо, и сделать измеримым все, что неизмеримо», — на уровне методологической рефлексии итожил Галилей, придавая квантитативизму императивный статут. До Галилея, чисто эмпирически, в практике государственного строительства схожие идеологемы проводил Макиавелли, втискивавший державный опыт в узкую колею голого, строгого расчета. Рычаг социального созидания вычисление. Такой тактики держались вышедшие из механицистко-техницистского концептуализма авангарда Гитлер и Розенберг; материализующий инструментальный способ модернизации России через форс-мажорную индустриализацию за счет крестьянства Сталин; проектировавшие по сакрализованным текстам коммунистическое общество в одной отдельно взятой отсталой стране маоисты и полпотовцы и прочие социальные инженеры.

Обществом можно не править, а управлять, на локальном уровне полагаясь на самоорганизацию, на страновом, региональном и глобальном уровнях — на действие циклов и мегатенденций (понимание истории — понимание ее ритмов).

Революционеры казнят монархов, потом друг друга. В этом их недалекость: кто не живет ни для кого, не живет и ради себя. Основное в жизни — жизнь. В погоне за вожделением человечества — свободой и справедливостью — требуется понимать глубину их диалектики: нет свободы без справедливости, без справедливости нет свободы.

Барьер между мечтой и реальностью, вероятно, впервые пытались преодолеть Уот Тайлер с соратниками, стремившиеся синтезировать воображение с социальным утверждением, насадить на Земле желанные сады Эдема. До этого прецедента гражданскими преобразованиями занимались лишь в мыслях, высоко воспаряя над реальностью в спекуляции. Утопия слишком легко реализуется. В этом ее недостаток. Последнее высвечивает деятельность всякого рода концептуалистов-сектантов типа хилиастов, милени-аристов, подобных им прожектеров. Утопия реализуется слишком легко. Сказать так — значит не сказать всей правды. Вся правда же состоит в том, что утопия реализуется слишком страшно.

Гносеологический корень утопии — наивно-реалистическая презумпция зеркального соответствия бытия и мышления: что в идее, то и в жизни, истории. В утопических — фантастических планах общественного реформительства не хватает пустяка — точки опоры, под которой разумеется добротная программа наращивания показателей существования. Обычно при описаниях идеалов политическая технология их достижения игнорируется. Какую известную прошлому — от якобинской до большевистской тирании — утопическую политическую форму ни взять, в отсутствие технологического обсчета своего кредо она порождает резню, национальную бойню.

Кто сказал, что гносеологические (идеологические) ошибки невинны? Перед лицом находимого в истории океана крови надо расстаться с этой иллюзией. Когда мир пытается облобызать идеалы, он не просто посягает на их чистоту — рекрутируя в неких палестинах своих адептов, защитников, он слишком поспешно клеймит несогласных тавром отверженных. Общественное целое раскалывается на верных и неверных, праведных и греховных, приверженных и отлученных. Начинает раскручиваться маховик репрессий.

Утопия — негодный, кровавый движитель социального реформаторства. За идеал можно гибнуть. Но индивидуально. На групповом уровне истребление недопустимо. По всем канонам — и как теория, и как метод — оно должно быть выдворено за социальную раму. Народ не фигурант, а лицедей истории. Оттого приемлемы

лишь неущемляющие народной судьбы, крепящиеся на ясных, обозримых целях, ориентирующие на повышение уровня жизни реалистические проекты социотворчества. Реализация их обеспечивается опосредованной связью слова и дела, где роль медиатора играет народная воля.

Не устоит царство, разделенное внутри себя. Желание запустить преобразования «жить по-новому» нужно согласовывать не с понятием неизбежности изменений (что практиковалось и в марксизме-ленинизме, указывающем на необходимость перемен, якобы вскрытых теорией), а с народной волей. Тогда жизнь будет похожа на жизнь, управляемую не привносимой извне, но своей собственной жизненной логикой.

Сказанное навевает необходимость различения в общественной практике социальной апологии и социальной технологии. В задачу апологии входит фиксация гуманитарно оправданных, цивильных образцов общественного устройства, которые, подчиняя части целому как властвующему началу, никогда не упускают из вида ничего, что может сделать всех, насколько это подобает, достойно живущими. Социальные технологии практически проводят, реализуют интересы и цели, влияют на жизнестроительство, ускоряя, сдерживая его темпы. Социальные апологии заявляют, обосновывают, разумно ставят, оправдывают цели и интересы; посредством концептуальной проработки, интеллектуальной тематизации социальных действий они целеориентируют социальные технологии.

Технологии и апологии неразрывны в пространственно-временном и прагматическом измерениях. Выступающие под знаменем социалистической риторики недавние идеологии перестройки парировали упреки в отсутствии четко сформулированного, ясного плана общественной реформации простым доводом: «Социализм — живое творчество... народ сам в процессе жизни нащупает, выдвинет, достигнет искомого» (А. Яковлев). Спрашивается: искомого чего? Ведь цели, стремления, идеалы у общественных, этнических, конфессиональных групп и отдельных людей разные. Уточнение направленности реформ лишь на уровне апологии: насыщение рынка, нормализация межнациональных отношений, совершенствование демократии и т.д. — маниловски непродуктивно. Образ потребного будущего в отсутствии технологии его достижения хилиастичен. В серьезной политике, высот которой так и не достигли зачинщики перестройки, не бывает программ без планов действий. Жизнеспособный, жизнетворный союз теории и практики в политике — конкордия апологий с технологиями. Апология конструирует, проектирует, технология претворяет. К апологии ближе законодательная власть, к технологии — исполнительная. Во всех своих назначениях они синхронизированы.

Апология как стратегический ресурс дальнего прицела судит о строе, конечных целях. Технология как тактический, избавленный от глобализма, отрешенности, совершенствующий ресурс судит о механизмах и институтах. Достоинство апологии — глубина идей, связывающих почву с цивилизационными универсалиями. Достоинство технологии — слаженность, оперативность воздействий в створе мелиоризма. Учитывая важность тезиса, выскажемся пространнее.

Социальным технологиям противопоказан радикализм «быстрее, дальше, больше»; не насилующая революция, а щадящая эволюция — режим их отправления. Рациональность их обеспечивается: — постепенностью социальных изменений; — демпфированием возмущений; — слаженностью властей через разделенность функций; — предотвращением автократии; — саморегуляцией, минимальностью централизованных вмешательств в автохтонные ритмы жизни; — искоренением мании

грандиоза, крупномасштабных всеобъемлющих реконструкций социума.

Крупномасштабность, революционность, радикальность применительно к преобразованию реальности — синонимы безответственности; сопровождающиеся насилием, страданием, они противопоказаны социальным технологиям. Постепенная, постадийная, обозримая, критичная, рефлексивная, обходящая форс-мажорную утопию эволюция — объект желаемого.

Политика — резюме просеивании, отбраковки фигур отклоняющегося, мизантропичного поведения, гражданси опасных девиаций. Естественный отбор направляет воспроизводство жизни по вектору воплощения гуманитарных констант, абсолютных устоев социальности. Сказанное — не пропаганда идиллической пасторали, когда, выражаясь библейским слогом, волк живет вместе с ягненком, а барс лежит вместе с козленком, и теленок, и молодой лев, и вол пребывают вместе, а ударение на избирательности в логике пролонгации исторической жизни.

Общественное бытие упорядоченно, внутренне связно, регуляризовано, что означает (в массе, на больших интервалах) исключение экстремизма, затратных крайностей. Обмирщаются немногие конкурентоспособные возможности, отличающиеся преимущественной жизнестойкостью в гарантиях достойности существования. Социальность, сколь бы полиформной она ни была, строится не как попало. Скажем, нужна политику программа наращивания потребления. Ближайшее решение — сокращение населения: уполовинишь сограждан, вдвое поднимешь уровень жизни. Приемлемо? Смотря как рассуждать. Если социальная политика автономна от жизни — приемлемо (практика красных кхемеров). Если социальная политика не автономна от жизни, а подчинена ей — не приемлемо. Инверсность социальной политики как обоюдоострого и ценностно несамодостаточного предприятия особенно важно представлять в наши дни — дни омассовления политосферы, при нарастающем понимании того, что «убить человека» и «убить человечество» опасно сблизились (Адамович). Рациональность социальной политики таится в диалектических хитросплетениях триады «цель — средство — результат», навевающих диспозиции: 1) не все цели хороши; 2) даже хорошие цели нередко недостижимы; 3) даже достижимые хорошие цели никогда не достигаются любой ценой.

Историей правит произвол, утверждал Шеллинг. С его мыслью в контексте обсуждаемого предмета мы позволим себе не согласиться. Историей правит не произвол, а прошедшие испытание цивилизационным отбором принципы целесообразной организации жизни. Произвол в мысли — от «охотящейся за людьми» (Платон) софистики; произвол в истории — от государственно и морально безнравственного, безрассудного политиканства, защищающего не ценности, а величайшие химеры. Сопрягаемая не с «фоном личности», а с социальными устоями политика по всем азимутам блокирует девиации. Отправная ее точка — жизненные гарантии, неважно чем обусловленные — ритуалом («ли» конфуцианцев), законом («фа» легистов), мифом (древневосточные Авеста, «Законы Ману», гесиодовские «Труды и дни», аккумулирующие нормы «совместного поселения»), — но регуляризующие самоосуществление лиц, правителей, государств, народов.

Рациональность в социальной политике приобретает редакцию противостояния цивилизации варварству. Имеются два принципа существования: дивергенция — линия почвы, наращивания многообразия (тот же Восток с началом подданичества и Запад с началом гражданства) и конвергенция - линия единства истории, цивилизационных инвариантов (обеспечение достойного воспроизводства жизни во всех регистрах экзистенциальности). Как ни обустроивать жизнесферу, суть — в

достижении гарантированного существования, укреплении уверенности в завтрашнем дне, преодолении отнимающего лучшую часть доблестей рабства, духовном, гражданском раскрепощении, творческой продуктивной самореализации.

Спектр воздействий на социальные единицы обозрим, достаточно узок. Наименее эффективны в нем традиционные, центрально-административные технологии, связывающие людей через диктат обряда, бюрократии. Богатство инициатив, простор воплощений здесь втиснуты в прокрустово ложе автоматичных реакций на директивы. Предпочтительнее либеральные технологии, не исключающие наблюдения, присмотра, опеки, но ставящие на суверенность, предприимчивость субъективного.

Деятельностные акты, позитивные, негативные (блокирование инициатив), нацеленные на оптимальное достижение целей, проведение интересов, не могут не быть конформными опыту созидания социальности по обосабливаемому естественным отбором множеству общезначимых форм, олицетворяющих начала достойного, желанного, потребного существования. Интенция на подобные формы в мысли и действии, не избавляя вовсе от в виде флуктуации пробивающегося произвола, конституирует законосообразность, упорядоченность социосферы, а через это — ее рациональность.

«Разум схватывает не жизнь, а сверхчувственную интеллектуальную интуицию», — настаивает Гегель. Все наше социотворчество есть один сплошной непрекращающийся разумный эскапизм — уход в идейную, интеллектуально-интуитивную иллюзию. Обустройство реальности у нас доктринально; разворачивается как смена умозрительных вех: православие — самодержавие — народность; Ленин — партия — комсомол; демократия — рынок — открытое общество.

Понятия, интеллектуальные интуиции, идеалы есть. Нет жизни, организующейся не по понятиям. Творение истории не историософско. Пора покончить с мелким арапством перед идеологией. Идеи обслуживают, а не заслоняют жизнь. Per fas et nefas у нас ставили метафизические эксперименты по обмирщению идеалов, реификации исторических глобальных целей. Но глобальная история не имеет целей. Цели имеет локальная деятельность. Обустройство локалов по обозримым, вполне внятным планам — вот цель. Любить, верить и служить самим себе — вот программа.

В фокусе не завоевание, а благополучие. Не вообще, а конкретных исторических лицедеев — народов, этносов, лиц, борющихся за собственное понимание свободы, удовлетворения, процветания.

В создавшихся условиях необходима оценка наличных активов, магистралей потребного общественного развития. Нужна трезвая платформа взвешенных инициатив, мобилизующая на созидание гуманного, изобильного, свободного, продуктивного социума.

Перспективной силой, наделенной полномочиями субъекта национального действия, обеспечивающей гражданский мир и благополучие народов России, является, по-нашему мнению, *социально-политический центризм,* который: — *идейно* блокирует экстремизм, радикализм; — *экономически* акцентирует мелиоризм — систему обозримых, осязаемых, улучшающе-преобразующих починов; — *социально* исповедует эволюционизм, сбалансированно-некатастрофичные трансформации; — *психологически* дискредитирует авангардизм, эсхатологизм, мессианизм.

В самой широкой редакции, следовательно, центризм есть продуманный антимонополизм, избегающий в вершении истории нездоровых претензий на исклю-

чительность, декларативность, профетизм, стремлений выступать от имени «большого времени», «прогресса», неизбежно приносящих человеческую судьбу на алтарь «идеала».

Двойные тени двойных истин дают двойную ложь. Вспомним хилиазмы «большого скачка». Сталин замышлял досрочное выполнение пятилеток; Хрущев — контрамериканский животноводческий демарш; Мао — общекитайский бросок. Без ресурсного, технологического обсчета в магические три года. Упоминая об этом без каких-либо претензий, желательно подчеркнуть небезболезненность преобразовательных экзальтации. И Россия, и Китай, как впоследствии Кампучия, захваченные страстью как бы сбывающейся мечты, пережили трагедию национального холокоста. Откуда видно, что доктринальной мифологии сопутствует бестиализм; безответственный прогрессизм требует якобинизма. Но борьба не создает, а разрушает ценности. Движение через гильотину — маршрут гибельный. Бытие должно быть избыточным относительно срока индивидуальной жизни. Если ради идеального порядка надо топить и вешать, то, как говорил Чехов, к черту такой порядок.

Доказательства ничтожности кабинетно проектируемого существования — примеры, подтверждающие его величие. Потому сусальные краски не пригодны для описания мира, именуемого «наше будущее». Довольно доктринерского изображения действительности, кладущего начало бесчеловечному царству неизменно посрамляемых идей. Равным образом отвергая как доктринерство, так и бестиализм, ставя при этом на первый план интересы граждан, простых людей, правильно в политической деятельности руководствоваться принципами:

— постепенности, ненасильственности социальных реформ ввиду нежелательности, опасности (многократно усиливаемых ядерными, экологическими факторами) общественных катаклизмов;

— человеколюбия: гармоничное развитие личности, приобщенной к высотам правовой, гражданской, экологической, физической, соматической, интеллектуальной культуры;

— демократического участия: заинтересованная вовлеченность индивида, предполагающая полноту самореализации, его представленность в общественных институтах;

— свободы: гарантии опирающегося на народовластие, правовой строй персонального волеизъявления;

— социальной справедливости: ликвидация пропасти в доходах 10% наиболее высоко- и низкооплачиваемых, поощрение продуктивной инициативы, обеспеченная оплата таланта, труда, твердые патронажные программы поддержки малоимущих, социально уязвимых слоев;

— этнической терпимости: равноправное, достойное развитие всех этнических групп, имеющих национально-культурную автономию, на условиях федеративного объединения входящих в территориально неделимую Россию;

— конструктивного взаимодействия страны с мировым сообществом, интеграции России в мирохозяйственные связи, активного формирования единых экономических, культурных, коммуникационных контуров и пространств.

Время мысленных живописаний для России прошло. Настала пора ответственных, практических шагов и действий. Реперами инноваций России как непреходящей самобытной, самодостаточной компоненты цивилизационного процесса выступают: — полиэтнизм; — поликонфессиональность; — демократизм; — гражданский консенсус; — патриотизм; — гуманистичность развития; — толерантность социальных технологий; — главенство закона; — правопорядок; — дистанцированность от экстремизма, фанатиз-

ма, радикализма.

Под лозунгом «Свобода, Закон, Стабильность» открывается перспектива созидания гуманного, продуктивного, устойчивого социума. Социума, в фокусе которого не абстрактный человек, а конкретная личность, имеющая простор творчества, гарантии самореализации.

Отстаивая всесторонне продуманные национальные интересы, можно твердо высказываемся за правообеспеченную легальную полезную деятельность, деловую активность, предприимчивость. Выход из пошехонья — в социально-созидательном партнерстве, а не бунтарстве: — соучастие в стабилизации мирового порядка; — отказ от импульсного развития, переход на платформу устойчивости инноваций; — обуздание монополий; — рефинансирование собственного производства; — демократизация практики социального вовлечения, участия; — внедрение чувствительного прецедентного права, принятие законов как кодексами, так и нормами (в особенности в сфере цивильного, земельного, залогового, банковского права); — прогрессивная динамика населения в зависимости от адаптированности, богатства, достойности, величия гражданских притязаний; — региональное, корпоративное сотрудничество, укрепляющее авангардные статусные позиции.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 311.
2. Тэн И. Социализм как правительство. СПб., 1884. С. 7.

I.N. Romanova

NATURE OF SOCIAL TRANSFORMATION

Abstract: The article describes the plot of social transformation. The author presents the mechanisms of positive civic modernization on centrism basic.

Key words: Social transformation, criteria of utopianism of theories, centrism of a policy, social apologia, social technology.

УДК 101.1:316

Тугуши С.А.

ГИПЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ И КИНОПРИТЧА*

Аннотация: В статье рассматривается гипертекст как форма, характерная для кинопритч, снятых в эпоху постмодернизма и постпостмодернизм как один из смыслообразующих факторов. Гипертекст исследуется на материале притчи К. Вимера «Эквилибриум».

Ключевые слова: кинопритча, гипертекстуальность, гипертекст, постмодернизм.

В эпоху постмодернизма интертекст в фильмах, снятых в эстетике постмодернизма, принял форму гипертекста, то есть сверхтекста (иерархия текстов, одновременно составляющих единство и множество текстов). Понятие гипертекста пришло в нонклассику из внехудожественного компьютерного опыта организации текстового пространства, оказавшегося созвучным структуралистски ориентированной культурологи, философии, эстетике. Суть его в гуманитарных науках состоит в том, что культура в целом, как и все его фрагменты, включая и обычные вербальные тексты, рассматриваются в качестве некой целостной структуры, складывающейся из совокупности текстов, определенным образом внутренне и (или) внешне коррелирующих между собой. Часто эти связи трудно вербализуемы, но они ощущаются исследователем, сумевшим проникнуть в суть данного гипертекста и найти некий шифр для его прочтения.

Наиболее активно понятие гипертекста работает применительно к культуре, искусству XX века (в литературе и кинематографе), многие произведения которых, особенно второй половины столетия, сознательно создаются в рамках гипертекста, ибо этот тип текста наиболее адекватен ситуации XX века, в которой причудливая смесь элементов культуры и посткультуры сама представляет собой супергипертекст.

Понятие гипертекста было введено в науку в 1960–1980-е годы Т. Нельсоном, который определил его как нелинейный развертывающийся текст, позволяющий читателю самому выбирать маршрут движения по его фрагментам, то есть путь чтения. Структуралисты, постмодернисты, а затем теоретики сетевой литературы довели определение гипертекста почти до строгой формулы, которая сводится к тому, что гипертекст – это многоуровневая система информационных (вербальных или каких-либо иных) блоков (или гнезд), в которой реципиент волен свободно нелинейным образом прокладывать себе путь считывания информации.

Структура гипертекста, основу которой составляют многоуровневая разветвленность и обилие перекрестных ссылок, программно предполагает возможность свободного входа в текст в любом его месте и произвольное странствие по его лабиринту, состоящему из, как правило, самодостаточных фрагментов-симулякров, размытость функции автора, множественность авторов, активизацию реципиента (или читателя) до уровня полноправного автора, самостоятельно выбирающего, например, линию развития сюжета. На этих принципах построены гипертексты компьютерных романов (1). Более того, гипертекст децентрирован по своей природе – идея централизации неизбежно разваливается в бесконечности референтных ссылок. Что касается безграничности гипертекста, то масштабы виртуального пространства глобальной сети практически не знают никаких границ и барьеров.

* © Тугуши С.А.

Интертекстуальная игра и свобода мыслимая через интертекстуальную составляющую превратилась в ее практическом воплощении в «клиповое сознание». Конечно, можно говорить о том, что благодаря этому возникает так называемое «гипертекстуальное сознание», к которому апеллируют композиция текста, в какой-то мере приравнивающая на уровне интерпретации автора фильма и зрителя, поскольку прочтения текста фильма зависит по преимуществу от самого зрителя. Это совершенно иное сознание, ориентированное на свободу выбора, и есть свои плюсы в проявлениях мозаичности, серийности, дискретности как элементов новой постмодернисткой стратегии сознания и прочее. Эффект обладания сознанием подобного свойств – классический фундамент, для которого это свобода нелинейности является усилением его возможностей.

Словом, это еще одно изменение в сознании современного человека. Он сталкивается с проблемой симуляционного пространства, создаваемого новейшими технологиями. В 90-е годы на передний план вышла специфически новая форма передачи и восприятия данных, связанная с использованием технологий виртуальной реальности. Сегодняшнее информационное пространство значительно отличается то того, которое окружало человека 70–80-х годов, и, главным образом, тем, что в жизнь людей вошла виртуальная реальность. Если говорить об онтологии виртуальной реальности, то необходимо отметить, что это не что иное, как область симулякров (означающих без означаемых).

Собственно симулякр приходит на смену тому, что было принято называть художественным образом. Если интертекстуальность базируется на понятиях художественного образа, символа и т.д., то гипертекст ориентирован, прежде всего, на симулякр. Конечно, это не означает, что гипертекст начисто лишен символа и образа, но именно идеологический дрейф, в который ложится гипертекст, лишает во многом его образности и символизма. Отсюда появляется абсолютно умозрительная замена – симулякр, как элемент бесконечного пространства. Новый тип текста принципиально меняет способ построения текстового пространства и пространства мышления – на смену одномерному тексту пришел многомерный гипертекст. Гипертекстуальность совершенно свободна в выборе любых отсылок и ассоциаций.

Гипертекст в эпоху постмодернизма стал в кинематографе гораздо эффективнее, чем в литературе. Гипертекст оказался гибким приспособлением, которым можно манипулировать и так и эдак, что было удобно кинематографу. Чтобы пояснить, что мы имеем в виду, надо проследить за лабиринтом, в образе которого предстает гипертекст, погружающий зрителя в свой нелинейность, понятие которого способствует восприятию смысла фильма.

В кинопритчах, снятых в эстетике постмодернизма, гипертекст получает свое разрешение. Примером могут служить притчи и фильмы с притчевым начало режиссеров представляющих разные национальные киношколы: «Основной инстинкт» (1992) П. Верхувена, «Адвокат дьявола» (1997) Т. Хэкфорда, «Матрица» (1999) Э. и Л. Вачовски, «Эквилибриум» (2002) К. Виммера и др.

Притча «Эквилибриум» представляет синтез притчи, фантастической утопии и триллера. При рассмотрении в ней феномена гипертекста, эта картина вызывает интерес с той точки зрения, что она «вобрала» в себе тексты из тех фильмов, которые реализованы в эпохе модернизма и постмодернизма, представляя собой культуру кино постпостмодернизма.

Фильм «Эквилибриум» представляет авторское кино. Виммер автор сценария и режиссер постановщик. Он показал картину мира в начале XX века, свое ощуще-

ние апокалипсиса, после окончания третьей мировой войны. Ознакомимся с текстом фильма, посмотрим, как выглядят гипертекстовые отсылки, то есть, как одна отсылка переходит к другой отсылке в процессе формирования смыслового поля картины.

Текст фильма вызывает гипертекстуальную ассоциацию с притчами «451^0 по Фаренгейту» (1966) Ф. Трюффо, «Альфавиль» (1965) Ж.Л. Годара, «Матрица» (1999) Л. и Э. Вачовски и их героями, и прежде всего с «Метрополисом» (1927) Ф. Ланга. В картине автор, наряду с другими трепещущими темами, обращается к теме апокалипсиса, которая волновала мастеров кино на протяжении долгих лет ушедшего столетия. Виммер с темой апокалипсиса перекликается с режиссерами разных национальных киношкол.

Прежде всего, гипертекстовая реминисценция «Эквилибриума» отсылает к тексту фильма Ланга «Метрополис», который повествует о фантастическом городе, которым правит жестокий и бесчеловечный диктатор на основе классового неравенства, мечтая овладеть всем миром. Образ города представлен как расколотую на две половины жизнь: люди-рабы, ютящиеся среди разрухи и нищеты, создают несметные богатства для обитателей Верхнего города, где находятся роскошные апартаменты хозяина метрополиса.

В фильме Виммера действие происходит в вымышленном государстве Либрия (2), которым управляет диктатор, упоминающийся как отец. Либрианцы подчинены воле отца, они превращены в рабов, живут одинаковым образом и одинаковой жизнью. В «Метраполисе» жители города движутся в глухих коридорах, в герметических лифтах, они обезличены и как бы стерты. Либрианцы, одетые в одинаковые униформы, так же двигаются по глухим коридорам, полностью подчинены правилам существования в городе, их лица не выражают никаких чувств и эмоций. В обоих фильмах на экране идут колонны рабочих с низко опущенными головами – живые роботы индустриального мира, а город представлен в виде домов-цилиндров, небоскребы освещены тусклым серым цветом, узкие городские улицы напоминают трущобы (изобразительная часть гипертекста).

Гипертекстуальная ассоциация «Эквилибриума» отсылает зрителя к тексту фильма «451^0 по Фаренгейту». Трюффо в фильме повествует о разрушении духовных ценностей, выступая в их защиту, без которой человек превращается в бездумного робота, одержимого манией разрушения. Он вводит в фильм тему любви человека к книгам, и героями фильма вместе с людьми становятся книги.

Герои фильма – пожарники, обязанности которых заключаются не в том, чтобы гасить пожары, а в том, чтобы сжигать книги и охотиться за интеллектуалами. Тема сжигания книг оказалась одной из тем фильма. Пожарные машины мчатся на фоне разных пейзажей, чтобы разжигать огонь, ведь пожарников хорошо обучили, как находить спрятанные от них книги, чтобы сжечь их с помощью огнемета. Старая дама сгорает вместе со своей тайной библиотекой. Эта сцена снята как трагедия человечества. Гибель каждой книги – это гибель каждого человека, и самосожжение старой женщины символизируют гибель человечества и его культуры. Сцену сожжения книг режиссер снял предельно эмоционально, драматически показывая насилие над мыслью и над теми словами, которые создали художественный мир культуры.

Виммера, как Трюффо и Годара, тоже волнует разрушение духовных ценностей. Поэтому в «Эквилибриуме», как в «451є по Фаренгейту», охотятся за интеллектуалами, их обирают и истребляют. Шедевры мировой культуры находятся вне закона. Они хранятся у интеллектуалов в тайниках. Сжигаются книги, фильмы, картина

Джаконда Леонардо Да Винчи, запрещено слушать музыку, уничтожаются интерактивные компьютерные программы. Персонажи фильма, правительственный агент Джон Престон и его соратники ассоциируются с персонами Трюффо, с Брандмейстером и пожарниками, которые сжигают человека и уничтожают духовное наследие человечества.

Гипертекст проявляется и в отсылке к «Альфавиле» Годара, действие которого происходит в будущем, в городе гипотетического государства Альфавиль (Альфа – 60), которое управляется Священной машиной – электронно-кибернетическим мозгом, логичным и бездушным, диктующим гражданам определенное состояние, положение и настроение, то есть народ превращен в рабов электронной машины. Людям дозволено пользоваться словами из так называемой «библии», которую имеет каждый житель города; она переиздается ежедневно и толкует принятый смысл слов; люди разговаривают циклическими фразами. Им неизвестны виды искусства, им чуждо чувство любви. Люди живут в состоянии патологического страха, особенно старшее поколение, которое доживает свой век с ностальгией об ушедших временах, когда человек чувствовал себя человеком и личностью. Инакомыслящие подлежат уничтожению: театрализованные казни происходят в бассейне и сопровождаются фигурным плаванием: девушки добивают жертву ударами кинжала под аплодисменты присутствующих.

В «Эквилибриуме» либрианцы лишены возможности выражать какие-либо чувства, эмоции, потому что они запретны. Эта та цена, которую человечество платит за устранение из своей жизни войны. Либрианцы обязаны ежедневно принимать принудительное лекарство «Либриум», делающего из человека живого робота, оно также принимается для претворения в жизнь существующие в государстве правила. Лекарство характеризуется следующим образом: «... наркотик наших масс, клей нашего общества, бальзам и снадобье, он избавит от горе и бед, от глубокой меланхолии, от ненависти, он заглушает горе, уничтожает ревность, стирает гнев, он вызывает импульс в радости и в любви, и эйфорию в маленьких дозах, которых мы принимаем как жертв. Мы принимаем «Либриум» во всей его величии и это сделает нас великим» (3). В государстве есть люди, которые отказываются от лекарства, они живут человеческими чувствами и предназначены для уничтожения, их сжигают. Жертвой оказывается Вивиан Престон, жена самого Джона Престона, которую обвиняют в хранении человеческих чувств и сжигают. У Годара в фильме чувство является тайным оружием, им нельзя жить, нельзя выражать свои эмоции, так как страх является формой существования. Еще одна жертва интеллектуалка Мэри Обрайн, хранительница шедевров искусства. Она тоже подлежит сжиганию. Мери ассоциируется с героиней Трюффо, со старой женщиной которую сжигают за хранение книг.

В лабиринте гипертекста «Эквилибриума» теряется зритель, в котором можно найти отсылку к тексту фильма «Матрица».

В «Матрице» существует два мира, виртуальный, созданный искусственным разумом и реальный, подземный, город Сеин, то есть город бытия. Жители виртуального мира находятся в сонном, в бессознательном состоянии, созданной Матрицей ложном мире, где скрывается истина о мироздании.

Подземный город населен теми людьми, которые не пребывают в бессознательном состоянии. Они герои «Матрицы» – Морфеус, Нео и Тринити, предстающие в виде аллегорической троицы – Морфеус (Бог Отец), Нео (Сын) и Тринити (Святой дух). Троица бунтует против матрицовского уклада жизни, служит доброму

началу, противостоит генератору искусственного мира и виртуальной реальности, реализующей идею ее автора – невидимого зла – управлять миром.

Это положение вызывает гипертекстовую реминисценцию с «Метрополисом» и с «Альфавилем». В «Эквилибриуме» то же существует два мира, но они оба реальные. Первый, государство Либрия, символом которого является модернизированная символика, напоминающий фашистский знак, вызывает ассоциацию с также модернизированным знаком в фильме Ч. Чаплина «Великий диктатор» (1940) и с его героем. Чаплиновский диктатор Гинкель и его единомышленники носит на руке аналогичный модернизированный фашистский знак и ими же увешаны стены его дворца, улицы и т.д.

В первом мире действует государственный агент Джон Престон и его соратники, который выступают хранителями «священных» законов диктаторского государства. В государстве любое чувство – это уже преступление, наказуемое смертью. Джон борется с интеллектуалами, с теми, кто нарушает правила «игры», сохранили в себе человеческие чувства и живут ими. Интеллектуалка Мэри Обрайн упрекает Джона в том, что он потерял чувство любви, ощущение гнева и горя, и во дворце справедливости на процессе осуждения человека за ношения чувств и при исполнении смертельного приговора присутствует с хладнокровностью. Об этом свидетельствует сцена сожжения жены Джона Вивианы Престон.

Второй, подпольный мир, представляют интеллектуалы, которые живут духовным миром. Они хранят в тайниках шедевры изобразительного искусства, картины мастеров живописи разных эпох, виниловые пластинки с записью симфонии Л.В. Бетховена и других композиторов, книги классиков. Предводителем подпольного мира является Юрген, который в судьбе Джона сыграет свою роль.

Джон Престон вызывает ассоциацию с образами «Матрицы». Он предстает как антигерой и герой, вызывая ассоциацию с матрицовскими персонажами, с Саифером, Нео и Смитом.

У Вачовских Сайфер вызывает ассоциацию с двумя образами – Люцифера и Иуды. Саифер бунтует против Морфеуса и предает троицу. Если в фильме троица представлена как сила, то Сайфер олицетворяет слабость, страх, сомнения, двуличность. У Виммера Джон вызывает ассоциацию с Саифером. Он предает интеллектуалов, конфискует у них спрятанные от глаз государственных агентов шедевры искусства для уничтожения, посылает на смерть тех, кто вне игры, ради длительности этого великого, диктаторского общества, чтобы выжить в абсурдном мире.

Но в один прекрасный момент Джон забывает принять очередную дозу лекарства и на глазах зрителя он начинает меняться, проходит путь от антигероя к герою. Толчком для этого является сцена, где расстреливают породистых собак, которых хранили и прятали от глаз агентов женщины и дети. Джон спасает щенка, переживает за его жизнь, уводит от глаз государственных агентов, начинает думать, почему он выбрал такой жизненный путь, почему он не смог уберечь любимую жену, почему он как посторонний человек смотрел на процесс ее сожжения. Он переживает за то, что те речевые акты и языковые игры, которым он был обучен играть, те психологические установки и мотивации, с которыми он привык существовать, оказались оплотом его жизни. Джон не может понять, почему в абсурдном мире, да и вообще в мире соблазн так велик.

Он становится решительным и сильным человеком, решает уйти совершенно в другое пространство, к совершенно другим людям, к другим проблемам, к определенному образу мысли, которая возродит его как нравственного человека, ищущего

в себе силы выбраться из мира насилия, то есть он начинает выступать за жизнь. Словом, Престон начинает бунтовать против абсурдного существования человечества, против насилия, который привел мир к войне. Джон приходит к противоречию с самим собой и с начальством. Начинается процесс духовного превращения антигероя. Он отрицает свои деяния в прошлом, понимая, что это дало на благо зла, понимает предназначения человека на Земле и суть его деяния, в чем смысл жизни.

Джон ищет и находит связь с Юргеном, который ассоциируется с Морфеусом. Юрген как Морфеус, предводитель бунтовщиков, подпольного мира, где скрываются интеллектуалы от насилия и хранят сокровище мирового искусства. Юрген вводит его в подпольный мир, знакомит с его единомышленниками, предлагает уничтожить отца Либрии и помочь людям приобрести истинную свободу, свободу мысль и жить духовным миром на благо человечества.

С начала фильма Джон предстает как антипод, «прототип» Нео, который сразу не смог осознать что он «мессия». И Джону не приходится выполнить миссию доброго человека. Нео к своей миссии приходит благодаря Морфеуса, а Джону на этот путь толкает Юрген.

Джон на пути духовного возрождения. Если Нео борется с Матрицей и его создателем, то Джон начинает бороться с отцом Либрии и в поединке с ним одерживает победу. Джон, как и Нео, становится «мессией».

Гипертекстуальная отсылка проявляется и в том, что «хореография» движения Джона походит на Нео в тот период, когда он сформировался как герой. В образе государственного агента действия Джона ассоциируется с матрицовским агентом Смитом, который служил искусственному интеллекту.

Таким образом, Виммер в этой картине показал духовное прозрение человека, затерявшегося в абсурдном мире и ставшегося его жертвой, бунт которого имел смысл на благо будущего.

Кризисное сознание, кризисное мироощущение сопровождают человечество на всех этапах его исторического развития, нередко облекаясь в апокалипсическую форму. Тема кризиса рассматривается как одна из общезначимых и сквозных в философии и в искусстве XX века, в частности в кинематографе.

Во второй половине века жизнь была постоянно насыщена опасностью, необычностью конфликтов между государствами, человечество стояло перед лицом третьей мировой войной. Люди помнили и помнят о Хиросиме и Нагасаки, они не хотят пережить ядерную катастрофу. Кинематограф противостоял ядерному безумию, изображая ужас и состояние человечества в случае ядерной войны. Убежденность в неизбежной гибели мира в случае термоядерной войны объединила художников различных политических взглядов, сторонников различных философских систем. Ими двигала потребность послужить утверждению мира на Земле, что стало первостепенной задачей для выживания человечества.

Апокалиптические пророчества особенно громко заявили о себе в XX веке, когда количество гибельных ситуаций в современной цивилизации ставило жизнь перед лицом все убыстряющихся перемен и катаклизмов. Тема апокалипсиса волновала многих мастеров кино. Фильм «Метрополис» Ланга оказался провидцем апокалиптических картин. В притче «Седьмая печать» (1956) (действие происходит в эпоху раннего средневековья) Бергман разработал тему гибели мира. В официальных выступлениях режиссер говорил, что его фильмы рождены угрозой гибели человечества от атомной бомбы. В притче С. Креймера «На последнем берегу» (1959), в финальной сцене, герои картины открыто и прямо обращались в

зрительный зал с призывом не допустить термоядерную катастрофу. Ф. Феллини в картине «Сатирикон-Феллини» (1969) в сумрачно-апокалиптических образах показал крушение древнеримской цивилизации, чтобы помнить об этом и не привести мир к гибели. В притче «Репетиция оркестра» (1979) мастер выразил свое ощущение над-вигающего апокалипсиса. Д. Джармен в притче «Сад» (1990) ведет философское размышление о значении Христа и церкви в современном мире, вводя в фильм тему апокалипсиса, который также присутствует в картине «Все, что осталось от Англии» (1987).

Гипертекст «Эквилибриума» подсказывает еще одну отсылку к теме апокалипсиса, которая проявляется в фильме не только на тематическом уровне, но и на изобразительном. Во многих сценах Виммер показывает «пейзаж после битвы», то есть после свершившегося апокалипсиса и предупреждает об грядущем апокалипсисе. «По сути люди как существа Земли, возвращаются к одному, к войне. И снова мы исправляем не симптомы, а саму болезнь» (4), – говорится в фильме. С темой апокалипсиса Виммер, повторим, перекликается с разными мастерами кино. Надо отметить тот факт, что апокалиптические видение мира нелегко трактовать, так как они требуют основополагающее философское подтверждение исходя из анализа тех кризисных ситуации, в которых погряз весь XX век.

Итак, интертекстуальность способствуют смыслопонимания и процессу смыслопорождения. Работа с интертекстом важна как для создателя фильма, так и для зрителя, дающий ему возможность прочтения смысла кинопритчи. Интертекст оказался предваряющим феноменом гипертекстуальности, текст можно воспринимать в любом порядке, образуя разные нелинейные тексты. Гипертекст позволяет приблизится к пониманию сложных художественных текстов не только в фильмах снятых в эстетике постмодернизма, но и в эстетике постпостмодернизма, через него взглянуть на жанр кинопритчи и эволюции его языка.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Известны компьютерные романы «Полдень» М. Джойса, «Виртуальный свет» У. Гибсона и др.
2. Название Либрия произвольное от слова Либерта (свобода) и в фильме обозначает свободу в замкнутом пространстве.
3. Запись по фильму.
4. Запись по фильму.

S. Tuguchi

HYPERTEXTUALITY AND FILM PARABLE

Abstract: The article tackles hypertext as a form typical of film parables produced in the era of postmodernism and postpostmodernism – as one of meaning forming factors. Hypertext is reviewed based on the materials of the parable by K. Wimer “Equilibrium”

Key words: Film parable, hypertextualism, the hypertext, postmodernism.

УДК 001(4701571-99)

Циркунов И.Б.

НОВАЯ НАУЧНАЯ ПАРАДИГМА И АРКТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА РОССИИ*

Аннотация: В статье «Новая научная парадигма и Арктическая доктрина России» представлена точка зрения на проблему современного освоения Арктики, международного сотрудничества в Арктике. В основе этого подхода положены методологические различия в объяснении пространства, которые можно использовать в процессе моделирования пространства Арктики.

Ключевые слова: научная парадигма; океанология как наука, ее предмет; проблема энерго (тепло) обмена в Арктике; Арктическая доктрина России: программа разработки.

Из всех арктических государств только Россия выделяется как крупнейшая страна в арктической зоне и не только по протяженности арктического пояса, но и в историческом масштабе, как страна, имеющая одну из самых древних историй освоения Арктики. С девяностых годов в новой России происходит исторический процесс пространственной переориентации политики нашего государства. Уделяя большое внимание вопросам укрепления государственной границы в южных областях, в так называемом «мягком подбрюшье» России, всё чаще высшее руководство страны обращает своё внимание и к проблемам Арктики. В рамках исторического процесса пространственной переориентации России назрела проблема формулирования новой политики по развитию Арктики. Безусловно, это чрезвычайно сложный вопрос, который требует рассмотрения его поэтапно в нескольких структурно-функциональных плоскостях и как минимум на трёх уровнях: международном, общенациональном и региональном.

В международном плане Арктика никогда не снималась с повестки дня и находила своё отражение, хотя бы в части проблемы глобального потепления, в международно-правовых документах конференций в Рио-де-Жанейро (1992), Киото (1997), Гааге (2000) и Бонне (2001) (Арктика: интересы России..., 2002. С. 344). Арктика находится в сфере практического научного интереса в рамках международных программ и проектов, таких как ACSYS – программа изучения климатической системы Арктики, AMAP – программа арктического мониторинга и оценки, CAFF – программа сохранения арктической флоры и фауны, PAME – программа защиты арктической морской среды, EPPR – программа предупреждения, готовности и реагирования на чрезвычайные ситуации (там же, с. 343).

Надо заметить, что, несмотря на всю сложность процессов происходивших в России в девяностых годах, российская наука продолжала активные исследования по арктической тематике. Это, однако, пожалуй, единственный позитивный пример общенациональной активности в России. Все остальные проявления позитивного характера носили, как правило, региональный характер. Даже в принятом в 1996 году Федеральном законе “Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации” отсутствует понятие “Арктика”, хотя и подразумеваются арктические пространства.

Новый импульс, который приводит к некоторым подвижкам в вопросах развития и освоения Арктики, дало выступление Президента РФ В. В. Путина на Совещании по проблемам развития Северного морского пути и экономического освоения Арктики в Мурманске в апреле 2000 года. В октябре того же года Государственная

* © Циркунов И.Б.

Дума РФ приняла постановление "Об обеспечении устойчивого развития районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей" (там же, с. 4-5). В сравнении с законом 1996 года это постановление уже «теплее», вернее «холоднее» в значении ближе к проблеме развития и освоения Арктики, но тонет в расплывчатой формулировке «... и приравненных к ним местностей». В июне 2001 года правительство одобрило проект Основ государственной политики РФ в Арктике, но дальше дела пока не идут. До настоящего времени Государственная Дума так и не смогла принять Федеральные Законы «Об Арктике» и «О Северном морском пути».

В июле 2001 года Президент РФ В. В. Путин подписал документ, имеющий большое значение – «Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 года» (Морская доктрина РФ, 2001). Следует подробно остановиться на этом документе. В нём морская деятельность России определена как область изучения, освоения и использования Мирового океана в интересах безопасности, устойчивого экономического и социального развития государства (там же). Для нашего исследования интерес представляет раздел, в котором отражено «Арктическое региональное направление». Следует сразу же оговориться, что этот раздел не представляет собой достаточно самостоятельное региональное направление, как оно определено в самом документе: «национальная морская политика на Атлантическом региональном направлении существенно дополняется национальной морской политикой на Арктическом региональном направлении» (там же).

Возможно, это просто фигура речи, но вот как это направление формулируется в определении национальной морской политики на Арктическом региональном направлении: «... определяется особой важностью обеспечения свободного выхода российского флота в Атлантику...» (там же). Правда в этом определении указывается на исключительность экономической зоны и континентального шельфа России, решающую роль Северного флота и возрастающее значение Северного морского пути, но это больше походит на обязательную часть декларации о российском присутствии в Арктике. Кроме этого в Морской доктрине провозглашены десять долгосрочных задач, которые не вызывают сомнения своей актуальностью и важностью. Таким образом, анализ этого раздела Морской доктрины показывает, что как часть документа она вполне отвечает его требованиям, а как раздел раскрывающий самостоятельную политику нашего государства явно недостаточна. Напрашивается один вывод – необходимо сформулировать самостоятельную Арктическую доктрину России.

Последние десять – пятнадцать лет наши старые арктические соседи, в особенности Норвегия и США, а так же страны, которые считают, что у них то же есть определённые интересы в Арктике – Германия и Япония, например, демонстрируют не только интерес к теоретическим историко-правовым вопросам государственного размежевания в Арктике, но и проявляют известную практическую активность, организовывая разнообразные исследовательские экспедиции. Для сохранения существующего status quo в Арктике *России необходимо четко определить и обозначить свою позицию в этом стратегическом регионе*. Именно Россия должна позаботиться о сохранении стабильности в Арктике, т.к. *только ее позиции пытаются атаковать* страны арктического региона и страны претенденты на участие в «Арктическом клубе».

Существующие геополитические доктрины – диалог «Восток - Запад», «Север - Юг», «Юг - Юг» (Что есть что в мировой политике..., 1987. С. 115 – 118) и мега-экономические конструкции (Клейнер, 2004. С. 76) пока что не рассматривают как некоторую самостоятельную величину Арктический транспортно-энергетический

региональный рынок (Циркунов, 2001. С. 331). В геополитическом контексте наступает время диалога, назовём его условно «арктическим». *От позиции России во многом зависит тональность этого диалога*. В мегаэкономическом плане Арктику уже пора начать рассматривать как новое экономико-географическое формирование, где должно разворачиваться политико-экономическое сотрудничество стран – участниц «Арктического клуба». Для этого есть хорошие перспективы и наработанный опыт сотрудничества в рамках Баренцева Евроарктического региона.

Для разработки многосторонней взвешенной долгосрочной политики России в Арктике, на наш взгляд необходимо всё же вначале разработать арктическую доктрину России. Мы не претендуем на роль разработчиков доктрины, но можем изложить некоторые идеи и подходы, которые были бы уместны при её разработке.

Арктическая доктрина России – это философско-политическая концепция государства, отражающая основные категории отношений государства, имеющего интересы в Арктике. Эта концепция, в которой должны найти отражение основные глобальные проблемы человечества, которые прямо и косвенно касаются всех четырёх сфер Арктики: гидросферы, биосферы, атмосферы и криосферы. Это программа, излагающая философские, политические, национальные, экономические, экологические, военные и этические вопросы и пути их реализации. Определённо, арктическая доктрина – это не документ, это, скорее всего, некая концепция поведения и возможной политики нашей страны на арктических просторах – морях и землях. Арктическую доктрину следует рассматривать как часть внутренней политики России. Арктическая доктрина – часть международной политики страны в отношении государств, проявляющих интерес к Арктике и видящих значение арктических ресурсов для своих стран. Арктическая доктрина – это ещё и часть национальной политики государства в отношении коренных малочисленных народов и других народов и наций, проживающих на арктических территориях, учитывающая медико-демографические особенности проживания в Арктике. Арктическая доктрина – это, безусловно, часть военно-морской доктрины России, ставящей основной своей задачей защиту государственной и территориальной целостности страны и защиту её национальных и интернациональных интересов, охрану окружающей среды и природных ресурсов Арктики.

Можно только пожелать, чтобы разработчики Арктической доктрины не пренебрегали ноосферными принципами построения доктрины. Видимо, составными разделами Арктической доктрины России должны быть следующие:

- научное изучение Арктики;
- национальная политика России в Арктике;
- военное и военно-морское обеспечение безопасности Арктики;
- вопросы международного сотрудничества в Арктике;
- регулирование и взаимодействие стран и хозяйствующих субъектов по предотвращению и ликвидации аварий на таких видах транспорта, как: морском, воздушном и трубопроводном в Арктике;
- основы экономического освоения и хозяйствования в Арктике;
- проблемы экологической безопасности Арктики;
- развитие арктической урбанизации и предотвращение гуманитарных, социальных и культурных проблем, кризисов и катастроф;
- сохранение и поддержание культурного наследия Арктики.

В настоящее время современная наука ещё не в полной мере готова предложить общественности адекватную модель функционирования арктического регио-

на. Модель, в которой были бы отражены как структура, так и все функциональные связи, охватывающие и естественный, и социальный, и экономический, и политический комплексы. Гуманитарная наука настолько далека от проблем Арктики, что фактически безмолвствует последние десятилетия. Можно привести массу примеров, подтверждающих отсутствие новых подходов к арктическим проблемам в экономической и исторической науках. В частности историческая наука практически всегда рассматривала арктическую проблематику с точки зрения или истории науки, или истории мореплавания. Экономические исследования, как правило, лишь провозглашают особые природно-климатические условия Арктики, но так и не научились, не выработали методики учёта геологического, климатического, культурного и социально-психологического факторов в арктических условиях. Определённые успехи можно отметить в инженерных и естественнонаучных дисциплинах. Но и в этих областях человеческого знания замечено, что ресурс действующих научных парадигм либо исчерпан, либо подходит к своей финальной черте. Такое положение можно наблюдать, например, в океанологии, одной из фундаментальной наук, имеющей прямое отношение к Арктике.

Океанология за время своего развития проделала большой путь. От этапа первых натуральных исследований, формулирования принципов изучения гидрометеорологического режима в Арктике и создания основ гидрометеорологического обеспечения плавания судов по Северному морскому пути до качественного описания закономерностей формирования ледово-гидрологических условий в Арктике. Океанология подошла к очередному этапу своего развития. Одна из важнейших научных проблем современной океанологии – это, по мнению академика А. Ф. Трёшникова, решение задач о причинах и принципах энергообмена в арктической системе «атмосфера – криосфера – гидросфера», оценка ледяного покрова, которая может дать объяснение изменчивости и формированию климатических колебаний. Эта продуктивная идея о всеобщем процессе трансформации и обмена энергии и веществ в океане принадлежит видному учёному В. Г. Богорову (Лымарев, 1978. С. 30). Однако, несмотря на бурный количественный рост науки о море в тридцатых годах, столь же бурное качественное и количественное развитие океанологии в пятидесятые годы проблему энергообмена в Арктике решить не удаётся в принципе. Это в свою очередь может означать или наличие системной ошибки в подходах к решению научной проблемы, или грядущую смену парадигм (Т. Кун), или новую исследовательскую программу (И. Лакатос), что для нахождения решения научной проблемы по сути одно и то же! (Разница лишь в терминах и различных точках зрения интерпретаторов.) Не прибегая к точечному анализу учёных-океанологов и историков науки, попытаемся рассмотреть, сложившеюся ситуацию, с точки зрения методологии развития наук.

Большое, как известно, видится на расстоянии. Но анализ конфликтов между учёными и конкуренции идей (или точек зрения, или теоретических платформ – что угодно) не может дать ответ на главный вопрос океанологии. Океанологическая наука за почти вековой период своего существования смогла только сформулировать главную научную проблему, предложить несколько подходов к её разрешению, дать известное количество методов и моделей для её решения, но до сих пор так и не дала окончательный ответ на поставленный ею же вопрос о природе теплообмена в Арктике.

История океанологии, как и многих других наук, демонстрирует классическую пирамиду своей организации, использует академические приёмы решения научных

задач, частенько не даёт внятных и вразумительных ответов, тем самым подтверждает свой статус науки позитивистского знания, опирающейся на догматы евклидовой геометрии и физику Ньютона. Это основа современного знания и в этом нет ничего плохого, а напротив современная наука уже давно доказала свою жизнеспособность и практическую значимость, хотя всё ещё оставляет ряд неразрешённых её задач. Карл Ясперс, анализируя происхождение современной науки, писал: «Господство над природой, умение, польза, «знание есть сила» – всё это утверждалось со времён Бэкона. Он и Декарт предвидели будущую эпоху техники» (Ясперс, 1991. С. 107). Анализ основ современного позитивистского знания может дать толчок к последующему движению, новому видению и поступательному развитию науки.

Ситуацию в области научного знания в XVII веке, рассматривают как научную революцию Нового времени, великий спор двух великих учёных мужей, столкновение двух различных (в нюансах) точек зрения в философских основаниях науки, который и создал первую трещину в мировоззрениях учёных двух лагерей – картезианского и ньютоновского. Эта трещина на рубеже второго и третьего тысячелетий превратилась в непреодолимую пропасть. Но ужас современной ситуации заключается в том, что, обозревая эту научно-методологическую пропасть, современный методолог и историк науки видит один единственный, многочисленный лагерь учёных – позитивистов, стоящих спиной к этой пропасти, не видящих её и самое главное даже не задумывающихся попытаться преодолеть её.

Для того, что бы понять размер современной пропасти следует рассмотреть причину возникнувшей методологической трещины. Философско-методологическое различие взглядов Рене Декарта (1596 – 1650) и Исаака Ньютона (1643 – 1727) можно было бы схематично представить в виде различия рыцарских девизов начертанных на исследовательских щитах этих учёных. Девизу Декарта «cogito ergo sum» – «мыслю, следовательно, существую» Ньютон противопоставил свой девиз «hypotheses non fingo» – «гипотез не измышляю». Но как, показали более поздние исследования, существуют, по крайней мере, три других смысла высказывания Ньютона. Тщательный семантический анализ ньютоновских текстов показал, что имеет место расхождение между словами физика и его реальной практикой (Койре, 1985. С. 273).

Оба учёные шли одной тропой создания основ позитивистской науки. Ведя мысленный спор с Декартом, Ньютон пользовался, прежде всего «методом», созданным Декартом. Имеется ввиду, один из главных трудов Р. Декарта «Размышление о методе», изданный в 1637 году. Во многом использование Исааком Ньтоном «метода» Декарта, дали возможность сэру Ньютону, предложить свои «начала», изложенные в «Математических началах натуральной философии».

Фактически Декарт одним из первых начал противопоставлять науку и ненаучные формы знания, которые существуют в современном мире. Достижением научной революции XVII можно считать замену аристотелевской конкретной «совокупности мест» на абстрактное пространство евклидовой геометрии, которое теперь рассматривается как реальное. Упорядоченный и конечный Космос Аристотеля так же был заменён на бесконечную Вселенную. Начиналось новое время, время математики или, точнее сказать, геометрии. Слабость концепции Аристотеля в том, что она не математическая, а метафизическая, а это уже не устраивало нарождающееся научное сообщество.

Но, выбирая из двух концепций геометризацию пространства, новое научное сообщество столкнулось с неизвестной для себя проблемой. Эта проблема имеет на-

звание «пространственной бесконечности», а это понятие как, очевидно, не может быть объектом опыта. «Бесконечность, как отметил ... Аристотель, не может быть ни задана, ни преодолена» (Койре, 1985. С. 18). Но при этом пространственная бесконечность является существенным элементом, одной из аксиом в структуре современной науки. Причина получения аксиоматического статуса этого понятия до сих пор не выяснена до конца. Свою лепту в аксиоматизацию пространственной бесконечности внес Джордано Бруно (1548 – 1600), боровшийся против схоластического аристотелизма. Решение было предложено по бруновски просто и грубовато – инфинитизация Вселенной или «разрыв круга», «раскалывание сферы». Высказывая идеи о бесконечности природы и о бесконечном множестве, Бруно фактически отказывался от бога в христианском понимании, но высказывался за «бога в вещах», за безличный божественный абсолют. А тут и до абстрактного пространства не далеко, тем более что на Бруно произвела сильное впечатление гелиоцентрическая теория Коперника.

Таким образом, используя слабость аксиомы о пространственной бесконечности, в новом научном знании появилось место для бога, не христианского, другого, абстрактного. Ньютон, рассуждая о мире, рассуждал об абсолютном покое, об абсолютном движении, пришёл к заключению, что вряд ли есть такое тело в мире, которое могло бы находиться в состоянии абсолютного покоя, и совсем невероятно, чтобы это тело находилось в состоянии равномерного движения. И при всём при том, ньютоновская наука не может обойтись без этих понятий, хотя и не допускает возможность абсолюта в реальном мире. Следовательно, ньютоновская наука весьма изящно в своём понимании реального мира делает мерой всех вещей не человека, а бога. Если таким образом в миропонимании появляется абсолют, то вполне закономерно отпадает вопрос «почему?», но научное знание продолжает предлагать ответы, которые в основном отвечают на вопрос «как?». А это в свою очередь открывает простор для эксперимента и экспериментирования, чем так славится современная позитивистская наука.

Поиск вероятностных ответов на первый позитивистский вопрос науки «как?» был фактическим отказом от каузальных вопросов. При этом науки не стало меньше, а наоборот, открылись новые научные горизонты познания мира, где было возможно вероятностное моделирование.

В XVII веке, как, впрочем, и сегодня, проблема божественного начала естественным образом возникает в научных дискуссиях. Каждый из исследователей самостоятельно решает эту проблему, как основной вопрос философии и как опыт чувственного переживания: веры и неверия в бога. Но, на наш взгляд, для исследователя важнее знать, что такое бог не только как семантическое понятие, хотя и доля веры тоже должна или может присутствовать в научном знании. Знание бога, или знание о том, что бог есть, не может повредить ни богу, ни наблюдателю. Незнание бога, как нам кажется, имеет как позитивную, так и негативную окраску, которая выражается в том, что само незнание не вредит богу, но возможно, как и всякое другое незнание, может стать помехой наблюдателю. Насколько это незнание хорошо, удобно и продуктивно, для наблюдателя решать самому наблюдателю, и нам известна масса примеров, когда подобное незнание не мешало исследователю, но удерживало его в известных границах и на определённом уровне своего научного знания и научного развития.

Исследователь может быть сравним с оглашенным, обременённым знанием, приближенный к истине. При этом совершенно безразлично для самого знания и

истины верит ли этот исследователь в познанное или истину, к которой он приблизился.

Оценка божественной составляющей для Декарта и Ньютона решалась в увязке с понятиями пространства и времени. Для Ньютона бог непознаваем, а пространство и время – бесконечно. Ньютон не услышал или не захотел услышать Декарта. Картезианское представление бога как раз объяснимо понятием «бесконечности», а новое, не древнегреческое понимание пространства коррелирует с понятием «неопределённость». «Декарт ... утверждал, что пространство – или, точнее, мир – является только неопределённым (indefini), в отличие от бога, единственно которого он рассматривал как бесконечного (infini)...» (Койре, 1985. С. 225). Декарт писал: «... относительно вещей, для которых, в известном смысле, не видим пределов, границ, не станем утверждать, что эти вещи бесконечны, но лишь будем считать их неопределёнными. Так, не будучи в состоянии вообразить столь обширного протяжения, чтобы в то же время не мыслить возможности ещё большего, мы скажем, что размеры возможных вещей неопределенны» (там же, с. 260). По Декарту бесконечность сродни бытию, но не может быть отождествлена с пространством.

Ньютон стал в оппозицию Декарту. Для Ньютона пространство – это не то же самое, что и тело. Бесконечность это не синоним совершенства. Ньютон предлагает свою систему доказательства бесконечности пространства. Рассматривая треугольник, увеличиваем один из углов основания. Вершина его будет непрерывно удаляться от основания до тех пор, пока стороны треугольника не станут параллельными, а расстояние до этой вершины, или точки пересечения сторон окажется столь большим, что будет превосходить любое даже известное или заданное значение. Ньютон, утверждая позитивный характер бесконечности, писал: «Если ... кто-нибудь говорит, что мы представляем себе бесконечность лишь посредством отрицания пределов чего-то конечного и что это – отрицательное, т.е. не имеющее значения, понятие, то я это отрицаю. Совсем наоборот: это понятие предела содержит в себе отрицание и тем самым «бесконечность», так как оно, будучи отрицанием некоторого отрицания (т.е. конечного), будет словом, которое, одновременно принимая во внимание его собственный смысл и наше понимание, будет весьма позитивным, даже если грамматически оно кажется негативным» (там же, с. 226). Здесь, в этом рассуждении Ньютона картезианский «метод» взял верх, но привёл сэра Исаака Ньютона к выводу о «присутствии» бога в мире, связи протяжённости и разума, бесконечности пространства.

Как известно, научная обоснованность открытий совершенных Ньютоном, его авторитет взяли верх и утвердились как основа позитивистского знания в современном мире. Ньютоновская парадигма возобладала и продолжает работать наряду с другими точками зрения. Как писал Имре Лакатос: «Для утончённого фальсификациониста теория «приемлема» или «научна» только в том случае, если она имеет добавочное подкреплённое эмпирическое содержание по сравнению со своей предшественницей (или соперницей), то есть если только она ведёт к открытию новых фактов. Это условие можно разделить на два требования: новая теория должна иметь добавочное эмпирическое содержание («приемлемость»1); и некоторая часть этого добавочного содержания должна быть верифицирована («приемлемость»2)» (Лакатос, 2001. С. 303). Ньютоновская парадигма, как нам представляется, отвечает всем предложенным Лакатасом требованиям.

Большинство моделей, теорий и объясняющих систем основаны на идее бесконечности пространства, многие апробированы на практике и действуют в реаль-

ном мире очеловеченной природы. Но есть проблемы, которые не поддаются разрешению с помощью этих ньютоновских моделей. Одна из них – это объяснение природы Арктики, одной из важнейших проблем современности – проблемы энергообмена. Может быть, пришло время испытать картезианскую модель, основанную на идее *не бесконечности, а неопределенности арктических пространств?*

Одним из оснований такого смелого предположения мы находим в методологическом анализе определения объекта и предмета современной океанологии. В качестве объекта исследований, большинство учёных указывает на Мировой океан. Соответственно предметом этой науки могут выступать отдельные стороны его природы. К такой стороне природы Мирового океана можно отнести Арктику. Известно, что Арктика с трудом подлежит чёткому районированию и разграничению. Большой проблемой географической науки является определение южных границ Арктики. Следовательно, допустимо применить структурно-организационный приём выделения объект-системы в пределах планеты Земля.

Если Арктику рассматривать с этой позиции, с позиции объекта-системы, то Арктика, как совокупность объектов-подсистем суши и океана представляет собой сложную объект-систему. Совокупность двух стихий, а если быть точным, то трёх сфер – био -, гидро- и крио-, можно ещё рассматривать и с точки зрения сложной, неустойчивой и изменчивой ландшафтной сферы. Подобное построение может привести к выводу о том, что если Арктику рассматривать как известное, но до конца неопределённое географическое пространство, то её следует классифицировать как объект-систему теллуро-космического происхождения (Лымарев, 1978. С. 41). Но так как, Арктика, даже, не имея чётких южных границ, всё же является невсеобемлющим пространством Земли, а лишь её частью, более того, как известно, что Арктика из всех районов Земли наиболее легкоранимая часть от воздействия антропогенного фактора, её можно рассматривать с позиции ладшафтной сферы.

Это, в свою очередь, означает, что Арктика, являясь объект-системой, по сути, имеет преимущественно теллурический генезис (там же, с. 41). Для процесса моделирования, как нам кажется, следует обратить внимание на то, что Арктика, находясь в пределах Земли, имеет право быть рассмотренной не с позиции бесконечности (это не позволяют делать границы Земли), но с позиции неопределённости и не потому что плохо очерчена её южная граница, а по причине чрезвычайной изменчивости и подвижности процессов, происходящих в уникальном районе Земли, где встречаются три сферы и всё это происходит последние сто – сто пятьдесят лет на фоне возрастающей активности антропогенного фактора.

Нерешённость отдельных научных задач не означает бездействия и неопределённости научных позиций. Тем более если речь заходит о государственных интересах и конкретно об интересах России в Арктике.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Арктика: интересы России..., 2002. Арктика: интересы России и международные условия их реализации / Барсегов Ю. Г., Корзун В. А., Могилевкин И. М. и др. – М., 2002. – 356 с.
2. Клейнер, 2004. Клейнер Г. Наноэкономика // Вопросы экономики. – 2004. – № 12. – С. 70 – 93.
3. Койре, 1985. Койре А. Очерки истории философской мысли / Пер. с фран. Я. А. Ляткера. Общ. ред. А.П. Юшкевича. – М., 1985. – 288 с.
4. Лакатос, 2001. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / В кн.: Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. / Т. Кун; Сост. В. Ю. Кузнецов. – М., 2001. – 608 с. С. 269 – 453.
5. Лымарев, 1978. Лымарев В. И. Основные проблемы физической географии океана. – М., 1978. – 248 с.

6. Морская доктрина РФ, 2001. http://www.oceaninfo.ru/Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 года.
7. Циркунов, 2001. Циркунов И. Б. Экономические связи: реальность, проекты и ожидания – В кн.: Соседи на Крайнем Севере: Россия и Норвегия: От первых контактов до Баренцева сотрудничества / Мурм. гос. пед. ин-т, Ун-т Тромсё (Норвегия). – Мурманск: Кн. изд-во, 2001. – С. 311 – 333.
8. Что есть что в мировой политике..., 1987. Что есть что в мировой политике: Словарь-справочник. – М., 1987. – 480 с.
9. Ясперс, 1991. Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. – М., 1991. – 527 с.

I.B. Tsirkunov

NEW SCIENCE PARADIGM AND ARCTICAL DOCTRINE OF RUSSIA

Abstract: In the article «New scientific paradigm and Arctic doctrine of Russia» the point of view is presented on the problem of modern mastering of Arctic, international cooperation on Arctic. In basis of this aproach methodological distinction are fixed in explanation spaces which can be used in the process of model of space of Arctic.

Key words: Scientific paradigm; oceanology as a science, its subject; a problem energy (warmly) an exchange in Arctic regions; the Arctic doctrine of Russia: the working out program.

УДК 122/129

Шлыков Р.В.

О СТРАТЕГИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ*

Аннотация: На основе оценки фактического социально-политического материала автор уточняет геостратегические приоритеты России в ее взаимодействии с центральными фигурами международной жизни. Подчеркивается необходимость последовательной реализации стратегии национальных интересов на базе выполнения Россией своей державной миссии.

Ключевые слова: национальные интересы России, структуры внешнеполитической деятельности России, структуры национально-государственных интересов России, Ялтинско-Потсдамская система, новый мировой порядок.

В результате разрушения Ялтинско-Потсдамской системы – передела мира, легализации измененных обязательств, договорных отношений, структуры взаимоотношений странового уровня – оформился новый мировой порядок эпохи постхолодной войны. Настоящее положение России определяется крупнейшим стратегическим поражением, когда утрачивается статус державы – гаранта послевоенного порядка.

Негативные последствия выражаются в усилении гегемонии атлантизма, утратой СССР, затем Россией собственных традиционных сфер влияния, провал проекта демилитаризованной базы могущества Восточного блока, его распад. Россия сдала центр Европы, разладила рынок вооружений, растеряла политические активы без каких-либо компенсаций.

Международную систему после распада мирового порядка, конституированного Ялтинско-Потсдамскими договоренностями, называют униполярной. Униполярность характеризует практическую гегемонию западных демократий под эгидой США определять судьбы цивилизации в глобальном масштабе.

Униполярность означает, что нынешний баланс могущества сместился на Запад. Вектор изменений характеризует линию движения: мультиполярность – биполярность – униполярность. Средствами поддержания потенциала атлантистского униполя являются: консервация глобального неравенства; упрочение Pax Americana; мобильная инвестиционная политика с расчетливой структурой рынка; сдерживание страновой эволюции держав со стратегией форсированной модернизации.

В сложившихся условиях очевидно, что Северу необходимо объединяться перед лицом давления южной периферии, угрожающей агрессивной конвекцией в виде: надвигания аллохтонов; иммиграционного реванша колоний над метрополиями; просачивания, оседания, укоренения этнических нелегалов. Если желаемого вхождения в круг северного альянса не произойдет, коалиционное поведение России будет подчинено поискам партнеров в организации глобального сопротивления гегемонии Запада и США с восстановлением биполярности (усеченной). В первом случае (противостояние Западу), к которому Россия в силу далеко не лучшей своей державной формы попросту не готова, реставрируется модель национальной автаркии (с подыгрыванием геостратегическим соперникам Запада по широкому фронту от Ближнего до Дальнего Востока). Во втором случае (противостояние США) оформляется антиатлантистский пакт с утрированием интересов Европы.

Оценка подобных вариантов останавливается на предпочтительности консолидированного северного альянса (оперативное препятствие которому – расшире-

* © Шлыков Р.В.

ние НАТО). Срыв северного альянса заменяется вариантом континентальной интеграции.

США представляют легко разбалансируемую систему. Дезорганизующими факторами выступают: финансовый кризис; расовое обострение вследствие падения патронажных программ; нерезонансность интересов нации и плотно сбитых этномафиозных групп; демографическая диспропорция белого и цветного населения с затруднением социальной утилизации цветных; маргинализация цветного гетто в мегаполисах с возникновением критической массы общественно неадаптированных, ненужных людей.

Россию устраивает сбалансированная полицентричность с предсказуемым поведением региональных лидеров, – прежде всего ЕЭС, Японии, Китая, США, новых индустриальных стран, Израиля, Ирана, Пакистана, Индии, автономно или консолидировано решающих проблемы сдерживания терроризма, фундаментализма, империализма (неоправданное силовое расширение геополитических зон ответственности).

Национальные интересы являются для России важнейшими ориентирами государственной политики. Реализация их торпедируется вполне очевидными тенденциями:

– стремлением отдельных государств и межгосударственных объединений принизить роль существующих механизмов обеспечения международной безопасности, прежде всего ООН и ОБСЕ;

– опасностью ослабления политического, экономического, военного влияния России в мире;

– укреплением недружественных военно-политических блоков и союзов, прежде всего расширением НАТО на Восток;

– возможностью появления в непосредственной близости от российских границ иностранных военных баз, крупных воинских контингентов;

– распространением оружия массового уничтожения, средств его доставки;

– ослаблением интеграционных процессов в СНГ;

– эскалацией конфликтов вблизи государственной границы Российской Федерации и внешних границ государств – участников СНГ;

– притязаниями на территорию Российской Федерации.

Угрозы национальной безопасности Российской Федерации в международной сфере проявляются в попытках других государств противодействовать укреплению России как одного из центров влияния в многополярном мире, помешать реализации национальных интересов, ослабив ее позиции в Европе, на Ближнем Востоке, в Закавказье, Центральной Азии, Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Исходя из сказанного, внешняя политика Российской Федерации должна быть направлена на:

– проведение активного внешнеполитического курса;

– упрочение ключевых механизмов многостороннего управления мировыми политическими и экономическими процессами, в первую очередь под эгидой Совета Безопасности ООН;

– обеспечение благоприятных условий экономического и социального развития страны для сохранения глобальной и региональной стабильности;

– защиту законных прав и интересов российских граждан за рубежом, в том числе с применением в этих целях мер политического, экономического и иного характера;

– развитие отношений с государствами-участниками СНГ согласно принципам международного права;

– полноправное участие России в глобальных и региональных экономических и политических структурах;

– содействие урегулированию конфликтов, включая миротворческую деятельность под эгидой ООН и других международных организаций;

– достижение прогресса в сфере контроля над ядерными вооружениями, поддержание стратегической стабильности в мире на основе сохранения государствами своих международных обязательств в этой сфере;

– выполнение взаимных обязательств в области сокращения и ликвидации оружия массового уничтожения, обычных вооружений, осуществление мер по укреплению доверия и стабильности, обеспечение международного контроля за экспортом товаров и технологий, а также за оказанием услуг военного и двойного назначения;

– адаптация существующих соглашений по контролю вооружений и по разоружению в новых условиях международных отношений, а также разработка при необходимости новых соглашений, в первую очередь по мерам укрепления доверия и безопасности;

– содействие созданию зон, свободных от оружия массового уничтожения;

– развитие международного сотрудничества в области борьбы с транснациональной преступностью и терроризмом.

В предотвращении войн, вооруженных конфликтов Российская Федерация отдает предпочтение политическим, дипломатическим, экономическим, другим невоенным средствам. Однако национальные интересы Российской Федерации требуют наличия достаточной для ее обороны военной мощи. Вооруженные силы Российской Федерации играют главную роль в обеспечении военной безопасности Российской Федерации.

Важнейшая задача политики Российской Федерации – осуществление сдерживания в интересах предотвращения агрессии любого масштаба, в том числе с применением ядерного оружия. Сосредоточение политико-дипломатических, военных, экономических, финансовых и иных средств на решении внешнеполитических задач должно быть соразмерно их реальному значению для национальных интересов, а масштаб участия в международных делах – адекватен фактическому вкладу в укрепление позиций страны. Многообразие, сложность международных проблем, наличие кризисных ситуаций предполагают своевременную оценку приоритетности каждой из них во внешнеполитической деятельности. Необходимо повысить эффективность политических, правовых, внешнеэкономических и иных инструментов защиты государственного суверенитета России и ее национальной экономики в сложившихся геополитических условиях.

Во внешней политике необходимо извлекать выгоды из геостратегической монополии России, разыгрывать козыри как держателя хартленда. В отношении отсталых, несамодостаточных стран СНГ стоит выработать доктрину, по аналогии с доктриной Монро, в основе которой – исключительное право на контроль бывших фрагментов империи посредством поддержания выгодного регионального порядка.

В отношении восточных метрополий – Японии, Китая – следует руководствоваться принципами добрососедства, сотрудничества, невмешательства во внутренние дела. Важен блок против гегемонии атлантизма (Шанхайская Организация

Сотрудничества). В отношении удаленных от центра приграничных регионов, тяготеющих к восточным соседям, правильно проводить линию ориентированную на наращивание народно-хозяйственного потенциала. Каркас стратегии регионального прорыва здесь составляют: увеличение реальных полномочий органов госвласти; программы саморазвития; поддерживающие программы федерального уровня.

В национальных интересах – сохранение единого экономического пространства в рамках СНГ, рублевой зоны, так как благоприятные условия для развития современного производства предполагают наличие емких рынков.

Тактически необходимо ориентироваться на наращивание кооперации, акцентируя обоюдность выгоды. Приоритетными геоэкономическими направлениями для России являются Казахстан, Туркмения, Узбекистан. С Белоруссией, Киргизией, Украиной должны быть усилены тенденции к паритету с прекращением технических кредитов, предоставления займов. С Молдавией, Прибалтикой важно поддерживать целевые сырьевые, энергетические поставки, развитие совместных производств на базе авангардных технологий. С Таджикистаном, Арменией, Азербайджаном выгоден бартерный обмен сырья на вооружения.

Курс на открытую экономику позволяет за счет участия в международном разделении труда добиться роста экономической эффективности национального производства на основе достижения его оптимальных масштабов и структуры. Несмотря на то, что Россия имеет емкий внутренний рынок и даже при условии сохранения единого рынка в рамках СНГ, развитие совокупности современных производств в стране экономически нецелесообразно (о чем свидетельствует, например, опыт США и других развитых стран).

Очевидно, что российская экономика еще не вступила в полосу производительного подъема. Макроэкономическая стабилизация затянулась, оптимальная система производства не сложилась, не налажены хозяйственные связи с бывшими советскими республиками. Ситуация осложняется ослаблением государственного регулирования, непродуманной либерализацией импорта, отказом от протекционизма в отношении собственных товаропроизводителей, неотлаженностью налоговой системы, нецелевым использованием кредитов, провалами финансового, инвестиционного комплексов.

Стоит учитывать те отрицательные последствия, которые обусловлены несбалансированной экономической политикой в условиях нестабильности.

Наибольшие выгоды Россия получает от торговли со странами европейского Союза. Ресурсы – газ, нефть, нефтепродукты, товары ядерного цикла, продукция черной металлургии, химии и т.п. – та группа товаров, которой насыщается европейский рынок.

Торговля в США затрудняется серьезной конкуренцией со стороны мощных американских транснациональных кампаний. В Японии – монополизированный внутренний рынок, давление со стороны правительства, занимающего достаточно сдержанную позицию в вопросе об экономических отношениях с Россией. Местные производители развивающихся стран и Китая обладают конкурентными преимуществами, обусловленными низкой стоимостью рабочей силы. Единственное, в чем заинтересованы эти страны – приобретение российского оружия, военной техники, сырья.

Одно из перспективных направлений сотрудничества с Европой – освоение современных технологий. Конкурируя с США и Японией, западноевропейские страны нуждаются в наращивании научно-технического потенциала. США реально

превосходят их, а темпы роста японского научно-технического потенциала очень велики. При данных обстоятельствах сотрудничество с Россией, обладающей мощным научно-техническим потенциалом, в ряде областей сравнимых с США, может стать для Европы средством укрепления позиций на мировом рынке новых технологий.

Масштабы, динамика, структура внешнеэкономической деятельности России в важнейших областях – торговля, кредитно-финансовые отношения, инвестиционное сотрудничество – в настоящее время и в ближайшей перспективе будут определяться взаимоотношениями со странами ЕС.

В политическом отношении одним из важнейших интересов России остается сближение, реинтеграция со странами Содружества, в экономическом – приоритет сдвигается в сторону сотрудничества со странами ЕС. Такая асимметрия во многом определяет, объясняет неудачи, которыми сопровождается становление, развитие межгосударственных отношений в рамках Содружества. Страны экономически тяготеющие к России (Беларусь, Казахстан, Армения, отчасти Украина, Киргизия), не имеют возможности реализовать интересы из-за нестыковки действующих хозяйственных механизмов с российскими. Ряд стран пытается активизировать усилия по сотрудничеству с Европейским союзом и его странами.

Несмотря на выгодность экономических связей с Западной Европой и необходимость контактов со странами Ближнего зарубежья, Россия не может ограничивать интересы этими регионами. Россия имеет жизненные интересы как в Европе, так и Азии.

Защищенность и стабильность государства можно считать обеспеченными, если гарантирована его внешняя и внутренняя безопасность. Как отмечает К.Гаджиев, успехи и неудачи на внутреннем фронте в конечном счете будут определять вес и влияние России как в постсоветском пространстве, так и в мире в целом.

Исторически Россия демонстрировала пример державостроительства на началах сильной централизованной власти. Опыт последних лет убедительно показал – именно России придется играть первостепенную геополитическую роль в достижении стабильности евразийского региона. Дезинтеграционные, центробежные тенденции, обнаружив предел, оборачиваются объективно детерминированными центростремительными, интеграционными процессами. Данный факт обусловлен особенностями российского державостроения: исторически оформленной государственно-административной структуры по границе этносов. Бывшие советские республики доказали его бесперспективность.

Совершенствование национального «плавильного котла» связывается, таким образом, с экономической интенсификацией окраин (укоренение высоких технологий, специалистов, усиление миграционных потоков), легализацией нового федерального регламента, предоставляющего максимум прав и свобод перифериям, но с прекращением концентрации титульных наций в автономиях с перспективой госсамоопределения. Именно таким образом: цивилизованно, цивилизационно Россия сможет преодолеть внутренний раскол, стать единой и неделимой.

Технология трансформаций предполагает не революцию, а продуманную выверенную реформу. В итоге: отменяется торжество чистых, не сопряженных с жизнью идей; связывается радикальность, масштабность, необозримость преобразований; вводятся мелиористские, эволюционистские, консенсуальные расчеты потребного.

Блокирование центробежных тенденций, преодоление угрозы державной фрагментации России связано с последовательным, планомерным, всемерным по-

литико-экономическим укреплением Отечества.

Россия – не договорная, а конституционная федерация, провозглашена 10 июля 1918 г. на V Всероссийском Съезде Советов.

Россия многонациональна. Ввиду отсутствия национальных границ, неясности вопросов историко-этнической принадлежности территорий, потенциальная государственная суверенизация этнических автономий была бы связана с громадными издержками, доходящими до межнациональной бойни.

Принцип национальности выдвинут в эпоху Великой французской революции, декларирует совокупность прав народа на свободу выбора социально-политического строя, территориально-хозяйственную, культурную независимость. В практике отдается предпочтение решению национального вопроса по линии не сепаратизации, а интеграции.

Оптимально устранение административно-территориальной этноавтономности, обеспечение внутригосударственной гражданской мобильности, введение общезначимых языков межнационального общения, развитие института национально-культурной автономии. На первом месте должны быть не этнические, а общегосударственные интересы, базирующиеся на основе универсальных прав человека и принципе экстерриториальности.

Процесс государствообразования с позиций признания сложившегося баланса интересов завершен. Типы решения национального вопроса выстраиваются в последовательность: персональная этническая идентификация; национально-культурная автономия; государственное самоопределение (политическая суверенизация).

В державной плоскости многонациональные страны этническую центробежность утрачивают. Применительно к России это означает, что самоопределение российской нации – дело прошлого. Этнической подкладкой российского государства выступает синтетический российский суперэтнос. Дальнейший этатогенез в политико-государственном пространстве России практически невозможен.

В сфере идеологии необходим доктринальный отказ от пропаганды права этносов на госсамоопределение. Требуется введение института национально-государственной автономии. Федерализм следует толковать не как национально-территориальную, а как территориальную форму демократического устройства на базе волеизъявления всех проживающих в данной административной единице граждан.

Важно прекращать концентрацию титульных этносов в автономиях с целью последующей инспирацией государственности. Необходимо укреплять иноэтническую диаспору на местах; обеспечивать справедливое участие в политическом процессе представителей нетитульных национальностей; целенаправленно переходить на иной тип управленческого устройства с территориально-административным делением пространства; выработать критерии деления регионов на республики, области, национальные округа, подразумевая естественную дисперсность народов по просторам России; поощрять образование не национально-государственных организаций, а административно-территориальных управлений с НКА.

В законодательстве выход из сложившейся ситуации – в развитии дифференцированного политического, правового управленческого регламента, регионального хозяйственного расчета. Уравнение регионов в правах возможно на пути масштабной административно-территориальной реформы, предполагающей деление российского пространства на равные по ресурсам, численности населения, размерам территории, адекватно представленные по политико-юридическим интересам

на государственных уровнях.

Французы боролись в свое время с кризисом более 80-ти лет. И утих он благодаря внешней экспансии (наполеоновские войны, колонизация), истощению внутренних ресурсов во всех последовавших за «Великой» «обычных» революций, или проще – гражданских войн. Для сегодняшнего расцвета Франции понадобилось 16 конституций, 5 республик, 4 революции (гражданских войны) и естественно участие в военно-политических блоках по переделу мировых ресурсов. Свобода стала атомизацией личности (Как у Достоевского – я свободен в чуждой и безразличной ко мне толпе). Свобода совести обернулась свободой от совести. Равенство сведено к равенству ответственности перед законом, но отнюдь не к равенству в защите этим законом и тем более в реализации жизненных устремлений. Равенство возможностей для бедных и богатых звучит откровенной насмешкой.

Смерть «государства-бога» заставляет пересмотреть восприятие института государства и его функций в современном обществе. Переоценка отношения к государству, его десакрализация является первейшей задачей общественного сознания. Успешность ее реализации становится одной из основ благополучного воплощения в действительность новой логики социального реформирования.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Гаджиев К.С. Геополитика. – М., 1997.
2. Ильин В.В. Мир Globo: вариант России. Калуга, 2007.
3. Common Security and Foreign Policy in the Post Cold War / Address by the Minister for Foreign Affairs, Msr. Lena Hjelm-Wallen, at the Common Security Forum. Stockholm. – 19.06.1995.

R.V. Shlykov

STRATEGY OF PROVIDING NATIONAL RUSSIAN INTERESTS SUPPORT

Abstract: By reflection of social facts the model of geostrategies values of Russia's interaction with central figures of international life is presented. It is given the general description of national interests strategy realization.

Key words: National interests of Russia, structure of foreign policy activity of Russia, structure of the national-state interests of Russia, the Jaltinsko-Potsdam system, new world order.

РАЗДЕЛ 3.
ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ И ИСТОРИИ ДРУГИХ ФИЛОСОФСКИХ ДИСЦИПЛИН

УДК 1 (092)

Барсуков И.С.

ДИАЛЕКТИКА ТРУДА КАК ОСНОВА В ОПРЕДЕЛЕНИИ СУЩЕСТВЕННОЙ РОЛИ СУБЪЕКТИВНОСТИ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ ФОРМООБРАЗОВАНИЙ ДУХА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Г.В.Ф.ГЕГЕЛЯ ЙЕНСКОГО ПЕРИОДА*

Аннотация: В статье рассматривается характерное для йенского периода творчества Гегеля использование категории труда в анализе социально-политических явлений, что позволяет Гегелю вычленить субъективность в качестве исходной основы для развития формообразований духа. Обнаружение существенной роли субъективности в процессе обращения форм духа в дальнейшем предопределило переход Гегеля к использованию феноменологического принципа при построении системы.

Ключевые слова: диалектика, диалектика труда, категория труда, субъективность, формы духа, феноменологический принцип.

В философской литературе, посвящённой Гегелю, недостаточно исследованной является проблема влияния экономических воззрений Гегеля на формирование его оригинальной философской концепции в йенский период творчества [6, с.3-4]. До сих пор серьёзный анализ определяющего влияния на Гегеля экономических теорий того времени имеется только у Лукача: «В литературе о Гегеле за редким исключением экономическая сторона его социальной философии полностью игнорируется, и даже те буржуазные авторы, которые, отлично зная, что Гегель занимался проблемами политэкономии, тем не менее, будто слепые, не замечали значения гегелевских суждений в этой области ...» [5, с.361].

С точки зрения Лукача, эволюция воззрений Гегеля в Йене заключается, в том, что внутри самой целостной концепции нравственности им (Гегелем) всё сильнее подчёркиваются объективные экономический и исторический моменты в противовес одной лишь моральности. Но это не просто принятие во внимание экономических определений при рассмотрении сложнейших социальных проблем. Существенным выступает здесь то, что: «При анализе экономических воззрений Гегеля в йенский период, мы прежде всего отмечаем, что он рассматривает сферу человеческого труда, экономической деятельности в качестве основы, как исходный пункт практической философии». [5, с.360] Заметим, именно практической философии. Несмотря на то, что Гегель в Йене продолжает работать и над логической концепцией, и над философией природы, тем не менее эти разделы будущей системы отходят на второй план.

В большей степени задача, которую ставит перед собой Гегель в начале йенского периода, состоит в объяснении природы социальных отношений. Вполне определённая практическая направленность его изысканий и стремление к систематическим построениям приводит к тому, что в поле зрения философа в качестве исходного пункта для построения системы попадает категория труда. Внимание к

* © Барсуков И.С.

социально-экономическому срезу действительности и одновременно глубокое знание истории, философии позволяет ему предположить, что, по сути, такое самое простое и исторически раннее явление как труд заключает в себе все существенные формы отношений человека к самому себе, к обществу и природе, всю полноту форм. Но самым важным для Гегеля является обнаружение того, что первой фигурой в процессе продуктивной деятельности человека становится субъект как носитель фундаментального признака труда – целесообразности. С одной стороны, социально-экономическое рассмотрение получает мощный инструмент для раскрытия собственной природы, с другой, в выдвижении на первый план проблемы целесообразности даёт возможность рассматривать логическое не само по себе, а в глубокой связи с конкретной практической основой. Это безусловно преимущество Гегеля в сравнении и с прежней метафизикой, и с критической философией, и, так называемым, «диалектическим догматизмом» Шеллинга, поскольку существенная сторона деятельности получает форму устойчивого и всеобщего предмета, тогда как до Гегеля размытые границы предмета (деятельности как таковой) ограничивали объективность рассмотрения как логических, так и социальных процессов.

Труд Гегель берёт в качестве наиабстрактнейшей исходной основы – как естественный способ выхождения духа из природы, как разрешение противоречия природного родового процесса, которое заключено в снятии односторонности рода, находящего для себя адекватное осуществление не в отрицании жизни отдельных индивидов, а, напротив, в утверждении их жизненности. [4, с.24] Труд для Гегеля – деятельность, существенной стороной которой является как разрушающее (негативное) отношение к внешнему объекту, так и позитивное – становление объекта, задержанное потребление, а это, по Гегелю, есть причина возникновения субъективности.

Во всех произведениях йенского периода, где Гегелю необходимо сделать акцент на самом процессе вычленения субъективности в качестве исходной основы для развития формообразований духа, Гегель использует существенные характеристики труда и противопоставляет ему процесс, в котором такого вычленения не происходит, а именно, чистое потребление, чистую негацию предмета, характерную для природного существования индивида: «Вожделение удержало за собой (hat sich vorbehalten) чистую негацию предмета, а вследствие этого беспримесное чувствование себя. Но поэтому данное удовлетворение само есть только исчезновение, ибо ему не достаёт предметной стороны или устойчивого существования. Труд, напротив того, есть заторможенное вожделение, задержанное исчезновение, другими словами, он образует. Негативное отношение к предмету становится формой его и чем-то постоянным, потому что именно для работающего предмет обладает самостоятельностью. Этот негативный средний термин, или формирующее действование, есть в то же время единичность или чистое для-себя-бытие сознания, которое теперь в труде, направленном вовне, вступает в стихию постоянства; работающее сознание приходит, следовательно, этим путём к созерцанию самостоятельного бытия как себя самого» [3, с.103]. Гегель схватывает существенную сторону процесса труда – реальное раскалывание процессом труда природного родового процесса на субъективность и порождённую субъективностью реальность – объект, что соответствует внутреннему членению труда на труд живой и овеществлённый.

Отмечая различие, – «...которое существует между реальностью, собственной природой объекта и между его идеальным становлением в качестве определённого (Bestimmtwerden) и бытием в качестве определённого (Bestimmtsein) благодаря тру-

ду;» [1, с.282] – Гегель обнаруживает, что в качестве важнейшей фигуры процесса труда, отнесённого к внешнему объективному, выступает индивидуальность, субъект как опосредствующее звено – «...здесь собственно труд подводится под созерцание, ибо объект есть всеобщее в себе; следовательно, там, где он является субсумирующим, единичность субъекта занимает надлежащее ей разумное место; ...» [1, с.282]. Эта единичность есть существенный момент процесса труда – живой труд: «В силу того, что объект является подводящим труд под себя, он выступает в качестве реального в отношении. ...тем самым труд есть также реальный, или живой труд, и его наполненность жизнью нужно понимать как целокупность, но в каждый данный момент – как собственно живой труд, как особенный объект» [1, с.283].

На стороне живого труда в качестве действительной, объективированной (Гегель говорит реальной) стороны отношения выступает живой индивид, субъект. Само по себе такое деление труда на существенные его моменты: 1) цель как идеальное определение, исходная основа и предпосылка; 2) деятельность, живой процесс; 3) результат, продукт труда; ещё лежит на поверхности, но позволяет Гегелю выйти на внутреннюю диалектику процесса труда: цель как исходная основа и собственно деятельность непосредственно связанные с индивидом – есть живой труд, труд, протекающий во времени, а продукт – труд овеществлённый. Через соотношение живого и овеществлённого труда отношение противоположных субъекта и объекта, можно сказать благодаря определённости формы, наполняется новым содержанием, или, получая определённость формы, конкретизируется.

Живой труд всегда представлен субъектом и Гегель чётко улавливает, что труд – одно из существенных проявлений жизненности субъекта, его жизненной достоверности и действительности – « ...но поскольку индивидуум как таковой просто-напросто един с жизнью, а не только находится в отношении с нею, то о жизни в отличие от других вещей, с которыми он лишь находится в отношении, нельзя сказать, что индивидуум владеет ею; ...» [1, с.303]. Процесс труда невозможно отделить от субъекта, это его (субъекта) неотъемлемое жизненное проявление, протекающее во времени. Для Гегеля живой труд есть способ существования индивида, в котором единичность субъекта становится реальностью, как абсолютная возможность труда, без субъекта (носителя целесообразности) вообще невозможен никакой продуктивный процесс и, следовательно, возможность удовлетворения любой потребности, поэтому реализующая себя в труде единичность стоит выше, чем продукт труда. Единичность становится существенной стороной отношения. Теперь противоположность объекта и субъекта наполнена новым, более конкретным содержанием, чем абстрактная противоположность объекта и субъекта, скажем в системе Шеллинга.

Противоположность живого и овеществлённого труда позволяет Гегелю обнаружить одно из фундаментальных противоречий процесса труда. Именно потому, что живой процесс труда (определение цели (целеполагание) – обращённая вовне целесообразная деятельность (труд)) начинается с субъективной цели, он есть односторонний, следовательно, ограниченный, существующий абстрактно как процесс выполнения цели. Труд начинается с цели, с образа предмета потребности, формирует предмет и получает результат, уже раньше имевшийся в виде идеи предмета. Но откуда к субъекту труда приходят идеи? Получается, что живой труд с необходимостью связан не только с результатом, с продуктом труда, но соотнесён с предпосылками. Ясно, что предпосылкой живого труда не может только одна природная предметность, хотя природа выступает существенной вещественной предпосылкой. Для того, чтобы субъект как представитель живого процесса труда мог действовать, ис-

пользовать продукт прошлого труда, он сам должен быть продуктом прошлого труда и ему: «Необходим средний термин (разумное) содержащий в себе что-то от природы субъективного и объективного нечто посредничающее для обоих» [2, с.310].

В этом месте Гегель и обнаруживает узел всех общественных противоречий феномена субъективности, имеющих исходную основу в труде. Опредмечивая себя в процессе труда, субъект отделяет от себя бытие, которое есть он сам, поскольку является его непосредственной причиной, и, в то же время, отличен от себя. Это «овнешнение», самополагание субъекта в форме объекта, отчуждение как одностороннее отчуждение (einseitige Entäusserung) для Гегеля выступает как необходимое условие существования человека и само по себе непосредственно ещё не есть взаимное отчуждение («wechselseitige Entäusserung» или «Entfremdung»), исторически выступающее как более развитая и поздняя форма отчуждения.

Этот процесс очень важен, потому что для Гегеля он представляет действительное начало самодвижения духа, выразившееся в отрицании и освобождении от природной формы. Этот дремлющий в природе дух в процессе раскалывания «... создаёт себе наличное бытие, соответствующее его внутреннему существу и всеобщности, и становится благодаря этому рефлектированным в себя, для-себя сущим, самосознающим, пробуждённым духом, или духом как таковым » [3, с.30]. И более определённо об этом Гегель высказывается в самом начале феноменологического развёртывания духа в разделе «Сознание», «Чувственная достоверность»: «...«я» обладаю достоверностью через нечто иное, а именно через вещь; а эта последняя достоверна точно также через нечто иное, а именно через «я»» [3, с.55].

Важно и то, что Гегель обращает внимание не только на внешнюю сторону формы, которая здесь получилась, не только на внешнее единство субъективного и объективного духа, но и на внутреннее действительное тождество, которое обусловлено взаимностью порождаемых моментов, находящихся в абсолютной связи. Единство осуществляется в процессе внутреннего их перехода друг в друга, в самом процессе стороны постоянно меняются местами. И это не пустое кружение внутри себя самого, а самодвижение – процесс обращения, и есть основа для развития каждой из сторон, объективный дух и субъективный дух посредством этой формы получают на свою сторону приращение содержания.

Становится понятным, почему в качестве результата обращения для субъективного духа Гегелем выбрано знание или понятие – идея. Идея есть и начало процесса и само движение и результат, поскольку труд взят с самой существенной стороны: труд – деятельность целесообразная и есть перевод цели как идеального бытия в бытие реальное. «Поскольку это бытие, я полагаю, как нечто другое по отношению ко мне и в то же время тождественное со мной, постольку я есть знание и обладаю абсолютной достоверностью моего бытия» [4, с.219]. Только в процессе труда для индивида продукт труда выступает одновременно и как отделившееся бытие, и как тождественное с индивидом. Это самоподтверждение возможно лишь потому, что труд есть деятельность целесообразная.

Из всего сказанного вытекает важнейшая методологическая роль или функция субъективности во всём процессе. ««Я», как абсолютная отрицательность, есть в себе тождество в инобытии; «я» есть оно само и выходит за пределы объекта как чего-то снятого в себе; оно есть и одна сторона отношения и всё это отношение в целом, - свет, обнаруживающий и себя, и другое» [4, с.218]. Не просто важная, а существенная характеристика: «Я» одновременно и всеобщее как возможность и причина предметности, своего другого, и единичное как специфическая реальность, важная

сторона абсолютного отношения.

Одно из существенных качеств субъективности как живого процесса труда есть отрицательная мощь и первопричина всего. Без живого участия субъективности, по Гегелю, невозможно никакое возникновение – в этом отношении субъективность имеет признаки абсолютного, объективно-всеобщее есть бездеятельное и мёртвое. «...Индивид есть абсолютная форма, т.е. непосредственная достоверность себя самого – <...> – он есть тем самым безусловное бытие» [3, с.19]. Это качество субъективности и даёт основание Гегелю поставить субъективный дух на первое место в феноменологическом процессе, нисколько не противореча при этом природе процесса труда, поскольку труд, как деятельность целесообразная, осуществляется под господством субъективной цели, содержит перемещение цели как исходного бытия в конечный результат.

Но в тоже время, несмотря на абсолютное начало, каковым выступает в этом процессе субъективность, она соотнесена с существенной стороной, с объективностью и «...не есть подлинно непосредственное, но нечто в себе положенное опосредствованное. Через это противоречие дух побуждается к тому, чтобы снять то непосредственное, то другое, каковым он себя предполагает» [4, с.33]. Это противоречие очень важно, поскольку оно и образует в процессе разрешения различные формы отношения субъективности к объективному.

Субъективность полностью снимается движением рода, её единичное действие не есть только ей самой определённое действие. А это уже форма отношения единичности к всеобщему, возникшая на основе общественной предпосылки. И внешне эта форма существует как неразличённое тождество субъективного и объективного. «Труд также распределяется согласно природе каждого члена, но его продукт является общим; именно через это распределение каждый производит избыток, но не как свою собственность. Переход не есть обмен, он совершается непосредственно, является общим в себе и для себя самого» [1, с.307]. Более того такая форма отношений индивида и рода предполагает полную зависимость и поглощение индивидуального.

И в йенской реальной философии Гегель ещё раз указывает на получившуюся в процессе труда форму отношения объективного и субъективного: «Труд совершается не ради вожделения как чего-то единичного, а всеобщим образом. Кто работает над этим, тот не потребляет именно это же, но оно присоединяется к совместному владению, а уже отсюда получает всё. Это как и орудие, есть всеобщая возможность пользования и всеобщая действительность его. Это – непосредственное духовное владение» [2, 312-313]. Поскольку труд, «... который направлен на предмет как целое, распределяется в себе самом и становится единичным видом труда; ... » [2, 313], то налицо имеются два вида труда: всеобщий и единичный труд. На стороне единичного труда – живой индивид, на стороне всеобщего – не только вещь, но и система отношений, фиксированная идеально в виде родового опыта, следовательно, являющегося идеальным отношением, «непосредственное духовное владение», через которое индивид и получает подтверждение своей самости.

По Гегелю, сначала в процессе становления субъективный дух реагирует против природной предпосылки, а затем и против собственно самим субъективным духом порождённой предпосылки – против объективного духа. Эти формы отношения субъективности к своей предметности образуют в «Феноменологии духа», так называемые ступени возвышения субъективности от простой достоверности до истины – «сознание» как отношение к предмету внешнему субъективности, «самосознание» и «разум» – как отношение субъективности к предмету тождественному субъективности, где в знании о предмете имеется лишь знание о субъективности, а

субъективность видит себя предметным образом [3, с.223; 4, с.233].

Исходным пунктом системы в этот период творчества для Гегеля должен выступить субъект, как существенная системообразующая фигура. Гегель приходит к необходимости изобразить движение, в котором субъективность и порождённая ею реальность (объективность) выстраиваются в последовательный и исторически обусловленный ряд формообразований духа, движущим принципом которого, по Гегелю, выступает внутренняя диалектика форм, посредством разрешения противоречий. Это позволяет отойти от прямого анализа уже ставших во времени социально-практических характеристик общественного организма и перейти к их феноменологическому анализу, то есть предпринять попытку их объяснения в процессе становления.

При этом, постоянно оглядываясь на исходный пункт этого движения, которое во многом совпадает с действительной природой процесса труда, Гегель делает субъективность исходной основой, целью и результатом этого процесса, тем самым, определяя истинную и конечную цель человеческого существования, как раскрытие подлинных сущностных сил человека в нём самом и через него самого. Одним из важных обнаружений на пути к феноменологическому анализу было обоснование вычленения субъективности в процессе труда и отведение субъективности определенной роли в качестве существенной стороны в процессе обращения знания.

Выделенные на основе анализа социально-политических и экономических форм действительности существенные фигуры: субъективный и объективный дух (индивидуальное и всеобщее (родовое)) и способ их взаимодействия (интеллект – воля) позволяют Гегелю наметить переход к феноменологическому принципу построения системы. Принципу, позволяющему соединить налично существующие формы отношений индивидов друг к другу в процессе жизнедеятельности с логическими (абсолютными) в процессе исторического развития этих отношений, поэтому итогом всего йенского периода является «Феноменология духа». Если в логике Гегель пока не видит путь к выведению формы абсолютного, то, как раз, в феноменологическом процессе возможность опосредствования абсолютного намечается им через диалектику становления субъективности.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. – М: Наука, 1978. – 438с.
2. Г.В.Ф.Гегель Работы разных лет в двух томах. Т1. –М:Мысль, 1972. –672с.
3. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. –М: Наука, 2000. – 495с.
4. Гегель Г.В.Ф.Энциклопедия философских наук.Т.3. Философия духа. –М: Мысль, 1977. – 471с.
5. Лукач Д. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. –М:Наука,1987. – 615с.
6. Хандруев. А.А. Гегель и политическая экономия. –М: Экономика, 1990. – 127 с.

I.S. Barsukov

Work dialectics as a basis in definition of an essential role of subjectivity in the course of formation spirit in G.V.F.Gegel's products Iena the period

Abstract: This article is considered typical for Jena's period Gegel's work using work's categories in analysis social-political phenomena. That allow Gegel to choose the subjectivity in the quality of the initial basis for development of spirit's formbuilding. The detection of essential role of the subjectivity in the process of circulation of spirit's forms later on predetermined the Gegel's transition to using phenomenological principle by system's construction.

Key words: Dialectics, work dialectics, work category, subjectivity, spirit forms, phenomenological principle.

УДК 1 (092)

Бугаев А.Е.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КАТЕГОРИИ СМЫСЛА В ФИЛОСОФИИ ИММАНУИЛА КАНТА*

Аннотация: В работе рассматриваются основные аспекты категории времени кантовской философии. Познавательный процесс предполагается хронологически обусловленным осмыслением. При этом осуществляется попытка анализа современного понимания категории смысла в принципах кантовской гносеологии.

Ключевые слова: категории времени и смысла, философия И.Канта, истина, чувственность, рассудок.

Философия вообще может оставаться сама собой лишь как постоянно изменяющееся, ускользающее, пульсирующее жизнью знание. Как только происходит остановка, фиксация в некотором моменте времени, философия «умирает». Такое её свойство, в первую очередь, связано с двумя моментами: во-первых, философия, во многом, есть *мировоззрение,* а мир, всегда принципиальный противник любой статики; и, во-вторых, на пути поиска истины философии присуще свойство постоянной смыслополагающей верификации посылок и идей, рождаемых в процессе философствования. А где есть постоянная проверка, должны быть и постоянные изменения. «Философия является не “доктриной”, но критикой: она не сама порождает науку о предметах природы, но учит вскрывать заблуждения, и делает то, без чего была бы невозможна никакая наука: позитивно определять “горизонт” познания» (1).

Формально-логическое исследование возможно только для хронологически статичного объекта. Точнее, что чаще всего и бывает, искусственно зафиксированной в памяти исследователя точки, некоего вневременного *среза* изучаемого явления, вещи. Формальная логика изучает точно, детально и скурпулёзно, но всегда — *прошлое*. Априорные принципы чувственности косвенно связаны по крайней мере с первым мыслительным этапом — этапом рассудка. Точка соприкосновения хронологичности и пространственности чувственности с рациональным — понятие. Понятие по Канту — именно та форма мысли, в которой сходятся «живые» и подвижные, непрерывные и бесконечные время с пространством и ищущий, систематизирующий рассудок.

Через чувственное наполнение понятие наделяется хронологичностью и пространственностью. То есть, понятие представляет собой мысль, выраженную объемно и динамично. Если быть до конца точным — понятие, благодаря своему созерцательному наполнению, несет в себе потенциальную способность к динамике и чувственному раскрытию. Понятие, запечатанное знаком системы под названием «речь» являет собой некую самодостаточную онтологическую точку, имеющую в себе всё для развёртывания бытийной вселенной. Некий *микрокосм*. И это при безусловной первичности теоретико-познавательных посылок.

Понятие у Канта - это не фундаментальная неделимая единица бытия, как лейбницеанская монада, и далеко не единица рационального познания. Повторимся — исходя из духа кантовской гносеологии можно сказать, что понятие является семиотически зафиксированной хоронологично-пространственной рациональной точкой, содержащей в себе всё необходимое, гносеологической капсулой. И в этой

* © Бугаев А.Е.

теоретико-познавательной единице нет места разрыву между чувственностью и рассудком — здесь нет места аналитическому баловству.

Кантовское понимание времени в первую очередь интересно нам его возможностью фиксации. Действительно, если время всего лишь присущая человеку познавательная способность, интерпретирующая вневременную трансцендентную вещь-саму-по-себе, то сам человек властен зафиксировать ее в рассудке. И исследовать растянутое во времени явление точка за точкой, дискретно, а ведь именно так только и может работать формальная логика, раскрывать всю свою мощь.

То, что представление о непрерывности чуждо человеческому рассудку, заметили еще античные мудрецы, однако именно Кант связал эту сложность не с якобы несовершенностью человеческого рассудка, а со спецификой человеческой чувственности, с присущим ей свойством временности. Именно в представлениях о времени кроется противоречивость непрерывности и невозможности помыслить непрерывность (безусловно, лишь в рамках формальной логики метафизического исследования). Чем более наполнена ощущениями единица времени, тем сложнее их систематизировать. Напрашивается вывод - коль наш разум может что-либо познавать лишь *последовательно,* ему дано чувство времени для реализации этой необходимой последовательности. Это один из аспектов взаимосвязи чувственного познания и познания рассудочного. Он обусловлен требованием логики к последовательности в рассудке, с одной стороны, и обеспечивающим эту последовательность временем в чувственности, с другой.

Мышление всегда последовательно. Точнее, мышление тем более ценно, чем оно более последовательно выверено (а уж быть оно может любым). Последовательность мышления, по видимому, как раз и определяется последовательностью времени. Та или иначе, но все три ступени познавательного процесса по Канту синхронизируются друг с другом по одним и тем же правилам, единым *ритмом*. Последовательно рассуждать и последовательно мыслить можно лишь имея четкие правила понимания *последовательности*. Её свойства, а значит и вся ритмика познавательного акта обусловлены правилами, по которым существует и действует время. И в этом смысле именно внутреннее ощущение человеком времени, постоянное осознание временной распределённости свойств познавательных способностей человека позволяет сказать о том, что время есть важнейшее свойство познавательных механизмов человека.

Образно говоря, чувство времени есть то чувство, которое приводит в движение все познавательные механизмы. И, что самое важное, время относится не только к чувственности, но является двигателем познания, тем что обеспечивает существование познания как процесса. Процесс осмысления (обретения смысла) — всегда есть процесс перехода от хаоса к порядку. Осмысление как упорядочивание предполагает *последовательность*. Последовательность предполагает *ритмичность*. Ритмичность по определению темпоральна. Время — это среда, в которой с помощью знаковой системы актуализируется мышление.

В качестве примера существования мышления во времени может служить тот факт, что еще во время первых попыток создания ЭВМ, или так называемого «искусственного интеллекта», ученые столкнулись с необходимостью применения генератора тактовой частоты. Очевидно, генератор тактовой частоты является устройством, обеспечивающим среду существования рассудочной деятельности.

Но при всем вышесказанном объединяющую роль чувственности и рассудка играет знаковая система. Речь, которая наполняет внешним содержимым мышление

является своеобразным мостом между миром внутреннего, мыслительного и миром внешнего, чувственного. Знаковая система способна адекватно отразить все многообразие феноменов и предоставить их в пригодном для проведения мыслительных операций виде. Безусловно речь принадлежит внешнему — мы можем услышать, увидеть или другом образом почувствовать знак, соответствующий тому или иному понятию. Вместе с тем, под этим знаком понимается нечто, пусть огрублённое абстракцией, но пригодное для анализа, пригодное для использования в качестве объекта исследования на другом, принципиально ином и неизмеримо более мощном уровне познания. Образно можно сказать, что знак, предоставляемый с помощью речи мышлению, представляет собой некий «кирпичик» - элемент, полностью пригодный к встраиванию в логическую систему, чего не скажешь о явлении, которому этот знак соответствует.

К вышесказанному остается добавить то, что понятие *ритма* неразрывно связано с временем, и что именно некий организующий ритм чаще всего является необходимым условием появления стройных и заслуживающих внимания теорий. А если говорить о ритме, то невозможно не вспоминать о последовательности... Ритм, по всей видимости, является внешней стороной времени, тем, в форме чего для нас даётся время. Любое темпоральное явление для нас обязательно имеет ритмический рисунок. Явственней всего потребность в ритмичности выражается в искусстве.

В первую очередь отметим музыку. Представить себе музыку без ритма — невозможно. Музыкальное произведение всегда разворачивается в определенной ритмической последовательности. Как и в примере с мышлением ритм является некоей средой, в которой музыка актуализируется. Своеобразие музыкального искусства кроется в том, что ритм, безусловно существующий во времени, неоднороден. Он как бы являет собой новую темпоральную среду, в которой, во всяком случае метафорично, время подчинено музыке, да и сама музыка требует для себя специфичное хронологическое начало. В этом отличительная черта музыкального искусства от всех остальных. Музыка даёт слушателю ощущение свободы, которое не может дать ни одно другое искусство. Это — свобода от времени. Внимательный слушатель перестает существовать в объективном времени, он освобождается от него и предается времени-ритму музыки.

Другим, весьма интересным в этом отношении искусством является архитектура. В ней, пожалуй, в первом из искусств, нашел своё место уникальный феномен пространственной ритмичности — повторяемости и последовательности. Недаром архитектуру называют застывшей музыкой — несмотря на относительную статичность во времени, в архитектуре с помощью пространственных приёмов отражается представление о ритмичности. А коль мы понимаем ритм как феномен времени, его способ представляться нам, то можно сказать о пространственно-временном характере архитектуры. Перефразируя высказывание о застывшей музыке можно сказать — архитектура это искусство, выражающее время через пространство.

«Поскольку движение от одного качества к другому совершается в постоянной непрерывности количества, постольку отношения, приближающиеся к некоторой окачествующей точке, рассматриваемые количественно, различаются лишь как «большее» и «меньшее» (2). Однако неслучайно сам Кант говорил о “коперниканском перевороте”. С его точки зрения, анализируя и изучая что-либо, человек манипулирует не познаваемым объектом, процессом, а *самим временем*. Оно ведь - внутреннее чувство, данный нам инструмент актуализации “для нас” бытия. Возможно, инструмент огрубления и упрощения, но всегда - познания. Очевидно, что

внутреннее противоречие познавательных способностей человека между статичностью формальной логики с одной стороны, и внутреннем чувстве времени, с другой, и есть одно из оснований кантовской гносеологии.

Существует возможность *фиксации времени,* нахождения необходимого для исследования временного среза, без остановки мысли. Наоборот, также как пространство разворачивает непознаваемую точку, вещь-в-себе в объемный предмет, который можно уже исследовать не весь в своей целостности, но выделяя в нём части, т.е. анализируя, так и время, своей возможностью сначала открыть предмет, а потом исследовать цикл его жизни последовательно, делая необходимые паузы.

Мысль не обязательно истинна, мысль не обязательно об истине. Но — всегда оформлена, коммутируется с помощью знаковой системы. Истина же подчас не поддаётся объяснению (т.е. не всегда наполнена смыслом). Истина очень часто непередаваема. Ненавистно предчувствие того, что сейчас оформленная в речь для передачи - истина пропадает. Мы пытаемся её осмыслить, выразив в знаках, наполнить измеряемым количественно объёмом, тратим массу сил и *времени*, а истина ускользает. Философы подчас завидуют художникам, передающим в зрительном образе больше и точнее. Мы наполняем её онтологическим содержимым, мы даже можем измерить объём информации — но объем смысла не поддается количественным характеристикам.

Тут необходимо обратить внимание на то, что суть этих, по смыслу теоретико-познавательных парадигм почему-то принято выражать в онтологической интерпретации. Например, Юм говорит: «Неотделимое от времени и некоторым образом составляющее его сущность свойство заключается в том, что каждая из частей времени следует за другой и никакие из этих частей, как бы смежны они ни были, никогда не могут сосуществовать» (3).

В этом — единство смысловой основы времени и пространства. Ведь пространство (по крайней мере в классической философии Нового времени) является «вместилищем всех вещей». То есть оно, во-первых, указывает на то, что все вещи располагаются в нем, оно определяет нам их местоположение. Во-вторых, оно является еще и тем, что определяет физическую форму вещей, т.е феноменов, а если помнить, что «никогда нельзя себе представить отсутствие пространства, хотя нетрудно представить себе отсутствие предметов в нем»(4) , то для нас оформленность вещи в пространстве — одно из условий эмпирически выраженного существования самой вещи. Аналогично и время есть то, в чем, с одной стороны, располагаются отношения последовательности, точнее, время есть возможность последовательности, а значит — возможность восприятия постольку, поскольку восприятие нуждается в последовательности; как говорит сам Кант — «форма внутреннего чувства»(5).

Из приведенной цитаты понятно, что время еще до Канта стали рассматривать в онтологическом аспекте. Точнее, тот или иной тип метафизического понимания времени обосновывается в рамках онтологической проблематики. Не является исключением и кантовская концепция времени. Дело тут в следующем.

Безусловно, Кант начинает выстраивание системы понимания времени с гносеологических посылок, исследуя структуру познавательных способностей на этапе чувственности. Однако даже предварительные характеристики, которыми наделяется время - у Канта уже по сути онтологические. Оригинальность кантианства в том, что время переносится из одной бытийной сферы в другую — из окружающего нас мира в рамки познавательных способностей человека; оно перестает быть атрибутом природы и становится способностью (атрибутом) человеческого познания. И

уже на этой онтологической концепции строится уникальная гносеология классического трансцендентализма.

И в этом смысле перед нами возникает необходимость определения места кантианского типа понимания времени. Время для Канта — то, с помощью чего мы познаем, то, что обеспечивает возможность познания. Однако теоретико-бытийные аспекты феномена времени так или иначе прослеживаются во всех его работах. Вместе с тем, понятие смысла в системе Канта четко не определено и выражено смутно, хотя, вероятно, поставлено в зависимость от времени.

В конце концов, любой познавательный процесс являет собой деятельность по обретению смысла, точнее, такое обретение — логический конец любого познавательного акта, его максима. Смысл — это цель любого познавательного акта, никакое познание не нужно ни для чего, кроме как как для обретения смысла. Однако, роль времени в процессе познания в виде получения информационного материала Кантом изложена довольно детально, и главный вывод его рассуждений состоит в том, что время есть априорная возможность чувственного познания, то есть, время необходимо на самом первом этапе — этапе чувственности.

В то же время если говорить о понятии смысла, то смыслополагающая деятельность возможна лишь на финальной стадии познавательного акта, а именно, по Канту — на этапе разума. Лишь в разумной стадии познания полученному чувственностью материалу, подведенному под понятия на этапе рассудка начинает придаваться смысл. Сначала знание конструируется, создается его каркас, затем на нем обретается содержание и, наконец, знание оживает. Смысл — это жизнь знания, это цель его существования (наверное, единственная цель). Знание только тогда ценно, когда оно осмысленно, когда оно несет или имеет смысл.

Как же соотносится понятие смысла и понятие времени? В рамках кантовской теории познания можно сказать следующее. Поскольку познавательный процесс у Канта линеен, и последовательно проходит стадии чувственности-рассудка-разума, а время — одно из условий чувственности и ключевых понятий трансцендентальной аналитики, то, косвенным образом, участвуя в формировании предварительного материала для рассудка, время определяет и обретаемый в познавательном акте смысл. Позиционируя тот или иной факт в прошлом, настоящем или будущем, такой хронологический аспект может определять полезность, актуальность, истинность того или иного наполненного смыслом знания для смыслоищущего субъекта.

Поскольку сама вышеуказанная линейность или последовательность познавательного процесса, вместе с тем, подразумевает хронологическую основу, на первый взгляд кажется обоснованным мнение о первичности времени по отношению к нему. Иными словами, априорная возможность чувственного восприятия под названием «время» является не только возможностью систематизации познаваемого материала, но и самого процесса познания.

Словом, онтологические аспекты сформулированных Кантом проблем, неотделимы от понятия времени. Попытка их сколь-нибудь последовательного решения невозможна без чётко сформулированной концепции времени, в рамках которой варианты ответов на эти ключевые вопросы чистого разума становятся возможными.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Коген Г. Теория опыта Канта. Глава 16. Система критического идеализма // Вопросы философии .- 2006.- №4 .- с.152.
2. Гегель. Наука логики.- М.: Мысль, 1998.- 1072с.- (Классическая философская мысль). - С. 401. - ISBN 5-244-00905-2.

3. Юм Д. Трактат о человеческой природе /Пер. с англ. С.И. Церители; Под общ. ред., со вступ. ст. и примеч. И.С. Нарского.- Мн.: ООО «Попурри», 1998.- 720 с. - С. 90.- ISBN 985-438-191-9.
4. Кант И. Критика чистого разума/Пер. с нем. Н. Лосского.- Мн.: Литература, 1998.- 960 с. - (Классическая философская мысль). - С.130.- ISBN 985437-396-7.
5. Кант И. Критика чистого разума/Пер. с нем. Н. Лосского.- Мн.: Литература, 1998.- 960 с. - (Классическая философская мысль). - С.139.- ISBN 985437-396-7.

A. Bugaev

CHRONOLOGICAL ASPECT OF THE CATEGORY OF SENSE IN PHILOSOPHY OF IMMANUIL KANT

Abstract: In work the basic aspects of a category of time of Kant philosophy are considered. Informative process is considered as chronologically caused judgement. Attempt of the analysis of modern understanding of a category of sense in principles of Kant gnoseology is thus carried out.

Key words: category of time and of sense, I. Kant's philosophy, truth, sensuality, mind.

УДК 1 (092)

Бузук Л.Г.

ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ ФИЛОСОФСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ Е.В. ДЕ РОБЕРТИ*

Аннотация: Историческая заслуга русского мыслителя Е.В. де Роберти состоит в том, что он, будучи позитивистом, осознал недостатки позитивизма первой волны и не только критиковал его теоретические положения, но и сумел создать свою оригинальную философскую систему. В сложной эволюции философских воззрений Е.В. де Роберти выделяются три этапа: «классический» (1856-1862 гг.), связанный с изучением и уяснением основных положений позитивизма О.Конта и Г. Спенсера; «предгиперпозитивистский» (1863-1869 гг.), появившийся в применении позитивистской методологии для анализа проблем истории, политической экономии, и «гиперпозитивистский» (1869-1915 гг.), напрвленный на критическое переосмысление позитивизма и создание собственной системы философских воззрений.

Ключевые слова: позитивизм классический, предгиперпозитивизм, гиперпозитивизм де Роберти, специфика русского позитивизма.

Е.В. де Роберти – яркий представитель русского позитивизма - внес значительный вклад в развитие данного философского течения. Его философские воззрения прошли сложный эволюционный путь развития. В представленной статье основной задачей является выявление и исследование этапов его философских исканий, а также анализ причин, приведших к изменению его философской позиции. Основные этапы эволюции позитивистских воззрений Е.В. де Роберти целесообразно выявить посредством метода интеллектуальной биографии.

Исследователи философского наследия Е.В. де Роберти либо игнорировали проблему периодизации его творчества[1], либо подходили к ней достаточно формально. Так, например, выделялись два периода: 60-80-е годы XIX века, когда происходило становление его позитивистских взглядов, и 90-е годы, связанные с его переходом на позиции субъективного идеализма[2].

Подобного рода периодизация порождает больше вопросов и мало соответствует объективному отражению тех сложных изменений, которые претерпевали философские взгляды Е.В. де Роберти. По существу, речь должна идти о выделении трех этапов его философской эволюции, которые, с известной степенью условности, могут быть названы так: «классический позитивизм», связанный с уяснением основных положений контовского позитивизма; «предгиперпозитивистский» этап, в котором он пытался распространить позитивистскую методологию на проблемы истории и политической экономии; «гиперпозитивистский» этап, связанный с созданием своей собственной системы философских воззрений.

Этап «классического позитивизма» длился с 1856 по 1863 годы. В интеллектуальной биографии Е.В. де Роберти он ознаменован окончанием московской гимназии, годами учебы в Александровскоим (бывшем Царскосельском) лицее, где он впервые познакомился с творчеством французских позитивистов О.Конта, Э.Литтре. Необходимо отметить, что уже в 1850-е годы Е.В. де Роберти и его друг Г.Н.Вырубов объявили себя позитивистами, а в 1862 году, по окончании лицея, состоялось личное знакомство де Роберти с Э. Литтре.

Суть этого этапа состояла в усвоении Е.В. де Роберти позитивистской системы О.Конта об определяющей роли научных знаний в развитии общества. Он разделял контовский тезис о том, что без науки нет и философии; признавал подчи-

* © Бузук Л.Г.

ненность человеческого ума естественному ходу вещей; необходимость ориентации социологии как учения о социуме на естественные науки как более зрелые и ранее приблизившиеся к позитивному состоянию.

В то же время Е.В. де Роберти не принял осуществленную О. Контом позже ревизию своих воззрений, результатом которой стало утверждение об определяющей роли в жизни общества не науки (знания), а морали и религии. Создавая позитивистскую религию и принижая роль научного знания, О. Конт, по мнению Е.В. де Роберти, порывал с «Курсом позитивной философии», что и послужило поводом для обвинения французского философа в недостаточной *позитивности* его позитивизма.

Для понимания, почему именно позитивизм стал столь привлекателен для лицеиста Е.В. де Роберти, необходимо ощутить интеллектуальную атмосферу России того периода. Следует отметить, что западная философская мысль всегда (с XVIII века) оказывала существенное влияние на российскую общественность, которая живо откликалась на все сколько-нибудь значительные философские учения: кантианство, фихтеанство, шеллингианство, гегелианство, фейербахианство, марксизм, позитивизм. Популярность позитивизма в России Х1Х века была значительной, а его влияние продолжалось вплоть до 20-х годов XX века.

В 1842 году О.Конт издал заключительный том «Курса позитивной философии» и очень скоро отголоски этого события прозвучали в России. Так, например, считается, что впервые с позитивизмом российскую общественность познакомил в 1847 году В.Милютин, блестящий знаток экономических теорий, юрист, социолог, публицист. На страницах журнала «Отечественные записки» он изложил основные идеи «Курса позитивной философии». Основным результатом этого воздействия оказалось восприятие принципа эволюционного развития человечества.[3] Согласно другому мнению, первая четкая реакция на позитивизм в России обнаруживается уже в 1845 году и непосредственно связывается с деятельностью одного из первых русских позитивистов В.Н.Майкова (1823-1847 гг.), заявившим на страницах журнала «Финский Вестник» о необходимости критической переработки социальных наук Запада, и прежде всего, позитивизма О.Конта для преодоления спекулятивной философии и решения экономико-политических проблем России[4].

Впрочем, позитивизм оправдывал европейские антимонархические действия, например, европейские революции 1848 года, что напугало и без того консервативное российское правительство. Результатом стало усиление надзора за преподаванием гуманитарных наук, запрещение преподавания права западноевропейских стран, изъятие сочинений О.Конта из государственных библиотек, сокращение общего числа студентов.[5] Следует вспомнить и «высочайшие» решения о запрещении официального использования терминов «общество», «революция» и «прогресс»[6]. Однако в 1861 году запрет на изучение гуманитарных наук был снят. Именно в это время были переводены на русский язык произведения наиболее ярких представителей первой волны позитивизма Дж.Милля, Г.Спенсера, Г.Льюиса[7].

Словом, таким был социально-политический фон первого этапа позитивистских воззрений Е.В. де Роберти. «Дворянский либерализм и герценовский социализм были в то время всего лишь тенденцией,- отмечает Р. Веррье.- Но именно они нацелили Вырубова и де Роберти на принятие того, с чем они столкнулись позже - левым позитивизмом Э.Литтре»[8].

Следует напомнить, что на переход де Роберти от философии А.Герцена к позитивизму Э.Литтре серьезное влияние оказал преподаватель французской литера-

туры в лицее Е.Поммье, ученик О.Конта и друг Э.Литтре. Собственно Е.Поммье и был первым учителем позитивизма у де Роберти и Г.Н. Вырубова. Причем юные позитивисты в большей степени тяготели к идеям самого Э. Литтре, материалистически истолковывавшего позитивизм, одного из первых критиков контизма «слева», с юношеским максимализмом воспринимая их как более позитивистские, чем взгляды О.Конта.

Оригинальность идей Э.Литтре не вызывала сомнений у русских современников. Так, например, В.Г.Белинский считал, что «ученый с мировым именем Литтре несомненно содействовал популяризации первого позитивизма, хотя его взгляды были далеко не тождественны контизму»[9]. Э. Литтре создал теорию на основе контизма и против Конта и, как заметил Р. Веррье, исследователь философского творчества Е.В. де Роберти, «те, кто принимал с энтузиазмом работу Конта «Курс положительной философии», отреклись напрочь от «Системы», потому что в ней Конт, подобно мистицизму, выливался в консерватизм»[10].

Е.В. де Роберти и Э.Литтре объединяла не только уверенность в правильности позитивизма, но и общая тяга к исследовательскому творчеству, связанному с критическим переосмыслением теоретических основ позитивизма. С контизмом и против О.Конта - этот методологическо-критический подход стал определяющим на всю творческую жизнь и для Е.В. де Роберти.

Таким образом, в рамках общей характеристики этапа «классического позитивизма» Е.В. де Роберти можно отметить следующие особенности.

Во-первых, изучение позитивизма явилось первой встречей с философской системой. У Е.В. де Роберти не было достаточной философской подготовки, глубоких знаний гегельянства, кантианства и других философских воззрений, господствовавших в России. Во многом именно поэтому встреча с позитивизмом оказалась основной в его жизни, в отличие, например, от В.Г.Белинского, имевшего солидную философскую подготовку и скептически относившегося к позитивизму. «Конт – человек замечательный, - пишет В.Г.Белинский, - но чтоб он был основателем новой философии, далеко кулику до Петрова дня! Для этого нужен гений, которого нет и признаков в Конте. Этот человек – замечательное явление, как теологическому вмешательству в науку, и реакция энергическая, беспокойная и тревожная»[11].

Во-вторых, позитивизм, с которым познакомился Е.В. де Роберти, уже был критическим переосмыслением контизма, он был далек от схоластики позитивизма, от его абстрактных схем и представлял собой уже почти философию жизни.

В-третьих, позитивизм привлек Е.В. де Роберти своей социальной направленностью, поскольку объявлялся философским проектом «совершенной жизни».

Второй этап эволюции философских воззрений Е.В. де Роберти условно можно назвать «предгиперпозитивистским» начался с мая 1863 года, когда он, два его брата и Г.Н.Вырубов, начали слушать лекции в старейшем в Европе Гейдельбергском университете. Во второй половине XIX века это был самый «русский» университет в Германии, славившийся не только высоким уровнем преподавания, но и своим демократизмом, особым гейдельбергским новаторским духом, междисциплинарным подходом в науке.

Интеллектуальная биография требует также максимально внимательного отношения к учителям-педагогам, во многом определявшим приоритеты духовных исканий и мировоззренческий «угол» видения своих подопечных. Устойчивый интерес Е.В. де Роберти к естествознанию формировался под сильным влиянием преподававших в Гейдельбергском университете известных естествоиспытателей

Р.В.Бунзена, Г.Р. Кирхгофа, Г.Ф. Гемгольца.

Профессор Гейдельбергского университета Р.В.Бунзен (1811-1899 гг.) был одним из создателей фотохимии. С помощью разработанного им метода спектрального анализа (совместно с физиком Г. Кирхгофом) он открыл химические элементы цезий и рубидий. Помимо колбы для вакуумного фильтрования, химического штатива («штатив Бунзена») и «клапана Бунзена» (простое и остроумное приспособление для сброса избыточного давления в химическом реакторе), он изобрел газовую горелку («горелка Бунзена»), гальванический элемент («элемент Бунзена») и ледяной калориметр для определения теплового эффекта реакции по количеству воды, полученной из расплавившегося при 0°С льда. Имя немецкого ученого получила и зависимость количества продукта фотохимической реакции и энергии вызвавшего ее излучения (закон Бунзена-Роско).

Г.Р. Кирхгоф с 1855 года и в течение 20 лет возглавлял кафедру физики Гейдельбергского университета, где и написал свои лучшие работы. Его гению принадлежало открытие закономерности протекания тока в разветвленных цепях (правила Кирхгофа), идея о распространении переменного тока по проводам, результаты которой во многом предвосхитили идеи Дж.Максвелла, касающиеся электромагнитного поля. Он открыл закон теплового излучения (закон Кирхгофа), ввел понятие «абсолютно черного тела». Разработка проблемы излучения «абсолютно черного тела» в конечном счете, привела к созданию квантовой теории излучения.

Г.Ф. Гемгольц (1821-1894), профессор Гейдельбергского университета активно исследовал проблемы электромагнетизма, оптики, теплоты, акустики, гидромеханики и т.п. Он сформулировал и математически обосновал закон сохранения энергии, разработал термодинамическую теорию химических процессов, развил теорию аномальной дисперсии, выдвинул идею атомарного строения электричества, добился существенных результатов в физиологической акустике: открыл комбинационные тоны, выдвинул резонансную теорию слуха.

Е.В. де Роберти всегда интересовался естествознанием, что в дальнейшем оказало воздействие и на его философские воззрения. Однако поступил он на самый престижный в 60-х годах XIX века в Германии факультет права, чтобы учиться политическим и экономическим наукам у профессоров Р.Фон-Моля и И.К.Блюнтчли.

Профессор Р.Фон-Моль (1799-1875 гг.) возглавлял кафедру права Гейдельбергского университета. В рамках государственного права он первый стал различать понятия «государство» и «общество». Серьезное внимание уделял разработке проблемы правового государства, являвшейся, по его мнению, средством для достижения различных жизненных целей и для ограждения прав личности. Ему принадлежит и учение о государственной нравственности. Кроме того, необходимо отметить, что Р.Фон-Моль, занимаясь наукой и преподаванием, не был чужд и политической деятельности. Впоследствии подобный стиль жизни выбрал для себя и Е.В. де Роберти.

Профессором конституционного права Гейдельбергского университета был И.К.Блюнтчли (1808-1881). Наиболее известны его заслуги в области военного и международного права, а его книга «Современное военное право» легла в основу документов Гаагских мирных конференций 1899 и 1907 годов. Другая работа И.К.Блюнтчли долгое время считалась в своей области «канонической».

На этот же «предгиперпозитивистский» период приходится и продолжение обучения Е.В. де Роберти в еще более известном Йенском университете, в котором 22 ноября 1864 года он защитил диссертацию по теме «Некоторые разъяснения по

поводу внутренней организации Новгорода Великого в средние века».[12] Зимой 1864-1865 годов в Берлине он совместно с Г.Н. Вырубовым работал над переводом трудов Э.Литре «Речи о позитивистской философии». В следующем году уже в России, в своем имении Валентиновка, занимается политэкономией, пытается издавать в Петербурге «Политический, экономический и финансовый журнал». В письме к Г.Н. Вырубову от 20 декабря 1866 года он отмечал: «Мы хотим обращаться только к интеллигенции русской, к какому бы сословию или партии она ни принадлежала. В политике мы хотим создать партию и политику интеллигенции, а в экономических и финансовых вопросах постараемся быть глашатаями della Scienza nuova – новой науки (имя, данное социологии еще задолго до ее обоснования Контом, итальянцем Вико».[13] В 1868-1869 годах Е.В. де Роберти, работая в Министерстве финансов, опубликовал статьи «Политическая экономия и общественная наука», «Некоторые законы политической экономии»[14]. Завершился этот период в 1880 году публикацией робертовской «Социологии».

Суть же «предгиперпозитивистского» этапа философской эволюции де Роберти состояла в стремлении применить позитивистскую методологию, главным образом, для экономической и социальной проблематики[15]. Ценность данного этапа заключается в том, что Е.В. де Роберти обосновывает теперь необходимость *социологизации* политической экономии. Итогом данного этапа, или творческого философского дебюта, стало осознание им недостаточности позитивистской методологии для оценки общественных явлений.

Содержание и смысл «предгиперпозитивистского» этапа философской эволюции проявилось уже в его отклике на вышедшую в 1858-1859 годах книгу американского экономиста и социолога Г.Ч.Кэри «Основания социальной науки», а также в его рецензии на опубликованный в Берлине первый том «Капитала» К.Маркса (1863 г).

Родоначальник американской политической экономии Г.Ч.Кэри (1793-1879) был создателем методологии, используемой и в современной политической экономии США. Методологической основой его экономической системы являлось отождествление социальных законов с естественными, из чего вытекал ряд положений. Во-первых, предметом политической экономии рассматривались не закономерности общественного развития, а человек, индивидуум и его поведение. «Социальная наука, - писал Г.Ч. Кэри, - имеет предметом человека и его деятельность, стремящуюся поддерживать и улучшать свое положение. Она есть наука о законах, управляющих человеком в его деятельности, стремящейся упрочить за ним высшую степень индивидуальности и развить в нем наибольшую склонность к ассоциации с себе подобными». Таким образом, что и отмечал Е.В. де Роберти, автором игнорировалась *специфика социального*.

Во-вторых, Е.В. де Роберти не мог согласиться с тем, что статус политической экономии, по Г.Ч.Кэри, тождественен статусу социальной науки, так как само общество возникает с проявлением экономической жизни и непосредственно связанно с обменом товаров а, следовательно, понятия «обмен» и «общество» равнозначны. Е.В. де Роберти, выражая свое несогласие с данной точкой зрения, утверждал: «Превращать науку общества в науку обмена, как бы широко ни понималось это слово, значит, видеть в целом только одну часть и вместо того, чтобы изучать весь общественный организм, ограничиться изучением только одной функции его; потому что, очевидно, что социальный обмен в смысле Кэри играет относительно общественного организма ту же роль, какую играет относительно индивидуального

организма процесс ассимиляции, заключающий питание и дыхание, т.е. беспрерывный обмен частичек между организмом, и управляющий одними только индивидуумами, хотя бы эти последние и рассматривались не отдельно, но в агрегате с другими людьми»[16].

В-третьих, Е.В. де Роберти считал ошибочным выводить законы и категории политической экономии, как это делал Г.Ч.Кэри, не из определенного способа производства, а из «взаимоотношений Робинзона Крузо и Пятницы», живущих на необитаемом острове. Их опыт – это опыт отношения человека к природе, а не отношение классов к средствам производства.

Согласно Г.Ч. Кэрри, отношение человека к природе были одинаковыми во все времена. Категория «стоимость» выводилась им из степени подчинения, освоения человеком природы, а не из трудовой теории стоимости. Капитал, по его мнению, - орудие господства человека над природой, причем в понятие капитала включается и пища, и умственная, физическая силы, и форма луков, лодок, кораблей, земли, домов, фабрик и заводов. Поэтому он утверждал, что уже у Робинзона Крузо был капитал в виде потребленной им пищи, лука и пр.Эта «физиологическая» трактовка накопления капитала была экстравагантна, и вызывала естественное возражение и Е.В. де Роберти.

Впрочем, на содержательном уровне критические замечания Е.В. де Роберти в адрес Г.Ч. Кэри представляли собой типичную позитивистскую позицию, основанную на разработанной О.Контом классификации наук, в которой нет места политической экономии. Напомним, что в рамках науки О.Конт устанавливал иерархию основных наук: математика, астрономия, физика, химия, биология и социология. По этой шкале-классификации можно было определить степень позитивности, а также последовательность, в которой науки строятся друг на друге. К политической экономии О.Конт относился с нескрываемым пренебрежением и не считал ее позитивной наукой. И то, что Е.В. де Роберти применяет позитивистскую методологию к рассмотрению содержания политической экономии, уже можно рассматривать как шаг вперед в развитии позитивизма.

По существу спор Е.В. де Роберти и Г.Ч Кэри - это спор о широком и узком толковании общества: общество – это весь организм (Е.В. де Роберти), а не одна из его функций (Г.Ч.Кэри). По мнению Е.В. де Роберти, опасность подхода Г.Ч.Кэри состола в том, что в этом случае политическая экономия «поглощает социологию и обе, разумеется, одинаково страдают от этого. Первая, принужденная выйти из своего обычного круга и заниматься условиями не только экономического, но и умственного и нравственного прогресса, теряет большую часть своей аналитической силы и становится неопределенной, шаткой и гадательной; вторая же чрез меру съеживает свою точку зрения и теряет большую часть своей общности и полноты»[17].

Уже в этих первых печатных статьях были сформулированы важные положения его философского мировоззрения: во-первых, признание множественности источников, влияющих на развитие общества и борьба с любыми проявлениями монизма, в том числе и экономического; во-вторых, понимание того, что общество не есть простая сумма индивидов, и, в-третьих, различие психологических законов, управляющих поведением индивидуумов, и социологических законов, управляющими обществом. В трактовке Е.В. де Роберти эти суждения выглядели следующим образом: «Не менее важно проглядывающее у Кэри неверное понимание общества, как простого агрегата индивидуумов. Оно ведет к постоянному смешиванию индивидуума с обществом и психологических законов, управляющих первым, с социоло-

гическими законами, управляющими последним. Социология изучает статические и динамические условия существования обществ с целью открыть законы, управляющие целыми обществами, как особыми организмами, а не законы, управляющие одними только индивидуумами, хотя бы эти последние и рассматривались не отдельно, но в агрегате с другими людьми»[18].

В работах Е.В. де Роберти чувствуется влияние контизма не только содержательное, но и стилистическое. Так, он, подобно О.Конту, активно использует аналогию общества с организмом человека. У него и О.Конта были и другие схожие стилистические черты, видимо, отражавшие определенную схожесть их личностей: растянутость изложения, длинноты, громоздкие фразы, повторы. Очевидно, их совершенно не волновала красота стиля, но они всячески стремились к полноте изложения своих мыслей. Эти особенности парадоксальным образом сочетались с сочинением было легко запоминающихся афоризмов, например у О.Конта: «Порядок и прогресс», «Знать, чтобы предвидеть, предвидеть, чтобы мочь», «Жить при ясном свете», у Е.В. де Роберти: «Мысль – семя, поступок – плод».

О. Конт был человеком неуравновешенным. Серьезные жизненные неудачи компенсировались у него чрезвычайным самомнением и непреклонной верой в свою исключительную миссию. Чувство юмора и остроумие, по-видимому, были ему чужды[19]. Судя по интеллектуальной биографии Е.В. де Роберти (трудам, поступкам), можно утверждать, что эти качества стилистические и психологические в известной мере были присущи и ему.

Реакция Е.В. де Роберти на первый том «Капитала» К.Маркса также носила критический характер, но при этом он разделял марксистское положение о том, что человек не может жить в обществе и быть свободным от него. «Ассоциация, - писал Е.В. де Роберти, - составляет внутреннее содержание общества, а управляющий развитием ее закон, когда он будет сформулирован, будет бесспорно самым общим социальным законом. Влияние ассоциации на развитие ценности, несомненно. Единичный человек не способен ни к накоплению знания и сбережению труда, ни к умножению капитала, ни к понижению процента и возвышению заработка, словом, единичный человек не способен ни к какому прогрессу, и без соединения с другими людьми, без ассоциации, оставался бы всегда на той ступени развития, на которой он находился при первом появлении своем на нашей планете. Все успехи цивилизации, а между ними и развитие ценности в указанном нами смысле, добыты посредством ассоциации».[20]

С учетом этого Е.В. де Роберти полагал, что неверно трактовать ценность только в экономическом ключе как стоимость, а целесообразно рассматривать ценность в социальном ключе как нечто имеющее социальную значимость. Впоследствии эта идея получила свое развитие в современной аксиологии. Однако содержащаяся в написанных Е.В. де Роберти статьях и книге «Политико-экономические этюды» (1869г.) критика «Капитала» К. Маркса вызвала негативную реакцию в демократических кругах России, о чем свидетельствует, например, разбор его рецензий в письме П.Л.Лаврова редактору журнала «Позитивная философия» Г.Н. Вырубову.[21]

Правды, ради, надо отметить, что и сам Е.В. де Роберти был недоволен своими статьями, считал книгу «Политико-экономические этюды» сырой, о чем свидетельствует его письмо к Г.Н. Вырубову из Санкт-Петербурга в Париж от 23 апреля 1859 года: «Из молчания твоего заключаю, что тебе не совсем понравилась книжонка моя [«Этюды»]. Но меня удивило бы обратное – если бы она тебе понравилась, потому что самому мне она ужасно противна».[22] Впрочем, вряд ли это связано с разбором

его рецензии П.Л. Лавровым, к тому же – лишь в письме редактору журнала.

Третий этап эволюции философских воззрений Е.В. де Роберти называется гиперпозитивистским, начинается он с 1880-х годов и завершается 1915 годом – годом смерти философа. Суть этого «гиперпозитивистского» этапа состоит в критическом переосмыслении позитивистских основ и разработке собственной философской системы (гиперпозитивизма, робертизма, неопозитивизма). По существу, именно на этом этапе и было реализовано понимание (видение) Е.В. де Роберти принципа «с контизмом против Конта».

Особенностями этого этапа являются. Во-первых, наличие множества философских трудов, в которых Е.В. де Роберти разрабатывал идеи гиперпозитивизма Это работы: «Прошедшее философии» (1886), «La philosophie du siecle» (1891), «Agnosticisme» (1892), «Auguste Conte et Herbert Spencer» (1894), «La bien et le mal» (1895), «L'ethique» (1896-1900), «Le psychisme social» (1897), «Fondements de l'ethique» (1898), «Constitution de l'ethique» (1900), статья «Nouveau programe de sociologie» (1904; в русском переводе «Новая постановка основных вопросов социологии», 1909), «Sociologie de l'action» (1908), «Энергетика и социология» (1910), статья «Неопозитивистская школа и новые течения в современной социологии» (1912), статья «Современное состояние социологии» (1913), «Понятие разума и законы Вселенной» (1914), «Философия и ее задачи в XX веке» (1915).

Как видно из этого перечисления, многие его философские работы не переведены с французского языка на русский, что явно не способствовало пониманию и популяризации гиперпозитивизма не только в дореволюционный период, но и в советское время. Следует также учитывать идеологическую заданность историко-философских исследований советского периода, по существу, сводившего отечественную философскую мысль к изучению философии главным образом русских революционных демократов и русского марксизма. К исследованию гиперпозитивизма и других оригинальных отечественных философских концепций философия советского периода интереса не проявляла.

Вторая особенность этого этапа заключается в отсутствии концептуальной четкости гиперпозитивизма, так как эта философская система состояла из разделов, разработке которых были посвящены разные его работы, а обобщающей (итоговой), как, например у О.Конта «Курс позитивной философии», - не было, не появилось. Концептуальной четкости не прибавилось и от эволюции философских представлений Е.В. де Роберти относительно той или иной проблемы. К примеру, изменение его взглядов на предмет социологии, а, по существу, на предназначение гиперпозитивизма: от науки, изучающей особые социальные законы, управляющие обществом и отличные от законов индивидуального развития, до отождествления социологии с этикой и, в конечном счете, понимания ее как универсальной науки о человеческом духе.

И все же применение метода интеллектуальной биографии позволяет нам посредством ретроспективного анализа философского наследия Е.В. де Роберти более или менее отчетливо представить его концепцию, или нашу деконструкцию последней.

Под сутью гиперпозитивизма в советских историко-философских источниках чаще всего понималась психологическая версия позитивизма.[23] Расмотрим аргументы, приводимые в подтверждение этой точки зрения. «Начиная с 90-х годов в работах Де Роберти социальные изменения отождествляются с психологическими процессами. Эволюция воззрений социолога происходит в общем русле позити-

визма с его принципом редукционизма, только на место биологического приходит психологическое редукционирование».[24] Такое утверждение не вполне корректно. Е.В. де Роберти действительно считал психическое взаимодействие основой развития «органического» общества, но применительно к «надорганическому» обществу такими источниками развития он считал науку, философию (религию), искусство и практическую деятельность (поведение), реализуемое в технической, экономической, правовой и политической формах. На этом основании он и сформулировал «закон четырех факторов развития цивилизации».[25]

Только такое понимание дает основание для утверждения, что Е.В. де Роберти рассматривал гиперпозитивизм не как монофакторную (психологическую), а как полифакторную концепцию развития общества, основанную на психологическом взаимодействии людей. Такая наша трактовка позволяет избавиться от упрощений и приблизиться к авторской трактовке гиперпозитивизма.

Анализ философского наследия Е.В. де Роберти позволяет выявить основные разделы и проблематику гиперпозитивизма. Центральным разделом гиперпозитивизма является социальная философия, к важнейшим проблемам которой автор относил: био-социальную гипотезу происхождения общества, закон четырех факторов цивилизации (основной социологический закон), теорию развития цивилизации как эволюции знаний и духовной культуры. Раздел гносеологии рассматривался как часть социологии, как социальная теория познания, основа науки о разуме, в числе основных проблем исследовались вопросы несостоятельности агностицизма (сведения непознаваемого к непознанному) эмпиризма, методов научного познания (наблюдение, эксперимент, описание), знание как функция коллективного психологического опыта и т.д. Раздел этики, основывающийся на гносеологии, де Роберти понимал как прикладную социологию действия и здесь к значимым проблемам отнесил мораль и предмет социологии, соотношение этического и социального. Раздел истории философии в духе гиперпозитивизма включал в себя проблемы трех типов философии (идеализм, материализм, сенсуализм); борьбу с «психологизмом» и «прагматизмом».

Таким образом, эволюция философских воззрений Е.В. де Роберти включила в себя этапы его «классического позитивизма», «предгиперпозитивистский» этап и этап «гиперпозитивистский», каждый из которых способствовал теоретическому формированию его как выдающегося отечественного философа второй половины XIX – начала XX веков.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. См.: Ахмедова М.Г. Социальная философия Е.В. де Роберти. //Автореф.дисс. на соиск.уч.ст.канд. философ. наук.- М.: МГУ, 1995 и др.
2. Социологическая мысль в России. Л.: Наука, 1978 с. 198.
3. Шкуринов П.С. Позитивизм в России XIX века.- М., 1980. с. 107.
4. См.: Голосенко И.А., Козловский В.В. История русской социологии XIX – XXвв.-М.: Онега, 1995. с. 9.
5. Там же. С.14, 61.
6. Там же. С. 14.
7. В 1864-1865 годах Е.В. де Роберти совместно с Г.Н. Вырубовым перевели на русский язык и издали книгу ученика О.Конта Э.Литтре «несколько слов по поводу положительной философии».
8. Verrier R. Roberty: le positivizma russe et la fondation de la sociologie. Raris: Felix Alcan, 1934. p.6.
9. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений.-М., 1953. Т.1. с. 66.
10. Verrier R. Roberty: le positivizma russe et la fondation de la sociologie. Raris: Felix Alcan, 1934. p.21.
11. Белинский В.Г. Избранные философские сочинения.- М., 1948. с. 526.
12. Данная работа Е.В. де Роберти осталась неопубликованной и по словам М.М.Ковалевского, кон-

кретной ее темой была «русская сельская община». См.: Ковалевский М.М. Страница из истории нашего общения с западной философией//Вестник Европы.Спб., 1915. Кн. 6. Июнь. С. 161-162; Диплом о присуждении Е.В. де Роберти степени доктора права. РГИА. Ф. 687. Оп.1. Д.1. Л.2.

13. Цит. по Ковалевский М.М. Страница из истории нашего общения с западной философией//Вестник Европы. Спб., 1915. Кн. 6. с. 162-163.
14. См.: De Roberty E.V. L'economie politique et la science sociale//La Philosophie Positive. Paris, 1868. T. II. № 4/Janvier-Ferrier. P. 108-129; Он же: De quelques lois de l'economie politique//La Philosophie Positive. Paris, 1869. T. V. № 2/ Septembre-Octobre. P. 228-255; № 3 Novembre-Desembre. P. 358-382. Позднее эти статьи были изданы Е.В. де Роберти в книге на русском языке – «Политико-экономические этюды». Спб., 1869.
15. К концу 1860 годов позитивизм в России становится фактом и начинает выходить за рамки философии, распространяется в истории, естествознании или как это пытался сделать Е.В. де Роберти в политической экономии. Позитивизм («научная философия») захватил в России, как утверждает очевидец,- «не только так называемых специалистов по философии, сколько широкие круги естествоиспытателей, юристов, историков, писателей и т.д.» См.: Ковалевский М.М. Страница из истории нашего общения с западной философией//Вестник Европы.Спб., 1915. Кн. 6. Июнь. С. 434.
16. Де Роберти Е.В. Политико-экономические этюды. - Спб.: тип. Н.Н.Тиблена, 1869. с.22-23.
17. Де Роберти Е.В. Политико-экономические этюды. - Спб.: тип. Н.Н.Тиблена, 1869. с.22.
18. См.: там же. С. 22-23.
19. О стилистических и психологических особенностях О.Конта см.: Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии.- М.: Мартис, 1995. С. 61-62.
20. Де Роберти Е.В. Некоторые законы политической экономии.//Он же. Политико-экономические этюды.- Спб.: тип. Н.Н.Тиблена, 1869. с. 82-83.
21. См.: Володин А.И., Итенберг Б.С. Из истории полемики вокруг «Капитала» в России (по новым материалам) // Вопросы философии. 1975. № 3. С. 108-118.
22. Ковалевский М.М. Страницы из истории нашего общения с западной философией.//Вестник Европы. СПб., 1915.Кн.6 Июнь. С. 161.
23. См.: История философии в СССР.-М, 1968-1971. Т.3-4; Психологическое направление в буржуазной социологии//Социологическая мысль в России. – Л.: Наука. 1978. С. 196-197.
24. Социологическая мысль в России. – Л.: Наука. 1978. С. 198.
25. См.: Де Роберти Е.В. Новая постановка основных вопросов социологии.- М., 1909. С. 104,170. Подобную точку зрения разделяет И.А.Голосенко, утверждающий, что для Е.В. де Роберти психологические феномены являются результатлм, а не причиной социальных взаимодействий. См.: Социологические исследования. 2001. № 2. С. 159.

L.G. Buzuk

PERIODS OF EVOLUTION OF PHILOSOPHICAL ATTITUDE OF E.V. DE ROBERTY

Abstract: Historical merit of Russian thinker E.V. de Roberty consists in his realization of the positivist drawbacks of the first wave. He didn't only attack its theoretical positions but also could build his own original philosophical system. There are three stages of development in the complicated philosophical views of E.V. de Roberty: the first one is "classical" (1856–1862) associated with the study and elucidation of the basal positivist statements of Auguste Comte and Herbert Spencer, the second is "predgiperpositivism" (1863-1869) showing in the use of methodology for the analysis of the historical problems and of the political economy and the third one is "giperpositivism" (1869–1915) directed at the critical positivist overthinking and establishing of his own philosophical system of views.

Key words: rositivism classical, predgiperpositivism, hyperpositivism de Roberty, specificity of Russian positivism.

УДК 28 (092)

Шихардин Н.В.

ИСЛАМ В ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ И СУДЬБЕ РОЖЕ ГАРОДИ*

Аннотация: Обращение Роже Гароди к исламу стало логическим продолжением его духовных и философских исканий, каждый этап которых становился ступенью к дальнейшему постижению многообразия мира. Обосновывая идею диалога культур, в том числе религиозного, Гароди отмечает, что западная цивилизация утрачивает гуманистический потенциал, в то время как гуманистический характер ислама проявляется в признании абсолютных ценностей, стоящих выше эгоистических интересов индивида, группы или нации.

Ключевые слова: ислам, диалог культур, религиозный диалог культур, гуманистический потенциал, ценность ислама.

Роже Гароди – французский философ, которому судьба даровала долгую жизнь (р. 1913), наполненную победами и поражениями XX столетия. Сплав интеллектуальных и нравственных исканий характерен для его автобиографических произведений: «Антей», «Легко ли быть коммунистом сегодня», «Исповедь человека», «Мой бег по веку в одиночку», «Биография XX века».

Философская концепция Гароди перестала быть объектом анализа в отечественной философии с конца семидесятых годов, после предъявления ему обвинений в ревизионизме и ренегатстве. «Приговор» просуществовал у нас как не подлежащий пересмотру почти четверть века, но все это время Гароди продолжал активную научную и общественно-политическую деятельность, не раз совершая «крутые повороты», один из которых заставил его по-новому взглянуть на ислам.

Блестящая политическая и научная карьера Гароди начинается после второй мировой войны. Он становится депутатом парламента от ФКП, сотрудничает с видными представителями французской культуры, но все больше тяготеет к философскому осмыслению мира и происходящих в нем процессов. Гароди, никогда не оправдывая впоследствии свои заблуждения, признавался, что сталинский догматизм был принят им без всякого навязывания, поскольку догматичной была сама позиция борца с абсолютным злом и защитника абсолютного добра [4; 9].

Инструмент преодоления политизации и идеологизации марксизма Гароди обнаруживает в диалоге, позволяющем не строить социально-философскую теорию вокруг одной точки, но находить другой «полюс», удерживая «оба конца цепи», не поступаясь ни объективностью и деятельной активностью, ни субъективностью и трансцендентностью как проявлениями духа.

Книга «Перспективы человека» (1959 г.), на страницах которой предоставлено слово Ж.-П. Сартру и Г. Марселю, становится первым шагом на этом пути. Марксизм, по мнению Гароди, не должен пройти мимо анализа субъективности и морального выбора в экзистенциализме, его критики тоталитаризма и бюрократического технократизма.

Рамки диалога еще более расширяются, когда под впечатлением решений Второго Ватиканского собора, который признал автономию мирских ценностей – как ценностей знаний, так и ценностей действий, – появляется книга «От анафемы к диалогу». В ней чётко сформулировано представление о позитивном вкладе христианства в мировую культуру, в том числе и в марксизм: «чем именно марксизм как мировоззрение, выработавшее методологию исторической инициативы, обязан

* © Шихардин Н.В.

христианству как религии абсолютного будущего, и каков вклад христианства в раскрытие двух существенных измерений человека: субъективности и трансцендентности» [6; 54]. Таковые его, Гароди, вопросы.

В середине 60-х годов усиливаются личные контакты Гароди с теологами. Он принимает активное участие в ряде международных встреч, демонстрируя принципиальную открытость марксизма как теоретической системы, его толерантность в области, где оппозиционность мнений представлялась непреодолимой.

Начиная диалог, Гароди определял его цель прагматично: «выявить основные линии, по которым развивается христианство, и ... раскрыть с марксистской точки зрения, без снисхождения и без стеснения, но и без сектантства, причины наших расхождений и условия сближения между нами» [3; 66]. Однако его резюме куда более эмоционально: исторической трагедией и огромной потерей времени для всего человечества может обернуться сохранение конфронтации марксизма и религии. «Марксизм оказался бы обеднённым, если бы Святой Павел, Святой Иоанн Креститель или Паскаль стали для него чуждыми». Но и «христианство оказалось бы обеднённым, если бы для него стал чуждым марксизм» [3; 75].

Гароди участвовал в этом диалоге более пятидесяти лет. В книге «Альтернатива» он напишет, что всю жизнь задавал себе вопрос: «Христианин ли я?» и сорок лет отвечал «нет», полагая веру несовместимой с деятельной жизнью. «Теперь, – признаётся Гароди, – я понял, что моя надежда активиста не будет иметь под собой основы без этой веры» [1; 83-84]. Ему становится очевидна самонадеянность признаний в вере в начале или даже в середине жизни. Подлинные тому доказательства можно обнаружить «лишь в конце жизни, а не в её середине, не до того, как будет полностью завершена наша доля в процессе созидания» [1; 84].

От диалога с теологами Гароди переходит к диалогу цивилизаций как альтернативе различным проявлениям догматического подхода к историческому взаимодействию народов и культур. Как механистический расценивается им постулат, будто культура есть отражение классовых и производственных отношений общества, в котором она родилась. Культура – это вся совокупность тысячелетних человеческих свершений и трансформаций самого человека, его мыслей и чувств под воздействием всех этих накопленных им достижений. Это не музей, а совокупность ответов человека на вопросы, которые ему задаёт природа, другие люди, наконец, он сам [12; 222]. *Культура как присутствие во всяком человеке всего человечества – фактор, сближающий цивилизации, поэтому диалог цивилизаций – это, прежде всего, диалог культур*. Таков вывод Р. Гароди.

Необходимость диалога обосновывается Гароди на нескольких уровнях, по ряду проблем и вопросов, ибо проблемы XX века неразрешимы вне мировой перспективы; только с помощью диалога можно поставить под вопрос постулаты, на которых зиждется западный мир, и с помощью которых осуществлялись попытки узаконить его политическую, культурную и экономическую экспансию [7; 85]; происходит инверсия центров исторической инициативы: «народы, долгое время рассматривавшиеся как объекты, с которыми можно было делать всё, что угодно, хотят стать активными субъектами истории. Рабы становятся людьми – таков новый смысл жизни» [13; 197-198]. Запад не может более говорить от имени всего человечества.

Диалог культур, по мнению Гароди, главная преграда интегризму. Эта проблема была представлена в своеобразном цикле работ, опубликованных им в 80-90-е годы, одна из них так и называется «Интегризм». В ней обосновывается мысль,

что фундаменталистский интегризм – это колониализм, навязывающий себя всему миру не только в экономическом плане, но и в политике, культуре, религии. Другая книга «Нужен ли нам Бог?», предисловие к которой было написано теологом Леонардо Кофом – противником христианского интегризма. В работе «Величие и упадок ислама» Гароди говорит об исламизме как о «болезни ислама». И, наконец, «Основополагающие мифы израильской политики» – книга о сионистском интегризме, которая и привела Гароди на скамью подсудимых.

Однако нельзя не заметить, что Гароди чётко разводит иудаизм как религию, к которой он относится с большим уважением, и сионизм как политику, которая провоцирует конфликт цивилизаций на стыке трёх континентов. Французский философ категорически отвергает обвинения в антисемитизме, утверждая, что он лишь пытается пресечь попытки вести антиарабскую политику, используя трагедии второй мировой войны [5].

Особое внимание Гароди уделяет критике интегризма фундаменталистского. Согласно истории терминов, фундаментализм – одна из дефиниций герменевтики, относящаяся к интерпретации священных текстов. Современный западный фундаментализм родился в XX веке в протестантских кругах США. В арабском языке, отмечает Гароди, есть другое слово – усулийя (от усуль ад-дин – столпы веры), которое наиболее полно передаёт сущность исламского фундаментализма [12; 144]. Речь идет об *идее восстановления столпов истинной веры в различных сферах*, в том числе и в социально-политической.

Гароди подчеркивает, что фундаментализм неоднороден, но, в любом случае, это идеология, для которой характерен консерватизм. Действием, направленным на реализацию идей фундаментализма, может быть сионизм, исламизм, глобализация гегемонизма. Это действие, политическое по своей сути, и эта политическая ангажированность может быть умеренной, радикальной (вплоть до экстремизма) или центристской.

Тот факт, что в нынешнем мире рост одних воспроизводит бедность других – неизбежное следствие (две стороны одного порочного процесса) планомерного развития на основе колониального интегризма [12; 79]. Этот вариант взаимодействия цивилизаций построен, во-первых, на изымании ресурсов стран третьего мира, превращении его в придаток к развитым странам. Во-вторых, в основе его лежит уверенность в том, что то, что хорошо для Запада, представляет единственно достойную модель развития, и как следствие, Запад оправдывает свою гегемонистскую политику «концепцией цивилизации и демократии».

Помощь странам третьего мира есть навязывание западной модели слепого экономического роста, а кейнсианские методы лечения экономики этих стран, временно сглаживая социальные антагонизмы, обостряют драмы человеческие. Гароди предостерегает: «самоубийственная экономика роста с её средствами устрашения, насилием, голодом, в конце концов, может опрокинуться» [12; 178]. Вывод Гароди категоричен: путь, навязываемый третьему миру, ведёт в тупик. Интеграция не может быть осуществлена методами механического и иерархического подчинения слабых стран более сильным, путём прибавления к мощи самой мощной страны сил некоторого числа вассалов.

Гароди фиксирует два вида противоречий, связанных с этой формой интегризма: одни создают препятствия для развития слаборазвитых стран, другие тормозят гармоническое развитие самих индустриальных держав. Особым видом фундаменталистского интегризма Гароди считает глобализацию гегемонизма, связывая его,

прежде всего с США, хотя ещё недавно речь шла и о Советском Союзе, и о Китае. Это путь попыток установления гегемонии, в основе которых лежит стремление либо сдержать или отбросить коммунизм, либо объявить национальную модель социализма универсальным эталоном [2; 180].

Одна из важнейших особенностей диалога цивилизаций в интерпретации Гароди заключается в том, что сам он берётся представлять в диалоге незападную, в первую очередь, исламскую культуру немусульманской публике. В личной жизни французского философа многое связано с арабским миром. Коммунист, участник движения Сопротивления, Гароди, заключённый в 1940 году в концлагерь на территории Северной Африки, остался в живых лишь благодаря убеждениям охранников-мусульман, отказавшихся стрелять в безоружных людей. Гароди был лично знаком с руководителями ряда мусульманских государств, с Г. А. Насером, М. Р. Пехлеви, Д. К. Ньерере и другими. Его книга «Обещания ислама» может рассматриваться как визитная карточка ислама. Характеризуя основные этапы своей жизни и творческой биографии, в книге «Мой бег по веку в одиночку», последний раздел Гароди называет «Ислам».

Известие о принятии Гароди ислама стало своего рода сенсацией, однако, он был уверен, что ещё раз на своём жизненном пути своим выбором определил эпоху. «Да, я неисправим, – признается он своим оппонентам, – ибо болезнь, от которой вы хотите меня вылечить, называется надежда, называется жизнь» [10; 14].

В 1988 году Гароди участвует в международном проекте «Зимнего университета», организованного мусульманской общиной Южноафриканской республики. Он читает лекции на форуме ведущих исламистских интеллектуалов в Кейптаунском университете, объединённые темой «Исламский проект: интеллектуальные перспективы третьего тысячелетия».

Гароди видит в обращении к исламу логическое продолжение своих духовных и философских исканий, каждый этап которых становился ступенью к дальнейшему постижению многообразия мира. Он писал, что юношеский атеизм обеспечил ему свободу мысли, выбор в пользу марксизма был связан с пониманием необходимости изменить мир. Однако диалог с теологами привел к выводу, что марксизм не может дать глобального решения существующих проблем, и тогда Гароди обратился к христианству. Его социально-философская позиция обогащается понятиями субъективность и трансцендентность, меняется отношение к вере, к возможности соединения веры и социальной ответственности: «вера – это не метафорическая концепция мира, но действие, вопрос, требование, это стиль жизни, который делает человека ответственным за собственную историю» [11; 172].

Поняв, что христианская церковь также не в состоянии изменить, преобразовать общество, Гароди обращается к исламу. Достоинство ислама, по мнению Гароди, в том, что, не устанавливая ни общественный строй, ни политический режим, он даёт характеристику основных измерений человека.

Во-первых, это трансцендентность, т. е. деятельный характер человека: «моё действие больше духа, шире духа» [10; 393].

Во-вторых, трансцендентность Бога по отношению к человеку, возможность мудрости, которая превышает науку и определяет цели [12; 30].

В-третьих, это примат общественного над индивидуальным: если в западной культуре свобода другого – граница моей собственной свободы, то для Востока – это её условие.

В-четвертых, в исламе отсутствуют национальные границы, нет западного ис-

лама, как нет ислама негритянского. Ислам определяет общие принципы, которыми должен вдохновляться режим, говорящий на его языке. Гуманистический характер ислама Гароди видит в признании абсолютных ценностей, стоящих выше эгоистических интересов индивида, группы или нации [9; 304].

В-пятых, в исламе отвергается слепой фатализм. Человек не делается ответственным за поддержание божественного закона на земле: все живет соответственно этому закону, и лишь человек – творение всевышнего – стал обладателем огромной привилегии, которую обеспечивает ему свобода воли. Гароди напоминает о том, что Аллах сделал человека своим халифом на земле. Халиф – не подчиненный, не пассивный исполнитель, он ответственный управляющий, преемник, имеющий право принимать решения.

Исламский мир – это сообщество, которое не говорит: «я мыслю – следовательно, существую»; но «мы любим» [9; 391]. Гароди ссылается на то, что ислам рассматривает всех мусульман как единую общину (умму) без различия по этническому признаку. Это подлинное сообщество, которое не есть буржуазная или анархистская концепция простого «сложения» индивидов, или как в тоталитарной организации превращение человека в фрагмент, предмет, подчинённый власти, находящейся вне его.

Наконец, достоинство ислама заключается в признании справедливости как базовой категории исламской политической культуры. Справедливость связана в первую очередь с умеренностью, уравновешенностью, чёткой системой налогообложения, включающей налог в пользу бедных. «Мысль и практика живого ислама определяются словом «диалектика», – пишет Гароди, – он остаётся открытым бесконечности» [9; 391]. Гароди не случайно выбирает эпитет «живой», поскольку, как уже отмечалось, он не сторонник любых форм, которые может принимать ислам.

Гароди убежден, что сегодня западная цивилизация не несет подобных гуманистических ценностей, она терпит крах на всех уровнях общественной жизни. В ней наука и технический прогресс стали самоцелью, средства превращаются в конечные цели, так создаются ложные боги – наука, деньги, экономический рост, потребление, престиж, рынок, демократия и т.п.

Гароди не предлагает ислам в качестве «прививки» к европейской культуре, хотя такие попытки имеют место: Архиепископ Кентерберийский Роуэн Уильямс в лекции «Гражданское и религиозное право в Англии: религиозная перспектива», прочитанной в феврале 2008 года, предложил включить в британское законодательство некоторые элементы шариата, поскольку в современном исламском видении мира есть много элементов, инкорпорирование которых в идеологию Запада только оздоровит общество: запрет порнографии, игорного бизнеса, употребления наркотиков, рекламы спиртных напитков, возвращение в общественное мнение идеи о вредности и греховности этих явлений [8; 10]. Эта, консервативная, на первый взгляд, программа могла бы способствовать возвращению к европейским же представлениям, которые были общепринятыми еще столетие с небольшим назад.

Для Гароди речь должна идти о диалоге, историческом компромиссе, понимании того, что Восток несёт в себе иное отношение к человеку, его мудрость учит: счастье начинается с самоотречения, преодоления индивидуализма и разрушительных дуализмов, ибо ни тело, ни дух не могут быть радостными поодиночке. Гароди пишет, что мудрость и пророчества двух миров заставляют осознать, что человек не является индивидом, атомом, отделённым пустотой от других. Он подобен волне без границ, единственной и неповторимой, наделённой всеми неопределённостями

океана [9; 390].

Впрочем, Восток у Гароди – это не только ислам. Подлинно гуманистической он считает конфуцианскую этику, которая не предлагает отвернуться от мира и обратиться к трансцендентному богу во имя дуалистического спиритуализма, а напротив, направляет мысль и действие человека на выполнение земных задач, программируя поступки, которые ведут к отказу от мелочного эгоизма, к пониманию, что самое глубокое во мне – не индивид, являющийся совокупностью пределов моих возможностей, а целое, являющееся его источником.

Мудрость – это не столько знание мира, сколько ответ на вопрос о целях нашей жизни. Этот ответ Гароди обнаруживает в культуре Индии – в Упанишадах и Ведах, в Китае – в даосизме, в Иране – в пророчествах Заратустры, в Америке – это «Пополь Вух», на Ближнем Востоке – Евангелие, Коран.

Нельзя сказать, что отношения Гароди с исламом складываются абсолютно безоблачно. Он видит преграды, которые создает ислам на путях своего распространения и признания в немусульманском мире. Мусульманам мешает адаптироваться к современной жизни, по мнению Гароди, смешение шариата и фикха: шариат – закон, аутентичное слово Аллаха, единственного и всеведущего владыки всего сущего; фикх – человеческая интерпретация этого слова. Неоднозначно была воспринята и критика Гароди исламизма как болезни ислама.

Поскольку диалог цивилизаций для Гароди имеет не только теоретический, но и практический аспект, отметим в качестве заключения некоторые проявившиеся в нём личные качества французского философа, заслуживающие по нашему мнению, безусловного уважения. Это толерантность и настойчивое стремление к тому, чтобы западный мир не только преодолел свою иллюзию «избранного народа», но и понял, что другие концепции мира и человека могут иными способами привести в действие исторические возможности. Это способность жить в постоянном разрыве с прошлым, в отрыве от старого и укоренении нового. Рамки конкретных религий и идеологий постоянно оказываются слишком узкими для Гароди. Это его оптимизм. Несмотря на весьма критичную оценку современного мира, Гароди уверен, что в крахе нашей цивилизации, а иногда и наших революций, «вырисовывается великая альтернатива». Наконец, его верность своим надеждам: «Я ни в чем не изменил своим надеждам, – пишет Гароди, – цель остаётся прежней, но методы её достижения стали новыми» [1; 168].

Перефразируя самого Гароди можно сказать, что рассмотрение эволюции его взглядов «по самому своему принципу не может быть закончено каким либо заключением, поскольку оно имеет своей целью понять движение мысли и действия, а не ограничить их рамками какого то понятия или какой то законченной системы...» [4; 158].

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Гароди Р. Альтернатива. – М.: Прогресс, 1972. – 172 с.
2. Гароди Р. Большой поворот социализма. – М.: Прогресс, 1970. – 189 с.
3. Гароди Р. За возрождение надежды. – М.: Прогресс, 1971. – 84 с.
4. Гароди Р. Марксизм XX века. – М.: Прометей, 1994. – 175 с.
5. Гароди Р. Основополагающие мифы израильской политики // Наш современник. – 1997. – №1-4.
6. Гароди Р. От анафемы к диалогу. – М.: Прогресс, 1976. – 60 с.
7. Гароди Р. Проект надежды. – М.: Прогресс, 1977. – 117 с.
8. Лукин А.В. Спасет ли шариат Европу? // Независимая газета. – 2002. – 17 июня.
9. Garaudy R. Appel aux vivants. – P.: Seuil, 1979. – 403 p.

10. Garaudy R. Biographie du XX ème siècle: le testament philosophique de R. Garaudy. – P.: Tougui, 1985. – 408 p.
11. Garaudy R. Garaudy par Garaudy / Entretiens avec Glayman C. – P.: Table ronde, 1970. – 275 p.
12. Garaudy R. Promesses de l'Islam. – P.: Éd. du Seuil, 1981. – 183 p.
13. Garaudy R., Lauer Q. Marxistes et chrétiens face à face: Peuvent–ils constituer ensemble l'avenir? – P.: Arthaud, 1969. – 249 p.

Shihardin N.V.

ISLAM IN THE PHILOSOPHICAL CONCEPT AND LIFE OF ROGER GARAUDY

Abstract: Roger Garaudy reference to Islam became logic continuation of its spiritual and philosophical searches, which each stage became a step to the further comprehension of variety of the world. Proving idea of dialogue of cultures, including religious, Garaudy notices, that the western civilization loses humanistic potential, while humanistic character of Islam is shown in recognition of the absolute values standing above egoistical interests of individual, group or nation.

Key words: Islam, dialogue of cultures, religious dialogue of cultures, humanistic potential, value of Islam.

РАЗДЕЛ 4. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

(кафедра философии МГОУ и докторский диссертационный философский совет при МГОУ)

1. Докторский диссертационный совет Д-212.155.08 по философским наукам (специальности 09.00.11 и 09.00.03) утвержден и с февраля 2008 года приступил к работе по аттестации научно-педагогических кадров (Приказ ВАК России № 1-130 от 25.01.2008 г.).

2. 5 и 19 июня проведены защиты трех кандидатских диссертаций:

Абросимовой Людмилой Викторовной «Историко-философский анализ концепции диалогизма XX века (М. Бубер, О. Розеншток-Хюсси, М.М. Бахтин) по специальности 09.00.03 - история философии. Диссертация была выполнена на кафедре истории и философии науки и образования Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования РФ (АПКППРО, г. Москва). Научный руководитель - доктор философских наук, профессор Семаева И.И. Официальные оппоненты - доктор философских наук, профессор Губман Б.Л. и кандидат философских наук, доцент Бондарева Я.В. Ведущая организация - Московский государственный гуманитарный университет (МГГУ) им. М.А. Шолохова.

Архангельской Натальей Олеговной «Проблема определения типа социальных отношений советского общества 1960-1980-х годов» по специальности 09.00.11 - социальная философия. Диссертация была выполнена на кафедре философии Московского государственного областного университета (МГОУ). Научный руководитель - доктор философских наук, доцент Демина Л.А. Официальные оппоненты - доктор философских наук, профессор Беркут В.П.. и кандидат философских наук, доцент Озеров А.А. Ведущая организация - АПКППРО РФ.

Черницкой Анной Леонидовной «Гуманизация высшего образования: сущность и перспективы развития» по специальности 09.00.11 - социальная философия. Диссертация была выполнена на кафедре философии Современной гуманитарной академии (СГА). Научный руководитель - кандидат философских наук, доцент Озеров А.А. Официальные оппоненты - доктор философских наук, профессор Огородников Ю.А. и кандидат педагогических наук, доцент Ярославцева Г.В. Ведущая организация - Красноярский государственный педагогический университет (КГПУ) им. А.П. Астафьева.

2 октября 2008 г. проведены защиты еще двух кандидатских диссертаций: Морозовой Ольгой Евгеньевной «Толерантность как принцип регуляции гендерных отношений» и Огородниковым Александром Юрьевичем «Интериоризация ценностей в условиях трансформации современного российского общества (социально-философский анализ)».

Обе диссертации подготовлены по специальности 09.00.11 - социальная философия. Первая - выполнена под научным руководством доктора философских наук, профессора Дырина А.И. на кафедре философии МГОУ. Вторая - под научным руководством доктора философских наук, профессора Климова С.Н. на кафедре философии, социологии и истории Российского государственного открытого технического университета путей сообщения (РГОТУПС). Официальные оппоненты (соответственно): доктор философских наук, профессор Горбунов В.С. и кандидат философских наук Петросян Д.И.; доктор философских наук, профессор Михалкин Н.В. и кандидат педагогических наук, доцент Ярославцева Г В. Ведущими организациями были утверждены (соответственно): АПКППРО РФ и Военный университет МО РФ (г. Москва).

Результаты всех этих защит утверждены Президиумом ВАК России и новым кандидатам философских наук вручены дипломы.

3. 23 октября состоялась зашита диссертации Макеевым Сергеем Викторовичем «Концепции технократизма: историко-философский анализ» по специальности 09.00.03 - история философии на соискание ученой *степени доктора философских наук*. Диссертация выполнена на кафедре философии МГОУ. Научный консультант: доктор философских наук, профессор Бузук Г.Л. Официальными оппонентами выступили доктора философских наук, профессора Делокаров К.Х., Деникин А.В. и Климов С.Н. Ведущая организация - Российский университет дружбы народов (РУДН). По материалам и документам этой защиты состоялось положительное заключение Экспертного совета ВАК по философским наукам. В связи с этим решение Президиума ВАК России о присуждении Макееву С.В. ученой степени доктора философских

наук было принято 20 февраля 2009 г. В этот день мы все рады были поздравить нашего коллегу. Докторский диплом выписан и получен (вручен).

4 декабря 2008 г. в совете состоялась защита кандидатской диссертации Петраковой Ириной Николаевной «Проблема пола в философии В.В. Розанова» по специальности 09.00.03 – история философии. Диссертация была выполнена в Тульском государственном университете (кафедра философии) под научным руководством кандидата философских наук, доцента Троегубова А.Г. Ведущей организацией по этой защите выступил Тульский артиллерийский инженерный институт. Официальными оппонентами были доктор философских наук, профессор Семаева И.И. и кандидат философских наук Джагарова Г.М.

Состоялось у нас одно заседание диссертационного совета и в январе 2009 г. На этом заседании (22.01.09 г.) свою кандидатскую диссертацию по специальности 09.00.11 – социальная философия по теме «Проблема духовного в профессиональной деятельности современного российского журналиста» защитила Флорова Елена Вячеславовна. Диссертация была выполнена на кафедре философии МГОУ под научным руководством доктора философских наук, доцента Деминой Л.А. Официальными оппонентами по этой работе выступили доктора философских наук, профессора Огородников Ю.А. и Петрий П.В. Ведущей организацией была Академия ПКППРО РФ (г.Москва).

На последних двух заседаниях диссертационного совета (декабрь 2008 г. и январь 2009 г.) *члены совета обменялись своими мыслями* относительно повышения требовательности к аспирантам и соискателям, их научным руководителям, докторантам и их научным консультантам, экспертам совета и официальным оппонентам *по качеству и полноте отражения в диссертациях, авторефератах, официальных отзывах и других документах по защите* (стенограмма заседания совета, справка о выдаче диплома) *вопросов степени разработанности темы диссертации (аспектов темы) в литературе темы, формулировках задач и указаниях на новизну (конкретность, предметность) результатов исследования, формулировках положений, выносимых на защиту, и их обосновании*. Обмен мнениями и выработка согласованных рекомендаций будет продолжена.

4. В июне 2008 года вышел из печати первый номер журнала Военно-философского общества Национальной Ассоциации объединений офицеров запаса Вооруженных Сил (МЕГАПИР) «Военно-Философский Вестник» (ВФВ), в котором (на его 144 страницах) представлены: Обращение академика РАН Е.П. Велихова «К читателям» (в связи с выходом первого номера нового журнала (С.3); Информация от Совета ВФО (с.4-7); Материалы международной научно-практической конференции «Армия как институт войны и мира в эпоху глобализации», состоявшейся в октябре 2007 года в Москве, в Культурном Центре Вооруженных Сил Российской Федерации (С.8-100); 5 статей в разделе «Методологические проблемы военной теории (С.101-128); 2 статьи в тематике раздела «Армия и культура» (С.129-140) и два материала информационного плана в рубрике «Наши юбиляры» (С.141-144).

Редколлегия сообщает, что с обозначенными материалами «ВФВ» (а в их числе и два материала (с.102- 103 и 143 – 144) профессора МГОУ, доктора философских наук, профессора, Заслуженного работника высшей школы России Дырина А.И., - утвержденного членом редколлегии нового издания) можно ознакомиться в читальном зале библиотеки МГОУ и на кафедре философии нашего университета (корпус 2, комн. № 122) Журнал будет выходить ежеквартально и регулярно поступать в научную библиотеку МГОУ, ряда других вузов Москвы, России и зарубежных стран (Тираж ВФВ сегодня 3000 экземпляров).

5. В сентябре 2008 г. Издательством «Мегапир» была выпущена монография Дырина А.И. и Дырина И.А. «Патриотическая идея и военная доктрина для будущей России в литературе русского зарубежья первой половины XX века». Эта работа (216 с.; 13.5 п.л.; тираж 1000 экз.) получила определенный резонанс уже хотя бы тем, что ее презентация (26.09.2008 г.) Национальной ассоциацией «Мегапир» была проведена в Общественной палате РФ. Впрочем, книгу эту может представить Председатель Комиссии Общественной палаты Российской Федерации по делам ветеранов, военнослужащих и членов их семей, Председатель Совета директоров Национальной ассоциации объединений офицеров запаса Вооруженных Сил (МЕГАПИР), доктор философских наук Каньшин Александр Николаевич. Это его «представление» открывает и самую книгу (Предисловие, с.5-6). Воспроизводим его полностью.

«Уважаемый читатель! Исследованием тех или иных аспектов темы, которая рассматривается в настоящей монографии, авторы занимаются исследовательской работой многие

годы. Свидетельство тому диссертационный труд одного из них (успешно защищен в 1996 г.) и большая (свыше 50 авт.л.) монография другого (издана в 2004г. с участием и Ассоциации «Мегапир»), научные статьи и публикации более объемного плана, выполненные ими как индивидуально, так и совместно, в том числе в 90-е годы XX века и современное десятилетие.

И все же настоящая книга не может и не должна быть представлена лишь как объединенное тематически, т.е. по *смыслу содержания и значению*, переиздание прежних публикаций авторов, хотя и с включением новых, существовавших лишь в рукописи материалов. Ибо, если это - в известной части своего объема - и переиздание, то переиздание с изменениями, с уточнениями и многочисленными дополнениями и того, и другого материалов, в том числе взятых из рукописи диссертации И.А. Дырина.

Монография, выпускаемая Издательским Домом «Мегапир», на две трети своего объема содержит материалы публикуемые впервые. И, следовательно, она, хотя и состоит из двух смысловых блоков (частей), представляется авторами как нечто единое, *единое именно в концептуальном отношении*. Поэтому заинтересованный читатель найдет в этом труде социально-философскую и философско-политологическую характеристику патриотической идеи и положений о военной доктрине, представленных в литературном наследии русской эмиграции «первой волны» XX века, а также – в дискуссиях по этим вопросам, отраженных в печати дореволюционной России и России советской (СССР) того же периода (первая половина XX века).

И в этой *полноте анализа источниковой базы* особенная ценность книги как в первую очередь для специалистов в области социально-философской и философско-политологической мысли, слушателей и аспирантов, студентов и преподавателей вузов страны, так и для ветеранов войн и вооруженных сил, воинов современной России, российской молодежи.

И еще несколько слов об авторах публикуемой работы.

Дырин Анатолий Иванович – доктор философских наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, академик Международных академий наук высшей школы и педагогического образования, академик Академии военных наук России. Полковник в отставке. Подготовил 45 кандидатов и 15 докторов философских наук. Список его публикаций включает сегодня 260 работ (285 п.л.), в том числе 15 монографических. Он член Совета Военно-философского общества Национальной Ассоциации объединений офицеров запаса Вооруженных Сил (Мегапир), руководитель проекта (подготовка и издание) Военно-философской энциклопедии, лауреат Форума «Общественное признание» Ассоциации «Мегапир».

Дырин Игорь Анатольевич – кандидат политических наук, автор 7 научных публикаций (16 п.л.), полковник запаса, член Военно-философского общества Ассоциации «Мегапир».

Поле научных интересов соавторов предлагаемой книги действительно обширно, но в последние 10-15 лет у них на первый план выдвинулись именно вопросы *философии политики и военной политики, патриотической идеи и военной доктрины, национальной безопасности России.* В том числе – отраженные в литературе русской эмиграции послереволюционного периода, то есть на основе введения в научный оборот ранее не использовавшейся исследователями страны источниковой базы.

Книга именно такова, и её авторы – уверен - с искренней благодарностью примут слово научной критики заинтересованного читателя».

6. И, наконец, еще одно сообщение в этой рубрике – сообщение о юбилее докторского диссертационного совета по философским наукам при МГОУ, о его 15-летии.

Кафедра философии МОПИ-МПУ-МГОУ 14 декабря прошлого года отметила свое 75-летие. Но в вузе нашем никогда не было философского факультета или отделения. Никогда раньше не было и диссертационного философского совета при вузе (даже кандидатского), хотя аспирантура по кафедре философии в послевоенные годы советского периода истории страны была. Но в самом конце 80-х - начале 90-х годов вся необходимая подготовительная работа была проведена и Решением ВАК РФ от 22 октября 1993 года докторский диссертационный совет по философским наукам (онтология и теория познания; социальная философия; история философии) при МГОУ (тогда еще – МПУ как бывший МОПИ) был утвержден.

Совет возглавляет с момента его создания по настоящее время заведующий кафедрой философии МГОУ профессор Дырин А.И., заместителем был сначала профессор Самойленко В.Ф., сегодня - профессор Сейранян Ф.Г; ученым секретарем 10 лет была профессор Семаева И.И., теперь - доцент, доктор философских наук, профессор кафедры Демина Л.А. За 15 лет состав совета лишь частично изменился. Поэтому в дополнение к именам Дырина А.И. и

Семаевой И.И. назовем и всех других членов совета «первого призыва», т.е. юбиляров собственно пятнадцатилетия. Это профессора, доктора философских наук Горбунов В.С., Кокорин А.А. и Михалкин Н.В. Это те, кто работает в совете 10 лет и больше, или чей стаж в совете приближается в 10 годам: профессора, доктора наук Беркут В.П., Бузук Г.Л., Деникин А.В., Лоза Г.Г, Копосов Л.Ф., Огородников Ю.А., Пирогов А.И., Сейранян Ф.Г., Смоленский Н.И., Ям К.Е. Отметим также, что пять членов совета и защитили свои докторские работы в нашем совете (Беркут В.П., Бузук ГЛ., Демина Л.А., Огородников Ю.А, Семаева И.И.).

Но нас сегодня 19. Совсем недавно(январь 2008 г.) в совет были включены профессора, доктора наук Волобуев О.В., Наместникова И.В, Ницевич В.Ф. В 2009 году в диссертационный совет будут введены доктора философских наук, профессора Чугунов В.М. и Макеев С.В., доктор исторических наук профессор Журавлев В.В. (все штатные сотрудники МГОУ). На очереди и ряд других изменений в совете, в том числе в связи с возможностью восстановления за философским советом при МГОУ права принимать к защите работы по специальности 09.00.01 – онтология и теория познания. Как это было с октября 1993 г. по июль 2007 г. Восстановимся!

7. Вниманию будущих наших авторов, их научных руководителей и/или научных консультантов, экспертов и рецензентов!

Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии в качестве официального документа опубликовало «НАЦИОНАЛЬНЫЙ СТАНДАРТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Статьи в журналах и сборниках: Издательское оформление» *(Проект).* (М.: Стандартинформ, 2008. -20 с. А -4).

Стандарт разработан Федеральным государственным учреждением «Российская книжная палата» Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям и вносится Техническим комитетом по стандартизации ТК 191 «Научно-техническая информация, библиотечное и издательское дело». Он будет утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии.

Содержательно документ включает **характеристику**: областей применения стандарта, нормативных ссылок, терминов и определений, издательского оформления статей в журналах и в сборниках статей, издательское оформление раздела «Содержание», нумерации страниц издания (с. 1-9), а также в качестве справочного приложения «Образцы издательского оформления статей» (с. 10-16).

В каждом номере Вестника МГОУ (во всех наших сериях) публикуются (с необходимыми изменениями) ПРАВИЛА для авторов статей и других лиц так или причастных к подготовке научных статей, их оформлению и/или изданию. Но ясно, что с момента введения в действие Стандарта редколлегия серии «Философские науки» Вестника МГОУ (как, разумеется, и все другие редакционные коллегии) примут Национальный стандарт к неукоснительному исполнению. Все что необходимо мы опубликуем в журнале. Следите также, заглядывайте на наш сайт в Интернете. Ибо все статьи авторы обязаны будут готовить, а редколлегии публиковать в самом точном соответствии с требованиями этого документа. Спасибо за внимание. Ответственный редактор серии «Философские науки» профессор Дырин А.И. 2.02.2009 г.; 12.04.2009 г.

НАШИ АВТОРЫ

Байдакова Мария Юрьевна, Российский государственный университет туризма и сервиса, Московская область, Пушкинский район, пос. Черкизово, кандидат философских наук, доцент кафедры психологии.

Тел: 8-916-451-12-68

Бакурадзе Андрей Бондович, Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, заведующий кафедрой управления человеческими ресурсами, кандидат педагогических наук, доцент.

E-mail: bondovich@mail.ru

Барсуков Игорь Сергеевич, директор МОУ «Средняя общеобразовательная школа №78», г. Красноярск, кандидат философских наук.

E-mail: bis24310@mail.ru

Бондарева Яна Васильевна, Московский государственный областной университет, доцент кафедры философии, кандидат философских наук.

E-mail: yanakankou@mail.ru

Бугаев Алексей Евгеньевич, преподаватель, соискатель кафедры философии Кубанского государственного университета (филиал в г. Армавире).

E-mail: alexeybugaev@gmail.ru

Бузук Лилия Геннадиевна, аспирант кафедры философии Академии повышения квалификации и переподготовки работников образования, г. Москва.

E-mail: liones@rambler.ru

Бурыкин Андрей Николаевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры управления Института истории и социологии управления Сахалинского государственного университета, вице-губернатор, руководитель аппарата администрации.

E-mail: burykinsfamily@bk.ru

Бухтиярова Светлана Анатольевна, Московский государственный областной университет, доцент кафедры романистики, кандидат педагогических наук, доцент.

Тел: 8-915-499-27-34

Войтов Иван Владимирович, Российский государственный открытый технический университет путей сообщения, аспирант кафедры философии, социологии и истории.

E-mail: mrkeks@yandex.ru

Дырин Анатолий Иванович, доктор философских наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, заведующий кафедрой философии Московского государственного областного университета, член Совета Военно-философского общества Национальной Ассоциации объединений офицеров запаса Вооруженных Сил «МЕГАПИР».

E-mail: dyrin@mail.ru

Ерохин Семен Владимирович, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник кафедры физической химии, кандидат экономических наук.

E-mail: serohin@ru.ru

Кафтан Виталий Викторович, Военный университет, старший преподаватель кафедры философии и религиоведения, кандидат философских наук.

E-mail: kaftanvit@mail.ru

Кирсанов Анатолий Иванович, проректор Московского психолого-педагогического института, кандидат политических наук.

E-mail: kirsanov_ai@mail.ru

Королева Марина Юрьевна, Калужский филиал Московского государственного энергетического института, соискатель кафедры общегуманитарных наук.

E-mail: v_b_king@inbox.ru

Лобазова Ольга Федоровна, Российский государственный социальный университет (г. Москва) доцент кафедры социальной философии, кандидат философских наук, доцент.

E-mail: yashik_20@rambler.ru

Михалкин Николай Васильевич, доктор философских наук, профессор Российской академии правосудия, г. Москва

E-mail: farnir85@yandex.ru

Михалкин Сергей Николаевич, кандидат философских наук, доцент Социально-экономического института, г. Москва.

E-mail: farnir85@yandex.ru

Огурчиков Павел Константинович, Всероссийский государственный университет кинематографии, доцент кафедры продюсерского мастерства и менеджмента, кандидат экономических наук.

E-mail: economvgik@narod.ru

Полякова Ирина Павловна, Липецкий государственный технический университет, доцент кафедры философии, кандидат философских наук, доцент.

E-mail: irispaul@mail.ru

Романова Ирина Николаевна, Калужский филиал Московского государственного энергетического института, соискатель кафедры общегуманитарных наук.

E-mail: inromanova@rambler.ru

Тугуши Сосо Акакиевич, кинорежиссер, кандидат искусствоведения, член Гильдии кинорежиссеров России.

E-mail: economik@narod.ru

Циркунов Игорь Борисович, кандидат экономических наук, соискатель, Государственный технический университет, г. Мурманск

E-mail: mki@front.ru

Шихардин Николай Владимирович, Курганский государственный университет, доцент кафедры социологии, кандидат философских наук, доцент, докторант кафедры истории философии Уральского государственного университета.

E-mail: gomer@zaurab.ru

Шлыков Роман Владимирович, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, аспирант кафедры философии.

E-mail: lenaeva82@mail.ru

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О «ВЕСТНИКЕ МГОУ»

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 году.

Многосерийное издание университета – "Вестник МГОУ" – включено в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук в соответствии с решением президиума ВАК России 6.07.2007г. (См. Список на сайте ВАК, редакция апреля 2008 г.).

В настоящее время публикуется 10 серий «Вестника МГОУ», каждая из серий будет выходить 4 раза в год, все 10 – в рекомендательном списке ВАК (см.: прикреплённый файл на сайте www.mgou.ru).

Первый номер 2008 г. по всем сериям подписывается в печать 5 февраля, второй- 5 мая, третий - 5 августа, четвертый - 5 ноября; с этой даты статью можно указывать в авторефератах.

Подписка на Журнал осуществляется через Роспечать или непосредственно в издательстве МГОУ.

Подписные индексы на серии «Вестника МГОУ»
в каталоге «Газеты и журналы», 2009, Агентство «Роспечать».

Серии: «История и политические науки» - 36765; «Экономика» - 36752; «Юриспруденция» - 36756; «Философские науки» - 36759; «Естественные науки» - 36763; «Русская филология» - 36761; «Лингвистика» - 36757; «Физика-математика» - 36766 ; «Психологические науки» - 36764; «Педагогика» - 36758.

В «Вестнике МГОУ» (всех его сериях), публикуются статьи не только работников МГОУ, но и других научных и образовательных учреждений России и зарубежных стран. **Журнал готов предоставить место на своих страницах и для Ваших материалов.**

Для публикации статей в сериях «Вестника МГОУ» необходимо по электронному адресу vest@mgou.ru прислать в едином файле (в формате Word) следующую информацию:

а) авторскую анкету:

– фамилия, имя, отчество (полностью);

– ученые степень и звание, должность и место работы/учебы или соискательства (полное название, а не аббревиатура);

– адрес (с индексом) для доставки Ваших номеров журналов согласно подписке;

– номер контактных телефонов (желательно и мобильного);

– номер факса с кодом города;

– адрес электронной почты;

– желаемый месяц публикации;

б) аннотацию на русском и одном из иностранных языков (примерно по 400 знаков с пробелами);

в) текст статьи;

г) список использованной литературы.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Статьи аспирантов МГОУ печатаются в первую очередь, статьи аспирантов других вузов по мере возможности, определяемой в каждом конкретном случае ответственным редактором. Оплата статей сторонних авторов (не аспирантов) после принятия статьи ответственным редактором предметной серии должна покрыть расходы на ее публикацию.

Требования к отзывам и рецензиям

К предлагаемым для публикации в «Вестнике МГОУ» статьям прилагается отзыв научного руководителя (консультанта) и рекомендация кафедры, где выполнена работа. Отзыв заверяется в организации, где работает рецензент. Кроме того, издательство проводит еще и независимое рецензирование.

В рецензии (отзыве) обязательно 1) раскрывается и конкретизируется исследовательская новизна, научная логика и фундированность наблюдений, оценок, выводов, 2) отмечается научная и практическая значимость статьи, 3) указывается на соответствие ее оформления требованиям «Вестника МГОУ». Замечания и предложения рецензента, если они носят частный характер, при общей положительной оценке статьи и рекомендации к печати не являются препятствием для ее публикации после доработки.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей, хотя с точки зрения научного содержания авторский вариант сохраняется. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии серии не публикуются и не возвращаются (почтовой пересылкой). Авторы получают рецензии с мотивированным отказом в публикации. Автор несет ответственность за точность воспроизведения имен, цитат, формул, цифр. Просим авторов тщательно сверять приводимые данные.

По финансовым и организационным вопросам публикации статей обращаться в Объединенную редакцию "Вестника МГОУ": vest@mgou.ru. Конт.тел. (495) 723-56-31. Наш адрес: ул. Радио, д.10А, комн.98.

График работы: с 10 до 17 часов, в пятницу - до 16 часов, обед с 13 до 14 часов. Потапова Ирина Александровна. Начальник отдела по изданию «Вестника МГОУ» профессор Волобуев Олег Владимирович. Более подробную информацию можно получить на сайте www.mgou.ru

Требования к оформлению статей

- документ MS Word (с расширением doc);
- файл в формате rtf;
- текстовый файл в DOS или Windows-кодировке (с расширением txt).

В начале публикуемой статьи приводится индекс УДК, который должен проставить автор, руководствуясь сведениями, полученными в библиографических отделах библиотек, которые располагают изданиями«Универсальной десятичной классификации» (УДК).

Файл должен содержать построчно:

на русском языке	НАЗВАНИЕ СТАТЬИ - прописными буквами Фамилия, имя, отчество (полностью) Полное наименование организации (в скобках - сокращенное), город (указывается, если не следует из названия организации) Аннотация (1 абзац до 400 символов) под заголовком «Аннотация»
на английском языке	НАЗВАНИЕ СТАТЬИ - прописными буквами Имя, фамилия (полностью) Полное наименование организации, город Аннотация (1 абзац до 400 символов) под заголовком «Abstract»
на русском языке	Перечень ключевых слов в количестве 5-7
на русском языке	Объем статьи – от 16000 до 20000 символов, включая пробелы Список использованной литературы под заголовком «Литература»

Формат страницы - А4, книжная ориентация. Шрифт не менее 14 пунктов, междустрочный интервал – полуторный.

Форматирование текста:

- запрещены переносы в словах

- **допускается** выделение слов полужирным, подчеркивания и использования маркированных и нумерованных (первого уровня) списков;

- наличие рисунков, формул и таблиц допускается только в тех случаях, если описать процесс в текстовой форме невозможно. В этом случае каждый объект не должен превышать указанные размеры страницы, а шрифт в нем – не менее 12 пунктов. Возможно использование только вертикальных таблиц и рисунков. Запрещены рисунки, имеющие залитые цветом области, все объекты должны быть черно-белыми без оттенков. **Все формулы** должны быть созданы с использованием компонента **Microsoft Equation** или в виде четких картинок

- запрещено уплотнение интервалов;

Внутритекстовые примечания (библиографические ссылки) приводятся в квадратных скобках. Например: [Александров А.Ф. 1993, 15] или [1, 15]. В первом случае в скобках приводятся фамилии и инициалы авторов использованных работ и год издания, во втором случае делается ссылка на порядковый номер использованной работы в пристатейном списке литературы. После запятой приводится номер страницы (страниц). Если ссылка включает несколько использованных работ, то внутри квадратных скобок они разделяются точкой с запятой. Затекстовые развернутые примечания и ссылки на архивы, коллекции, частные собрания помещают после основного текста статьи.

Обращаем особое внимание на *точность библиографического оформления* статей. Обращаем также внимание на *выверенность статей* в компьютерных наборах и *полное соответствие* файла на дискете и бумажного варианта!

В случае принятия статьи условия публикации оговариваются с ответственным редактором.

Ответственный редактор серии «Философские науки» – заведующий кафедрой философии МГОУ, доктор философских наук, профессор Дырин Анатолий Иванович.

Адрес редколлегии серии «Философские науки» «Вестника МГОУ»: 105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, МГОУ, кафедра философии, комн. 122. Телефон 8 (495) 780-09-44, доб. 1482.

E-mail: dyrin@mail.ru

О серии «Философские науки» Вестника МГОУ её редактор

С 1997 года в Московском государственном областном университете (до апреля 2002 г. – Московский педагогический университет, до этого МОПИ им. Н.К. Крупской) было начато издание сборников научных трудов ученых кафедры философии и других структур вуза под единым названием **«Вопросы философии»**, которые вскоре стали продолжающимся изданием. В нем публиковали результаты своего научного поиска также соискатели, аспиранты, докторанты, кандидаты и доктора наук других вузов России и зарубежных стран.

За период 1998-2002 годов в 16ти выпусках сборника было опубликовано около 250 научных статей, в том числе – более 80 научных работ докторантов и докторов наук, профессоров. Разумеется, не все эти публикации были публикациями по вопросам, относящимся строго к философии или даже – к философским наукам. Некоторые статьи охватывали философскую проблематику конкретных наук и прежде всего наук гуманитарного и социальноэкономического циклов. Другими словами, очень многие статьи касались вопросов философии науки и образования или специально им посвящались.

Именно в связи с таким основным содержанием вышедших сборников, а также в связи с тем обстоятельством, что все соискатели и аспиранты с мая 2006 г. сдают кандидатский экзамен по *истории и философии науки* все номера Сборников за 2003-2005 годы были изданы под новым наименованием – **«Вопросы философии науки и образования»** (Вышли №№17-20). Периодически такие сборники будут выходить и дальше. Однако теперь (с 2005 года) это будут и периодические (продолжающиеся) выпуски серии **«Философские науки»** (наряду с рядом других серий) журнала Московского государственного областного университета – **«Вестник МГОУ»**. В 2005г. вышел один, первый № (выпуск) серии «Философские науки», в 2006–2008 годах – 12. В 2009 г. – уже два. И так – по 4 номера выходить будут ежегодно.

Правила подготовки научных статей и условия их опубликования в выпусках серий «Вестника МГОУ» воспроизводятся ниже (с особенностями для серии «Философские науки»). Для публикации научных работ в выпусках серий «Вестника МГОУ» принимаются статьи на русском языке. При этом публикуются научные материалы преимущественно докторантов, аспирантов, соискателей, преподавателей вузов, докторов и кандидатов наук. Объем статьи не ограничен. Однако рекомендуемый объем от 0,5 до 1 п.л. (12-24 листов А4), т.е. 20-40 тыс. знаков с пробелами.

Тексты должны быть представлены в виде файла с использованием редактора Win Word и на бумажном носителе формата А4 (210х297) - обязательно в 2х экземплярах. *Дискета (диск) должны быть новыми или проверенными на вирусы и раскрываться!* Маркировка диска (дискеты) должна содержать Ф.И.О. автора и название статьи. На бумажном носителе (на отдельном листе со сведениями об авторе (в т.ч. телефоны, электронный адрес, научная специализация автора статьи (по диссертации) и др.) необходимо *указать количество знаков с пробелами* Вашей научной статьи (Word: сервис; статистика): не менее 16 тыс. знаков!

Текст статьи должен быть набран через 1,5 интервала (гарнитура «Times New Roman», кегль 14). Напечатанный текст должен иметь поля: верхнее и левое – 2,5 см, правое и нижнее – 2 см. Отступы в начале абзаца – 5 символов. Литература размещается в конце статьи с цифровыми ссылками на нее в тексте. Краткая аннотация - 1-2 абзаца (но не более половины листа А4) на русском языке помещается в *начале* статьи, после наименования ее темы. Затем следует абзац Ключевые слова: (5-7 терминов). Фамилия и инициалы автора (п/ж, кегль 14) размещаются в правом верхнем углу, ниже сведения об авторе (курсивом , кегль 14): название учреждения, где работает автор, должность, ученая степень, ученое звание; ниже в центре название статьи (п/ж, кегль 14), далее текст без разбивки на страницы. Страницы бумажного носителя нумеруются от руки простым карандашом. Дискеты (диски) не возвращаются (почтовой пересылкой).

Обращаем особое внимание на *точность библиографического оформления* произведений печати в *«Примечаниях»* (литература в конце текста) - кегль 14, междустрочный интервал 1,5; на *выверенность статей* в компьютерных наборах и *полное соответствие* файла на дискете (диске) и бумажного варианта! Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей, хотя *с точки зрения научного содержания авторский вариант сохраняется*.

Статьи, не соответствующие указанным Правилам, решением редакционной коллегии серии не публикуются и не возвращаются (почтовой пересылкой). Обращаем поэтому внимание авторов статей на полное и точное следование этим Правилам. В том числе, следуя образцу оформления первой страницы статьи. Он представлен ниже.

Иванов И.И.,
Московский государственный областной университет,
доцент кафедры философии,
кандидат философских наук, доцент

УДК... **Ноосферный анализ общества**

Аннотация.....
Ключевые слова (понятия, категории).....
Текст статьи.....
Примечания.....
Аннотация (на иностр. яз.).....

Стоимость публикации зависит не только от количества страниц в статье. По существу статьи публикуются бесплатно. В стоимость входит работа редколлегии над публикацией статей в Вестнике, а также оплата авторами (расчетная позиция: за текст объемом до 0,5 п.л. - одна тысяча рублей, выше расчетного - 1,5-2 тыс. руб.), организуемого редколегией серии, *независимого рецензирования* (экспертизы) статей. Со стороны авторов (как диссертантов) к статьям *могут быть приложены* лишь рецензии (заключения, рекомендации) научных консультантов и/или научных руководителей (не более одной страницы текста). Условием опубликования принимаемых статей является также *подписка* на соответствующую серию Вестника МГОУ через Агенство «Роспечать». За дополнительную плату можно заказать (до печатания тиража) необходимое число экземпляров журнала (или – при их наличии - приобрести в Издательстве МГОУ). Статьи аспирантов МГОУ публикуются за счет университета. Но рецензирование статей и подписка на журнал – на общих основаниях.

Ответственный редактор серии «Философские науки» – заведующий кафедрой философии МГОУ, доктор философских наук, профессор Дырин Анатолий Иванович, Заслуженный работник высшей школы России.

Адрес редколлегии серии «ФН» Вестника МГОУ: 105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, МГОУ, комн. 122 (кафедра философии). Телефон 8(495) 780-09-44, доб. 1482. Электронный адрес: Dyrin@mail.ru. Этот же адрес и телефон следует использовать и при направлении статей в выпуски Сборников «Вопросы философии науки и образования».

ВЕСТНИК
Московского государственного
областного университета

Серия
“Философские науки”

№ 2

Выпуск в серии пятнадцатый

Подписано в печать: 17.04.09.
Формат бумаги 60x86 /$_8$. Бумага офсетная. Гарнитура “NewtonC”.
Уч. – изд. л. 14,75. Усл.п.л. 12,5. Тираж 257 экз. Заказ № 75.

Издательство МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а,
т. (495) 723-56-31